

Σόλων

Владимир Горохов

ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Том 1. От Саламина
до Ареопага

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Московская городская организация

Союза писателей России

Владимир Горохов

**Законодатель. Том 1. От
Саламина до Ареопага**

«Издательские решения»

Горохов В.

Законодатель. Том 1. От Саламина до Ареопага / В. Горохов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490739-1

«ЗАКОНОДАТЕЛЬ» — уникальная книга, основанная на реальных исторических фактах, посвящённая жизни и деятельности выдающегося законодателя, политика, реформатора, мудреца и поэта Древней Греции Солона (640—559 гг. до н.э.). Книга представляет значительный интерес как для профессиональных политиков, философов, юристов, политологов, культурологов, так и для широкого круга читателей. Погрузитесь в увлекательное путешествие по эпохе Солона, чтобы совершить впечатляющие открытия и познать самого себя!

ISBN 978-5-79-490739-1

© Горохов В.
© Издательские решения

Содержание

Книга о мудрейшем из мудрецов и величайшем законодателе	6
ГЛАВА I. САЛАМИН	6
~1~	6
~2~	8
~3~	18
~4~	26
~5~	36
~6~	40
~7~	46
ГЛАВА II. САДИСЬ НА СЕРЕДИНУ КОРАБЛЯ	51
~1~	51
~2~	60
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Законодатель

Том 1. От Саламина до Ареопага

Владимир Горохов

НП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Курочкин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Дондупова С.Ж.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 16+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Sans 9 Prose

ISBN (т.1) 978-5-7949-0739-1

ISBN (многотомник) 978-5-7949-0740-7

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

Мы издаём книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Владимир Горохов, 2020

ISBN 978-5-7949-0739-1 (т. 1)

ISBN 978-5-7949-0740-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга о мудрейшем из мудрецов и величайшем законодателе

ГЛАВА I. САЛАМИН

~1~

Историей и судьбой наделены не только боги и люди, но и острова. Все острова – большие и малые, лесистые и скалистые, болотистые и песчаные, плодородные и пустынные, расположенные вблизи берега и сиротливо заброшенные в далёком море. Высшей волей им определён печальный удел – быть вечно оторванными от Большой Земли, а посему, изолированными от великих и малых событий, происходящих там. Они живут одинокой неповторимой жизнью, в которой много таинственного, поучительного, а то и пугающего, всего того, что присуще только земле островной. В такой жизни имеется свой сокровенный смысл, особая прелесть и привлекательность. Именно по этой причине, в века вечные, острова манили к себе обитателей Земли Большой, вплетались в водоворот их жизни, вкрапливались в неё, оставляли сколь-нибудь заметный след, сами становились крохотной частью великой человеческой истории. Муза истории Клио свидетельница тому. Она повествует о том, что одним – оные служили пристанищем и убежищем, давали пищу и крышу над головой, для других – стали местом заточения, рабского труда, несчастий и злоключений. Неких умиротворяли, остальных, наоборот, – озлобляли. Многие острова стали могилой для целых племён, но имеются и такие, которые спасали народы, служили им последним оплотом в борьбе за собственное существование. А сколько людей из-за них погибло. Ведь вопрос о том, кому и по какому праву принадлежит некий островок, жестоко оспаривался, оставался открытым с незапамятных времён. Спорившие страстно утверждали:

– Мы были первыми, и в силу этого, остров наш!

А другие им возражали:

– Мы первее первых!

– Вас-то ещё и в помине не было, когда наши предки бороздили окрестные воды, строили здесь жилища и храмы, разводили скот, возвращали злаки.

Иные – вовсе ничего не говорили, а просто высаживались на берег и силой оружия чужое делали своим.

Сколько крови смешалось с водой из-за этих островов, сколько достойных и недостойных людей тут погубили собственный дар, а то и вовсе нашли вечное пристанище. Одним богам лишь ведомо. Но известно и то, как немало мужей раскрыли здесь свой незаурядный талант и проявили способность к великим делам...

Остров, о котором далее пойдёт речь, сыграл заметную роль в эллинской истории. Ему была уготована великая судьба. Этот островок в Миртосском море лежит. Совсем маленький и, казалось бы, неприметный клочок земли, протяжённостью в семьдесят пять стадиев. Не столь уж красивый, не так и богатый, почти такой же, как и тысячи других. Есть на нём и речушка, по имени Бокар, и горные вершины имеются, наивысшая из которых зовётся Будор, и роща питуусовых деревьев растёт.

Древнейшее предание гласит: сам Посейдон – этот Зевс морей, поднял островок на поверхность из глубинной тьмы. Перед тем как ступить на дорогой его сердцу аттический

берег, он будто бы любил здесь отдыхать, любоваться своим водным царством и лицезреть Великую Землю-Гею – Праматерь богов и людей.

Давным-давно остров назывался Питиуссой. Знающие люди утверждают, якобы это имя происходит от названия дерева. Сосною – священным древом Посейдона – в те времена была покрыта добрая половина островной территории. Впоследствии их стало меньше, гораздо меньше.

На какой-то час Питиуссой завладел герой Скир. Как он им правил, и каким образом обустроивал жизнь на нём, история умалчивает. Об этом никому и ничего неизвестно. Зато известно, что остров стали называть Скирадой. Впрочем, царствовать герою пришлось недолго. Скир не был тем героем, которого слишком боялись или очень уважали. В скором времени он был низвергнут, и, что вполне справедливо, Кихреем – сыном Посейдона и Саламины, дочери речного бога Асопа. Остров получил новое имя – Кихрия. Но и царство Кихрея было мимолётным – такова видимо участь многих властителей. Суровы и немилосердны к ним мойры. То ли его убили, то ли изгнали, и трон оказался в руках кихреева зятя – Теламона. А чтобы имя бывшего владельца забылось, решили Кихрию переименовать в Саламин.

Так ли оно было на самом деле или нет, доподлинно установить невозможно. Попробуй человек разберись в делах тебе неподвластных, истлевших во времени столь отдалённом. Миф слился с историей, а может и наоборот – история смешалась с мифом, в чём большой разницы нет, ибо как не крути, если миф есть древнейшая чудесная история, то древнейшая история в устах людей является не более чем мифологизированной жизнью. При всём том, миф не чужд современному человеку, а наоборот – интересен и поучителен, к нему мы прислушиваемся, из него высекаем искры неизведанного, увлекательного, порой совершенно неожиданного, весьма сокровенного и глубокого. В мифе мы стремимся обнаружить подлинную историю и при большом старании крупинцы её всё-таки находим. В нём же мы ищем себя и свои истоки.

Проблески реальных событий свидетельствующих о Саламине, относятся к временам Троянской войны. Об этом устами Гомера гласит один из знаменитейших эллинских героев Аякс:

Сам у отца моего в Саламине рождён и воспитан...

Так что, если верить великому аэду, Саламин издавна был не только лакомым куском для многих завоевателей, но и родиной знаменитых героев Эллады. Само собой, издревле жили здесь и простые смертные. Островитяне пасли стада, строили дома и храмы, торговали. И город они возвели, и пристань построили и торговых гостей часто принимали и провожали, имея при этом хорошую прибыль.

Очень выгодное положение занимает Саламин, являясь удобными морскими воротами, поэтому многим он приглянулся и стал островом раздора во времена, в которые человеку уже позволительно заглянуть.

На морском побережье, прямо-таки напротив середины Саламина, возвышаются две утёсистые рогаобразные вершины – границы Мегарской и Аттической земель. «Рогами» – просто называют их местные жители. Название весьма примечательное, меткое и не случайное. Оно, словно умышленно, символизирует постоянное противоборство между Афинами и Мегарами, двумя государствами древней Эллады, представляющими исстари враждующие ионические и дорические племена. Это противоборство ощущалось на суше и на море, в умах и в сердцах граждан обоих полисов.

Саламин же стал непреодолимой стеной в жестокое противостоянии, ибо те и другие страсть как желали владеть им, полагая, что иного владельца быть не может и не должно. Обоядная ненависть из-за острова достигла предела. Оспаривая его, стороны использовали всё: и силу слова, и мощь оружия. Афиняне, к примеру, сославшись на Гомера, утверждали:

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

Тем самым как бы непреложно разъяснялось – Афины и Саламин давно представляют одно целое. Не случайно сын Теламона Аякс сражался в рядах афинян против троянцев. Дескать, какие тут нужны ещё более веские доказательства?

На что мегаряне, тут же, ставя в свидетели всё того же Гомера, отвечали:

Вывел Эант корабли из Саламина, потом из Полихны,
Из Эгируссы, затем из Нисеи и из Триподов.

А это означало примерно то же, что и в первом случае, но только в пользу мегарян, так как другой сын Теламона – мощный Эант – якобы возглавлял мегарскую рать из вышеупомянутых селений.

Не убедив друг друга поэтическими средствами враждующие государства стали доказывать свою правоту силой кулака и оружия. Длительное время успех был на стороне афинян. Но настойчивые мегаряне ценой невероятного терпения и огромных жертв в конце-концов сумели завладеть вождленным островом. Они в течение нескольких лет надёжно его удерживали. Попытки Афин вернуть себе Саламин удачи не принесли. Более того, в силу проявленного малодушия, внутренних неурядиц и неумелого руководства со стороны стратегов, афинское войско несло большие потери. Очень многие афинские мужи нашли своё упокоение в саламинских могилах. Противоборство затянулось надолго. Война утомила всех, особенно претерпевших невзгоды афинян. Но молодёжь Аттики требовала всё новых и новых походов, которые, впрочем, заканчивались новыми неудачами.

Дело дошло до того, что Экклесия – народное собрание афинского государства – приняла закон, запрещающий не только ведение боевых действий, но и всяческие разговоры о войне и даже упоминание о Саламине. Тех, кто противился этому установлению, ожидало суровое наказание в виде изгнания, а то и смертной казни. «Если не можешь бороться с врагами, то борись с самим собой», – метко язвили по этому поводу афиняне.

Разумеется, честолюбивые индивиды с таким положением дел долго мириться не собирались. То тут, то там раздавались одинокие голоса смельчаков, взывающих к племенному честолюбию афинян-ионийцев и требующих нового похода на захваченный мегарянами-дорийцами Саламин. У многих при упоминании злополучного острова на душе становилось грустно и скверно, но всё же большинство скорбно молчало. Тяжкое уныние царило в Афинах. Хотя самих царей давным-давно уже не было.

~2~

Было хмурое, ветреное утро. День едва начинался. Многие афиняне, несмотря на плохую погоду и подавленное настроение, занимались обычными делами. Из ремесленных мастерских доносился стук молотков и скрежет металла. Гончарных дел мастера усердно размешивали глину. Кожевники возделывали овечьи шкуры, доставленные только что пастухами. Утренние Афины, проснувшись, уже всю дымились, давая всем знать, что несмотря ни на какие беды и трудности, жизнь теплится в каждом доме. Сильный ветер разносил дымные облака по всем сторонам, разрывал их в мелкие клочья, и порою, играя с ними, словно бы, кот с пойманной мышью.

Бесконечная вереница людей потянулась со всех улиц в сторону Агоры – центра деловой жизни Афин. Одни шли сюда, чтобы что-то купить, другие – продать, третьи – узнать о ценах,

четвёртые – повидать знакомых или обменяться новостями. Иные – что-то украсть. А прочие – шли слоняться без надобности, безучастно наблюдать за происходящим вокруг, не сидеть же им дома. Жизнь на рыночной площади как обычно текла своим чередом. Жизнь безрадостная, мрачная, потускневшая от разного рода бед. Тучи висели прямо над Агорой, и, казалось, упирались своими краями в недалеко стоящий Акрополь.

Вдруг, невесть откуда, на Агоре, появился дивно одетый, высокий статный муж, лет сорока от роду. Красивые черты его лица были явно искажены, глаза горели. Вьющиеся русые волосы почему-то покрыты шапочкой, что являлось признаком умопомрачения, знаком душевной болезни. Быстро передвигаясь своими длинными ногами, пришелец направился к камню, с которого обычно вещали глашатаи. Несуразно махнув руками, он в мгновение ока взмыл на него и во весь голос страстно запел:

Все горожане, сюда! Я торговый гость саламинский,
Но не товары привёз, – нет, я привёз вам стихи.

Площадь на мгновение притихла, осмотрелась вокруг, задумалась, а затем многие на ней пребывавшие, короткими перебежками ринулись поближе к новоявленному поэту.

Казалось, он намеренно сделал паузу, чтобы находящиеся здесь люди подошли поближе и успокоились, сосредоточились. Краем глаза узрев, что прочно завладел всеобщим вниманием, внезапно появившийся поэт ещё громче продолжил:

Быть бы мне лучше, ей-ей, фолегандрием иль сикинитом,
Чем гражданином Афин, родину б мне поменять!
Скоро, гляди, про меня и молва разнесётся дурная:
«Этот из тех, кто из рук выпустили Саламин!»

– Верно, Солон, верно! – страстно воскликнул белокурый юноша, наблюдавший за поющим поэтом невдалеке от камня. Его поддержали ещё с десяток голосов.

– Так это Солон, сын Эксекестида? – изумился стоявший в двадцати шагах от вещавшего поэта седовласый толстяк по имени Гермий, судя по виду, человек благородного происхождения.

– Похоже, он, – подтвердил находившийся рядом его брат Аристей, такой же седовласый, такой же толстый и столь же «благородный». Затем тихо добавил: – Ходят странные слухи, будто Солон помешался умом. Дожил до акмэ – и внезапно обезумел.

– Слухам можно поверить, если судить по его безобразному виду и стихам, – саркастически бросил Гермий, – к тому же, слышишь, поёт без лиры. Не иначе как богиня глупцов Атэ вселилась в него.

– Но ведь ещё совсем недавно он был в полном здравии, как телесно, так умственно, да и, насколько мне известно, успешно вёл торговые дела. Все знают – Солон отменный купец. Не было случая, чтобы он оставался внакладе.

– Как-то не вяжется торговля с поэзией, – выслушав брата, возмутился Гермий, – что-то я не слыхивал, чтобы состоятельные купцы сочиняли стихи, а достойные поэты занимались торговлей.

– А мне кажется наоборот, – возразил Аристей. – Очень даже вяжется. Кто-кто, а уж эти торговцы мастаки увещевать языком. Так они захвалят свой товар, так его приукрасят, расскажут о нём столько небылиц. Чем это не поэзия? Сам Гесиод, а то и Гомер позавидовал бы им. Что же касается нынешних «гомеров и гесиодов», то, обеднев, некоторые из них, стали зарабатывать себе на жизнь торговлей. Ведь за стихи не платят. Но в совершенстве владея

словом, можно успешно продавать товар, получать немалую прибыль. Так что, ошибаешься, брат; теперь – купец и поэт почти одно и то же. Сам видишь и слышишь.

Гермий поднял глаза к небу, словно собирался спросить у небожителей, прав ли его сородич, затем метнул взгляд в сторону вещавшего купца-поэта, потом любопытствующе осмотрел затаившуюся толпу, и, слегка покачивая головой, грустно промолвил:

– Поразительное время наступило сегодня. Всё в жизни смешалось – благородность происхождения с низменным занятием, поэзия с торговлей, разум с безрассудством. Что происходит? Куда идём?

Между тем «сумасшедший» Солон громогласно вещал последние строки своей элегии:

На Саламин! Как один человек, за остров желанный
Все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!

Окончив песнь, он быстро спрыгнул с камня и также незаметно исчез, как и появился.

Молодые афиняне устремились было за ним, но поэт словно растворился в воздухе. Кто-то всего лишь успел крикнуть:

– Приходи завтра!

Многие из присутствующих на площади находились в состоянии удивления, иные – смущения, а то и замешательства. Чего-чего, но подобного они не ожидали, тем более от Солона, человека мудрого, сдержанного, в Афинах уважаемого, происходившего из знаменитейшего древнего рода.

Когда оцепенение прошло, монолитная толпа расплылась на множество небольших островков, которые загалдели с такой силой, словно это был не афинский рынок, а птичий базар. Обсуждавших волновало три вопроса. Действительно ли безумен Солон? Если он не безумен, то какова судьба уготована ему богами после случившегося? И, наконец, третий вопрос, который пока не обсуждался, но, несомненно, каждый думал о нем – как быть с Саламином? До каких пор афиняне будут терпеть панэллинский позор? Этот вопрос был важнее других, но о нём не говорили. Во всяком случае, многие, опасаясь за свою жизнь, пока помалкивали, стараясь тему Саламина не затрагивать.

В течение часа-другого весть о солоновом деянии разнеслась по всему городу. Пожилые мужи сдержанно, но осуждающе говорили меж собою о происшедшем. Многие из них побаивались, как бы их сыновья и внуки не поддержали рехнувшегося поэта. Случись подобное, не миновать новых сражений с мегарянами, не уйти от больших жертв, а то и унижений, если снова постигнет неудача. Впрочем, не все беспокоились, полагая, что Солон действительно тронулся умом. Не может ведь здравый человек быть врагом себе, поступая таким образом. Иные уверовали в мономанию Солона, дескать, он помешался на своей идее освобождения Саламина. И теперь будет всех в этом страстно убеждать каждый день. Кое-кто посчитал, что Солон заболел эпилепсией. Хотя никакой эпилепсии у поэта и торговца не наблюдалось.

Афиняне среднего возраста, к которым относился и сам Солон, хорошо знавшие его, были убеждены в наигранном притворстве купца-поэта. Скорее всего, за этим кроется что-то таинственное, предполагали они. Но вот чей замысел осуществляет он, понять пока не могли. Что-то здесь не так, полагали они и молча строили догадки.

Относительно афинской молодежи можно утверждать – те торжествовали. Наконец-то, – радовались они, – нашёлся смельчак, который открыто сказал всё то, о чём они тайком помышляли. Многие молодые люди давно желали проявить себя на саламинском поле боя. И вот, кажется, такая надежда появилась, если, конечно, архонты не расправятся с Солоном.

Следующий день выдался ещё более хмурым. Чёрные тучи заволокли всё небо над Афинами. Моросил мелкий дождь. Казалось, сама природа отражала плохое настроение людей, состояние их духа и вынуждала всех сидеть дома. Но не тут-то было. Сразу же после завтрака

со всех афинских улиц к центру города потянулась чередой мужей. Приветствуя друг друга, они убеждали встречных, будто идут на Агору по неотложным делам. Кому-то вдруг понадобилось купить оливкового масла, зайти в лавку за овощами, кто-то надеялся приобрести новую посуду, иной – встретить знакомого из соседнего полиса. Короче, у всех нашлась уважительная причина, чтобы именно сегодня побывать на городской площади.

И действительно такая причина существовала, и называлась она – Солон. Некоторые и вовсе не скрывали её. Правда, никто не был уверен в предполагаемом появлении дерзкого поэта на Агоре. Несмотря на то, все надеялись и ждали. Большинство пришедших парами кружили вокруг камня, ведя незатейливые беседы, и украдкой поглядывали туда, откуда, предположительно, мог появиться ожидаемый поэт. Присутствующие заметили, как к камню подошли четверо мужей и стали о чём-то меж собою тихонько говорить. Среди них находился Дропид – родственник Солона и трое ближайших друзей поэта – Гиппоник, Клиний и Конон. Афиняне решили, коль пришли друзья, то вскоре появится и сам виновник сборища. Предчувствия не обманули их.

Солон буквально ворвался на Агору. Облачённый в короткую хламиду, с шапочкой на голове, ютившейся набекрень, возбужденно расталкивая руками теснившихся вокруг афинян, он решительно направился к камню. Те, кто стояли на пути, еле успели расступиться, давая поэту пройти. Не задерживаясь ни на одно мгновение, Солон стремительно взмыл на камень, окинул окружавших его людей притворно безрассудным взглядом и громко запел:

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь, вместо речи, спою.

Все обитатели площади замерли, внимательно вслушиваясь в Солоновы слова. Даже безразличные лавочники-чужестранцы бросили свои товары и, осторожно переступая с ноги на ногу, подошли поближе к сборищу, пытаясь понять смысл происходящего.

Песнь Солона звучала трогательно, страстно, язвительно. Кажется, он стремился устыдить афинян в бездействии, упрекал их в отсутствии патриотизма, чувства собственного достоинства и боевого духа. Особенно дерзкими были его последние слова:

На Саламин! Как один человек, за остров желанный
Все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!

Стоило поющему поэту закончить элегию, как часть толпы, где преимущественно стояла молодёжь, взорвалась:

– На Саламин!!! На Саламин!!! На Саламин!!! Смоем позор!!! Смоем позор!!! Смоем п-о-з-о-о-о-о-р!!!

Те, которые были постарше, начали осмотрительно удаляться с места события, опасаясь возможных неприятностей. Многим стало ясно, что никакой он не полоумный этот Солон, ибо такую песню, мог сочинить человек поистине талантливый и здравый. Впрочем, все эти поэты не от мира сего. Поговаривают, вроде бы они являются посредниками между божествами и людьми. Во всяком случае, Гомер и Гесиод наверняка общались с богами. Иначе откуда им довелось узнать всю родословную олимпийцев. А что если и Солон является провозвестником высшей воли? Вдруг он послан воинственным Аресом или многомудрою Афиной, а то и самим громовержцем Зевсом, чтобы воспеть мужество, силу, честь и разбудить боевой дух мужей. Так, примерно, размышляли некоторые афиняне, возвращаясь с Агоры.

Тем временем Солон, в отличие от дня вчерашнего, домой не спешил, а продолжал стоять на облюбованной им трибуне, молча вслушиваясь в крики молодых афинян. Он застыл, будто катаlepsия сковала его. Дождь никак не прекращался. Распахнутое небо щедро поливало

всех водой. Поэт весь промок. С его головы, с рук, с ног струились ручейки воды. Создавалось впечатление, словно он весь плачет, будто не только душа, но и всё его тело и одежда источают крупные слёзы. Сильный ветер бил поэта в грудь и в лицо, пытаясь согнать его с бемы. Но не для того пришёл сюда Солон, чтобы падать с камня от дуновения ветра. Когда гомон вокруг поутих, стихотворец ожил. Он медленно поднял правую руку, а затем резко, вместе с брызгами, выбросил её в сторону, стоявших в десяти шагах от него, молодых людей.

– Труссы! – язвительно крикнул он им. – И ты, Феодор, и ты, Мардоний, и ты, Антихар! Все трусы!!! И вы тоже! – на сей раз, Солон сделал выпад левой рукой в другую сторону. – И вы тоже! – вовсю вопил он, указывая обеими руками на стоявших рядом с ним друзей. – Все трусы и предатели! В Афинах не осталось достойных мужей! Арес и Афина покинули вас. Видно, вами верховодит одна Афродита. Несчастные! Уходите домой, держитесь своих жён. Спешите к уличным девкам, может они скрасят вашу безучастную жизнь. Идите и услаждайтесь горечью моих слов. Всем позор! Всем позор! – И с этими словами сошёл с камня и подался в сторону своего дома.

– Ты заблуждаешься, безумец! – возразил ему вслед Мардоний, которого Солон обозвал трусом. – Да я немедля готов взять копьё и напрямик двинуться на Саламин!

– И я! – произнес Антихар.

– И я! И я! И я! – также воскликнули многие молодые люди...

По дороге Солон нагнали его друзья-соучастники.

– Ну, как, удалось? – озорно подмигнув им, весело спросил поэт.

– В тебе, мой дорогой друг, – сказал Клиний, – пропадает лучший сатир Эллады! Ты способен переиграть всех.

– А я и впрямь подумал, что у тебя притупился разум, – включился в разговор Конон. – Особенно когда ты стал обзывать молодых трусами.

– Удивляюсь, – рассмеялся Гиппоник, – как это мужи не побили тебя камнями?

– Афины умалишённых любят, – прижмурившись, с наслаждением произнёс Солон. – Они боятся сильных, честных, справедливых, смелых и мудрых, а дурачков любят. Если умный муж говорит им правду, его сразу же начинают обвинять либо в подрыве устоев, либо в государственной измене. А с юридического спрос невелик. Такого не только выслушают, но и накормят, оденут, положат на ночлег, обласкают. Того и смотри, скоро меня начнут жалеть, а то и кормить, – улыбнувшись, добавил он. – Как замечательно быть афинским сумасшедшим!

Друзья Солон громко расхохотались. На прощанье договорились – завтра они вновь соберутся на Агоре. Солонова затея им так понравилась, и судя по их разгорячённым лицам, всеми овладел большущий азарт.

И в этот вечер главной темой разговора во всех афинских домах являлся Солон, точнее состояние его ума. Как зараза распространилась по Аттике молва о сумасшествии сына Эксекестиды. Некоторые сердобольные горожане искренне сожалели о постигшей, как они предполагали, его беде. Как же так случилось, что он впал в безумие? Они охали, ахали, взывали Афины вразумить, а Асклепия – излечить заболевшего купца. Их сочувствие выглядело искренним, добросердечным, ведь Солон, как и его покойный отец, всегда слыли людьми, достойными, уважаемыми, добродетельными. Среди афинян, у них, пожалуй, не было не только врагов, но и явных недоброжелателей. Завистники, как всегда водится, имелись, но не более того. Особенно печалились старики – сверстники солонового родителя. Они побаивались, как бы непонятная болезнь не привела к несчастью.

– Да и болен ли он на самом деле? – задавались многие подобным вопросом. – Нет ли в этом обмана или злого умысла? Всякое ведь может быть.

Те граждане, которые ещё не слышали призывов поэта, возгораясь любопытством, решили самолично во всём убедиться. А потому, в следующий день, не мешкая, с утра, отправились в центр города.

Дождь над Афинами, кажется, прекратился, но небо всё ещё не просветлело. Хмурые тучи, словно волны, накатывали на город, усиливая и без того гулявшую в умах людей тревогу и нервозность душевного состояния. К полудню вся площадь была усеяна горожанами. Мужики всех возрастов и достоинств с нетерпением дожидались Солона. Среди них находились даже дети, хотя им не позволялось участвовать в собраниях. Собственно, никакого собрания и не было. Скорее всего, событие напоминало стихийное уличное театральное действие, в котором сатиры Солон общался с хором, то есть с афинянами. А уличные театральные действия в Афинах, как и во всей Элладе, стали уделом не только взрослых мужей, но и детей, женщин, людей, не имеющих гражданства. Между тем на Агоре сомневались, что новоявленный сатиры – Солон положительно воздействует на молодёжь. Впрочем, никто никого не прогонял и не зазывал остаться. Все томились ожиданием. У входа мелькнуло лицо бывшего стратега Главкона, здесь же стоял полемарх Диодор, и даже престарелый Клеомен – бывший хитромудрый архонт, словно невзначай заблудившись, зашёл сюда. Видя огромное скопище возбуждённых людей, он съязвил:

– Эклесию и ту посещает меньше граждан. Надо бы намеренно просить Солона сумасбродить в день народных собраний. Тогда бы и глашатаи не понадобились.

Тем временем на площадь вошли сообщники поэта, что являлось верным признаком скорого прибытия и самого виновника невиданного сборища. На сей раз Гиппоник, Клиний, Конон и Дропид не остались вместе, а разбрелись по разным углам Агоры. Так, видимо, они уговорились заранее.

Наконец-то появился и сам ожидаемый. При его виде площадь, напоминавшая пчелиный рой, притихла. Стоявшие на пути поэта мужики – кто вежливо, кто сочувственно, а кто и небрежно – расступились, пропуская его к камню, к которому он упрямо спешил. Легко взобравшись на него, как и в предыдущие дни, Солон поправил на голове шапочку, окинул присутствовавших наигранно сумасбродным взглядом, повернулся на Юг – в сторону злополучного острова, плавно вытянул обе руки и сильным, красивым голосом запел:

О, Саламин, сколько ты унижений доставил Афинам,
Остров желанный, в наш дом, открывающий путь...

Афиняне внимали поэту. Даже те, кто вовсе не любили и не понимали поэзии, и то пытались вникнуть в смысл солоновых элегий. Бывший стратег Главкон, почёсывая обрубок своей руки за левым ухом, тихо произнёс:

– Да-а-а! Ну и ну!

Что он этим хотел сказать, никто толком не понял. «Да», в смысле правоты Солона. Или «да» – как раз в противоположном значении.

Полемарх Диодор, слушал Солона, опустив взгляд, словно бы устыдился его упрёков. Рядом с ним стоял десятилетний мальчишка по имени Феспид. Широко открыв рот, восхищённо глядя на поэта, он затаённо вникал в солоновы слова, буквально поглощая их. Не они ли, через много лет, побудят создателя трагедии к своим изысканиям?

Бывший архонт Клеомен не только слушал, но и внимательно следил за действиями поэта, пытаясь проникнуть в его душу, и уяснить – действительно ли она больна. Не раз он окидывал хитроумным взглядом и всех присутствующих на площади, изучая их отклики на призывы Солона. В конечном счёте, Клеомен понял – афиняне на стороне безумца. Касательно душевной болезни самого выступавшего, бывшего архонта взяли серьёзные сомнения. Лицо, глаза, руки и одежда действительно несли оттенок умопомешательства. Но голос и содержание элегий как раз свидетельствовали о ясности ума. Двойственное, весьма двойственное впечатление от услышанного и увиденного на Агоре осталось у рассудительного Клеомена. Стоявший рядом с ним пожилой афинянин, нерешительно шепнул ему:

– Вот так штука! Сдаётся мне у Солона умно безумный образ мыслей.

– Вернее безумно умный, – хихикнув, ответил Клеомен и, прихрамывая, подался прочь.

При этом он убеждал самого себя: «Скорее мы скудоумны, нежели „умник“» Солон.

– А мне кажется у него криптомнезия, – крикнул вслед уходящему Клеомену лекарь Мирон. – Уж больно у него всё путается – и реальное, и вымышленное, и увиденное во сне, прошлое и настоящее. Не иначе как криптомнезия. Я вполне это допускаю.

Про себя же Мирон подумал: «А может Солон олигофрен, психически недоразвитый. В среде эвпатридов, тем более царственной, такие индивиды встречаются часто. Я уж это точно знаю». Он ещё долго размышлял над увиденным и услышанным здесь, но окончательно не определился. Видимо, требовался глубокий диагноз, предполагающий всестороннее исследование больного, то есть Солона. Мирон продолжал наблюдать и присматриваться, надеясь установить достоверный диагноз.

Зато многие посетители Агоры, не вдаваясь в тонкости происходящего, всё больше приободрились, радуясь появившейся возможности отменить позорный закон и повоевать.

Вновь, как и вчера, молодёжь азартно выкрикивала:

– На Саламин! На Саламин! Смоем позор! Смоем позор!!!

Когда поэт удалился с площади, афиняне ещё долго оставались на месте. Развернулась небывалая полемика как вокруг безрассудства Солона, так и по поводу Саламина. С Агоры она переместились на улицы, затем во дворы и дома. Афины постепенно стали напоминать просыпающийся вулкан. Правда, находились и такие, которые утверждали, что им нет дела до измышлений Солона. Как-никак больной человек. А с больных, да ещё умом, никакого спроса нет.

С каждым выступлением Солона мнение горожан всё больше и больше склонялось к отмене закона о Саламине, называемого ещё «Законом Аристодора», и необходимости новой экспедиции туда. Всё чаще звучали голоса, требующие немедленного созыва Экклесии, посвящённой этому вопросу. Недовольство росло; росло не по дням, а по часам. Обо всём этом Солон достоверно знал. Каждый вечер друзья сообщали ему об услышанных ими новостях на Агоре и на афинских улицах. Подобное обстоятельство весьма радовало поэта, хотя и чувство большой тревоги также не покидало его. Он хорошо изучил афинский народ, который может тебя сегодня поддержать, а завтра – наказать. Но будь что будет! Решено довести до конца задуманное дело, хотя каким мог быть конец, никто толком не знал и вовсе не предполагал.

Ещё несколько дней «безумноречивый» поэт являлся площади и её обитателям и неистово призывал соотечественников к ратному делу. Он страстно воспевал утраченный Саламин. За истекшее время на Агоре побывали едва ли не все граждане Афинского государства. Даже из отдалённых селений Аттики, из так называемой аттической глуши, прибыли гонцы узнать о происходящем. А узнав, тут же возвращались назад с невиданной вестью. Афинская молодёжь буквально окрылилась Солоновыми стихами и целые дни проводила на площади. Да что там молодёжь. Люди среднего и старшего возрастов бросали свои обычные занятия и по многу раз ходили слушать одержимого Солона. А затем спорили, сомневались, вновь спорили, разводили руками, вздыхали и, что там говорить – побаивались.

Тем временем молва о безумноречивом поэте вышла за пределы Аттики. Она распространилась даже в Мегарах, где местные мужи, насмехаясь над происходящим в Афинах, задавались вопросами: «А чтобы сие на самом деле значило?», «Не деградируют ли окончательно Афины?» «Скорее всего, у Солона паранойя, раз он ежедневно бредит Саламином. А может он психопат?» Но и здесь имелись такие мужи, которые со скрытой тревогой восприняли афинскую новость. Видимо, сердце им подсказывало, что не к добру творится всё происходящее во вражеском стане. Не тот человек Солон, чтобы затевать такого рода чудачества и глупости. Что-то здесь не так. Но таковых в Мегарах было крайне мало.

В Афинах же нарушился привычный уклад жизни. По всему чувствовалось – страсти накаляются, неотвратимо назревают крупные события, а посему требовались какие-то решения. Но пока никаких решений не принималось. Архонты – высшие должностные лица – выжидали довольно долго, и только на двенадцатый день архонт-эпоним Аристордор, наконец-то пригласил восьмерых своих сотоварищей-архонтов, кратко изложив им суть дела. Он мог бы того и не делать, поскольку все хорошо знали о происходящем в их отечестве. Но так повелевал долг, которому Аристордор был верен. Свою краткую речь главный архонт завершил вопросом:

– Что будем делать, досточтимые мужи?

Высказывались разные суждения, но все единодушно пришли к выводу – пора действовать, пока обстановка окончательно не вышла из-под контроля. Одни – предлагали казнить Солона, другие – изгнать его из Афин, третьи – намекали на необходимость отмены позорного закона. Иные – вообще не знали, как поступить при подобных обстоятельствах. Не придя ни к какому определённом выводу, архонты постановили: созвать Экклесию и, в зависимости от настроения

большинства граждан, определиться с дальнейшими действиями. Тут же глашатаи по всему городу и окрестным селениям оповестили о предстоящем народном собрании граждан Афинского государства.

Готовясь к Экклесии, Аристордор размышлял над происходящим. На душе у архонта-эпонима было состояние полнейшей неопределённости. Оно и понятно. Архонство, принятое им в нелёгкий для Афин час, доставляло ему не столько радости и почёта, сколько хлопот, опасений и тревоги. Как высшее должностное лицо полиса, Аристордор обязан был строго блюсти существующие порядки. На первого архонта всегда ложится груз наибольшей ответственности. Любое нарушение может обернуться несчастьем как против государства, так и против него самого. Аристордор считал себя опорой существующих законов, тем более тех, создателем которых он сам являлся.

– Закон есть закон, его все обязаны чтить, – сурово провозглашал глава государства.

Как эвпатрид – представитель наивысшего сословия, Аристордор придерживался тех устоев, которые сформировались в Афинах давно и вполне устраивали представителей его общности. Эти устои, хотя и выглядевшие архаичными, суровыми, даже жестокими, он целиком поддерживал.

«А как же иначе, – размышлял аристократ, – ведь они защищают меня, имеют древние корни и пренебрегать ими, никому не позволено».

Как добропорядочный гражданин, Аристордор хорошо понимал настроение многих афинян и в глубине души сочувствовал им. Он также болезненно переживал утрату Саламина, тайно лелея надежду, что когда-нибудь этот злополучный остров удастся вернуть. Правда, по его неустойчивым убеждениям, вряд ли такое представлялось возможным в настоящее время.

– Беда с этим Саламином! – часто хмурясь, бормотал знатный афинянин.

Ко всему прочему Аристордор был также и обычным человеком, со всеми присущими последнему слабостями, чувствами, недостатками. Как и все горожане, он по несколько раз на день менял своё мнение в отношении происходящего. То осуждал Солон, ругая его, то соглашался с ним, то как бы не замечал поэта. Разумеется, всё это он соображал про себя. Ему тоже, как и простым людям, хотелось сходить на Агору и послушать нарушителя спокойствия. Однако внутренний цензор – архонт – не позволял Аристордору-человеку брать верх над собой. Перед сном размышлявший не раз порицал себя за нерешительность, потом хвалил за сдержанность, затем снова сомневался и в том, и в другом. В конце концов, отмахнувшись от всего, долго пытался уснуть. Но и во сне архонта не покидала тревога. То ему снились бунтующие афиняне, то грозящие оружием мегаряне, то сумасшедший купец.

– Ох уж этот Солон! – просыпаясь, отягчённо вздыхал он.

Мысли о сыне Эксекестида всё больше и больше тревожили его. Что-то не верилось Аристоруду, чтобы столь знатный афинянин ни с того ни с сего сошёл с ума. Ну, а если Солон здоров, то зачем он ежедневно, уподобляясь сатиру, будоражит разум афинян, призывая их нарушить закон?

– Что всё-таки за этим кроется? – подозрительно спрашивал архонт себя. И ответа не находил. Желая прояснить хотя бы самую малую малость, Аристоруд после длительных бесплодных размышлений вознамерился завтрашним вечером навестить нарушителя государственного спокойствия.

В то время, когда архонт собирался навеститься к Солону, последний вместе с Дропидом, Клинием, Кононом и Гиппоником размышляли над тем, как вести себя во время предстоящей Экклесии.

Клиний и Конон настаивали на продолжении «сумасшедшей» игры. Дропид и Гиппоник считали дальнейшие притворства неуместными.

– Теперь, – горячился Гиппоник, – афинянам пора открыть истинность наших намерений. Переигрывать никак нельзя, а то они и впрямь сочтут тебя за умалишённого и примут соответствующие решения, – сказал он своему другу.

– Не столь афиняне наивны, как может показаться со стороны, – предположил Дропид. – Всё они прекрасно понимают. И считают Солона помешанным в переносном смысле. Кто ж из здравомыслящих индивидов станет откровенно набрасывать себе верёвку на шею, провозглашая подобные призывы? Но я уверен – большинство поддержит Солона.

– А что сам, думаешь, на сей счёт, друг любезный? – обратился к Солону Клиний.

– Не знаю, не знаю. Нет уверенности ни в чём, – с грустью рассуждал тот. – Афинский народ как прибрежный ветер. То пошумит, то утихнет, то неожиданно направится в противоположную сторону от требуемой тебе. Буря, которую я поднял, может сдвинуть с места афинский корабль, но может и обойти его стороной. На нашем афинском судне, как вы знаете, нет дружного экипажа. Многие будут зависеть от кормчих.

– Ты хочешь сказать от архонтов? – переспросил Дропид.

– От архонта, – уточнил Солон. – От архонта-эпонима Аристоруда.

– Однако, – продолжал горячиться Дропид, – мы не можем давать такое важное дело на откуп одному человеку, полагаясь только на его милость...

Но договорить он не успел. Внезапно открылась дверь, и послышался громкий голос раба:

– Хозяин! Тебя хочет видеть архонт-эпоним Аристоруд, сын Феагена.

На мгновение все замолкли, удивились. Даже хладнокровный Солон и тот растерялся от появления неожиданного гостя, его сердце слегка заколотилось, а щёки покрылись румянцем. Но, тут же, опомнившись, он быстро надел на голову шапочку, набросил на плечи попавшую под руки мешковину и стал в неё лихорадочно укутываться. Изобразив на лице маску безумия, выглянув в дверь, он притворно идиотским голосом пропищал:

– Здравствуй! Ты к кому, архонт, к моей жене или к отцу? Если к жене, то она в гинекее – на другой половине дома!

Вместо приветствия Аристоруд спокойным, но твёрдым голосом произнёс:

– Не шути, Солон. Мне не только твоя, но и своя жена мало на что сгодится. У меня почтенный возраст.

– А, так ты к моему отцу! Но его дома нет. Он... он... он давно умер, – жалобно объяснил хозяин, продолжая лихорадочно укутываться в мешковину, и нарочито вращая выпученными невинными глазами осматривать гостя.

– Не гневи богов, сын Эксекестида, не оскверняй память родителя. Покойный относился к числу достойнейших афинян. Да и весь ваш славный род один из знаменитейших в Элладе. А ты вот... мнимо сходишь с ума! Не даёшь мне и другим архонтам завершить начатое дело.

При этих словах государственный муж сделал паузу, а потом, с любопытством оглядев Солона, любезно осведомился:

– Но позволишь ли ты мне войти?

Тот хотел, было сказать «Зачем?», но почему-то ответил:

– Ну-ну, раз пришёл, входи.

Архонт вошёл в комнату. Увидев растерянных собеседников, окинул всех намеренно суровым взглядом, а затем ехидно спросил:

– А что же вы не укутываетесь в мешковину и не надеваете шапочки? Или их у Солона на всех не хватает? Если так, то я немедленно прикажу рабам принести и для вас. Вы не представляете, как мне хочется побыть в большой компании мужей, рехнувшихся умом!

Друзья в нерешительности молчали. Пользуясь выгодной для себя ситуацией, архонт промолвил:

– Я бы хотел наедине поговорить с хозяином. Не возражаете? Или возражаете? А то от слабоумных можно получить любой ответ!

Находившийся «не в своём уме» хозяин продолжал гримасничать, кивнул друзьям, и те исчезли. Вдогонку им Солон крикнул:

– Приходите как-нибудь на неделе, будем пить козье молоко!

– Стало быть, сказано, – откликнулись хором удаляющиеся друзья.

После ухода Конона, Клиния, Гиппоника и Дропида, оскалив зубы, купец обратился к архонту:

– Будешь стоять, сидеть или приляжешь, уважаемый Аристордор?

– Сяду на крышу, – съязвил тот и тут же, весьма приязненно, добавил, – перестань паясничать, Солон. В своём мнимом безрассудстве ты переходишь все допустимые пределы. Не пристало тебе такое. Ты же сам поучал: «ничего слишком» Давай лучше благоразумно поговорим начистоту.

После этих слов архонта «сумасшедший» поэт выздоровел. Он снял с головы шапочку, отбросил в сторону мешковину, обрёл свой естественный облик и пригласил гостя сесть. Сам же, предвидя затруднительный разговор, обосновался напротив.

– Итак, я слушаю тебя, архонт, – сказал он ровным спокойным голосом.

– Это я должен выслушать твои объяснения, – порицающе возразил собеседник, усаживаясь на скамье, – поэтому, собственно, и пришёл. Ты, Солон, поднял в Афинах смуту. Своими песнями о Саламине накликаешь бедствие, раздуваешь пламя беззакония и произвола. Но ведь хорошо известно, что на сей счет, гласит закон: «Всякий, кто призывает к походу на Саламин, подлежит изгнанию или смерти». Неужели тебе надоело жить? Или полагаешься на мнимое сумасшествие? Нет, дорогой поэт, ни меня, ни других архонтов, ни Ареопаг так просто не проведёшь. Да и остальные афиняне не очень-то верят в разыгрываемое помешательство. Ты выбрал сомнительный, не плодотворный путь, любезный. Тебе, придётся держать ответ перед Экклесией. Будь готов к этому, страшись!

– Я готов ко всему, даже к самому худшему! – глядя архонту в глаза, пылко ответил Солон. – И не страшусь никого! Я склонен держать ответ перед афинским демосом. Но, умышленным, Аристордор, мне пришлось прикинуться потому, что умных граждан либо не хотят, либо боятся в Афинах слушать. Только слабоумный у нас имеет большую свободу. Все остальные молчат. Они чувствуют себя пренебрежёнными, скованными и обманутыми. Жизнь для многих людей стала невыносимой. Очень многие недовольны ситуацией, и выхода из этого пока не видно. Разве ты ослеплён, ничего не замечаешь, архонт? Неужели ничего не слышишь?

Гость задумчиво смотрел на собеседника, всем своим видом давая понять, что ничего не слышит и не замечает, хотя со зрением и слухом у него всё в порядке.

– Я боюсь, Аристордор, – продолжил далее Солон, – как бы смута, более глубокая, чем нынешняя, не охватила вскоре всю Аттику. Тогда для нас могут наступить чудовищные вре-

мена, не поможет и святость сомнительных законов. Касательно Саламина, то он как раз, поможет избежать худшего. На острове есть плодородная земля, а у нас полно безземельных. Афинам нужна саламинская пристань – она оживит торговлю. В случае длительной войны с варварами или недружественными эллинами, а такое также следует предусмотреть, Саламин можно сделать неприступным укрытием для афинян. И, самое главное – возврат исконно нашей территории поднял бы дух ионийцев, возвысил Афинское государство в глазах всех эллинов, возродил активную жизнь. Саламин отодвинул бы задворки нашего государства.

Архонт, удивлённый глубиной прозвучавших мыслей, продолжал безмолвствовать.

– Но ты, дорогой Аристор, не знаешь ещё об одном, пожалуй, самом нелицеприятном. Мегаряне собираются сделать и уже делают Саламин неприступной крепостью. И если мы подобное допустим, то тогда не видать нам желанного острова, как своих ушей! Боюсь, что и на другие наши земли мегаряне позарятся. Они же знают, что мы сильно пали духом и не способны держать мечи. Небывалая беда грозит Афинам! И в ней будешь повинен ты. Что на это скажешь, охранитель законов?

Гость молчал, поджав губы и осмысливая услышанное здесь от Солона. Ранее, где-то в глубине души, он ещё таил надежду переубедить бунтаря. Но в итоге получилось так, что помешанный поэт переубеждал его – несгибаемого архонта, навязавшего Афинам закон о Саламине в своей правоте. Признать сейчас свою неправоту Аристорду не позволяли гордость и должность. Считать же неправым Солон ему не давали честь и совесть. Именно поэтому неподатливый архонт предпочёл не делать скоропалительных выводов. Он долго размышлял, затем вновь строгими глазами пристально посмотрел на Солон, но то уже был другой взгляд. Глаза те же, а взгляд иной – более дружелюбный и сочувственный. Можно сказать это был взор молчаливой негласной поддержки, во всяком случае, искреннего сомнения.

– Я пойду, – сказал Аристор, почти, извинительным тоном. – У меня ещё много дел. Завтра Экклесия, ты знаешь. Надеюсь, боги помогут нам разобраться в трудных делах. Но многое, Солон, будет зависеть только от тебя, от твоего благомыслия и умения убеждать афинян. Завтра тебе предстоит переход от умоисступления к врачеванию. Тебе надлежит определить если не судьбу Афин, то свою собственную. Зевс и Афина тебе в помощь!

~3~

На следующий день, с самого утра, тысячи граждан Афинского полиса потянулись в сторону Пникса – невысокого холма, обнесённого оградой, расположенного в западной части Афин. Здесь со времён Тесея – основателя Афинского государства, проводились народные собрания афинских граждан. Такого стечения людей, как в сей раз, не наблюдалось уж лет двадцать. Даже те, кто не имел права голоса, пришли посмотреть на небывалое, как они полагали, зрелище. В само собрание их не пустили, поэтому «зеваки» пристроились на подступах к Пниксу, в надежде хоть что-нибудь увидеть, а то и услышать. Мужички, достигшие двадцатилетнего возраста и старше, разместились на холме по строго установленному порядку, на специально сооружённых террасах. Каждый из них принадлежал к определённому геносу (роду), который, в сущности, выражал наличие гражданских прав, имущества и религиозной общности. Роды объединялись в братства, называемые фратриями. Фратрии по установленной традиции выполняли административные, военные и культовые функции. В каждую фратрию входило тридцать родов. В свою очередь, три фратрии составляли территориально-племенное объединение, называемое филлой. Во времена Солон в афинском государстве насчитывалось четыре филы, носившие имена сыновей родоначальника ионийского племени – Иона, правнука Прометея. Первой размещалась фила Гелеонта, к которой принадлежал Солон, далее – филы Эгикора, Аргада и Госплета. В простонародье их называли филлами гелеонтов, эгикореев, аргадеев, госплетов. Таким образом, на Пниксе, в строго отведённых местах, в составе четырёх

фил выстроились в общей сложности триста шестьдесят афинских родов, ожидавших начала народного собрания – высшего органа власти Афинской державы. Издавна народное собрание получило название Экклесии. И это название сохранилось навсегда.

Все граждане, пришедшие на собрание, расположившись полукругом, стояли лицом к центру холма. На нём находились жертвенник и священные лампы, в которых от начала и до завершения собрания курился ладан. Здесь же располагалась скамья для высших должностных лиц – архонтов. Во время работы Экклесии только им разрешалось сидеть. Народ, конечно, может и постоять, шутили старики-афиняне. В противном случае собрание никогда не закончится.

Несколькими метрами справа находилась бема – государственный камень, как ещё называли её афиняне. Именно с этого большого камня, высеченного из скалы, во время выступлений, ораторы обращались к присутствующим гражданам и гостям.

Казалось всё уже готово к открытию собрания. Аристодор беспокойными глазами окинул сборище граждан; он искал, но никак не находил Солона. В сущности, собрание могло проводиться и без него. Однако все понимали, что главный вопрос, выносимый на обсуждение, исходил от купца, следовательно, сами боги велели ему быть на Пниксе.

Архонт вдруг заметил, как сотни афинян оживлённо обратили свои взоры к входу на холм. Именно оттуда, не спеша, в сопровождении Клиния, Гиппоника, Конона и Дропида шёл в направлении своей филы главный зачинщик сегодняшнего сборища.

«Хвала Афине!», – подумал архонт и спустя некоторое время, одев на голову миртовый венок, поднялся на бему.

– Мужики афинские! – обратился он к стоявшим на холме гражданам. – Воздадим должное олимпийским богам, да пребудут вечные боги с нами. Принесём им жертвы, восславим их благородные деяния и возмолимся!

После этих слов от каждой филы отделились по шесть человек и направились к жертвеннику. Двенадцать жертвенных поросят, которых они несли, были заколоты, а их кровь наполнила амфоры.

Дальнейшие священнодействия продолжили жрецы храмов Афины и Посейдона. Они окропили Пникс кровью молодых поросят и зажгли священные лампы. Затем перед жертвенником предстал архонт-басилевс Клеандрид. Воздев руки к небу, он возгласил молитву:

– О, вечносущие боги Олимпа! Ты, Великий глава богов Зевс, и ты, покровительница брака, волоокая Гера, гроза морей Посейдон и премудрая воительница Афина, лучезарный Аполлон и добросердечная Артемида, хитроумный Гермес и кормилица Деметра, огнедышащий Гефест и прекрасная Афродита, воинственный Арес и согревающая Гестия! К вам обращаюсь я, от имени афинских граждан. Вас я молю – вразумите наши головы и наставьте на путь истины. Просветлите наш разум и освятите наши чувства. Дайте нам волю и помогите разрешить наши споры. Не лишайте нас своего покровительства в наших трудных делах. Мы же обязуемся чтить вас в века вечные и приносить вам священные жертвы!

По свершению религиозной церемонии, архонт-эпоним Аристодор вновь поднялся на бему и с чувством тревоги воззвал к собранию:

– О, афинские мужики! Коллегия девяти архонтов, избранных народом, то есть вами, ставит на ваше усмотрение вопрос об отмене закона, запрещающего ведение войны за Саламин. Мы делаем это по требованию многих граждан и прежде всего Солона, сына Ексекестида. Те из вас, кто настаивает на обсуждении данной проблемы, поднимите руку.

Большинство стоявших граждан проголосовало за включение названного вопроса, фактически единственного, в порядок дня Экклесии.

– Кто произнесёт слово? – обратился Аристодор к собравшимся мужам. Все сразу устремили свои взоры к Солону. Но тот не подавал никаких признаков желания говорить. Тогда архонт уточнил:

– Желательно, чтобы высказались от каждой филы.

От филы, к которой принадлежал Солон, выступил старейший, достойнейший воин Лисий, друг покойного Солонового отца. Он незамедлительно призвал афинян отбросить колебания и сомнения, похоронив тревогу, робость и неуверенность, отменить позорный закон и готовиться к походу на Саламин.

Представители остальных трёх фил выступили таким образом, что, дескать, закон, конечно, плох, и его надо бы отменить. Но поскольку закон есть прочный порядок, то к нему следует относиться уважительно, то есть фактически отменить не следует.

В собрании возникла атмосфера неопределённости. Многие, хотя и считали отмену злополучного закона весьма необходимой и назревшей, боялись, однако, говорить об этом в открытую. Случись в будущем неудача, таким ораторам не поздоровилось бы, да и к чему открыто рисковать, думали некоторые про себя. Лучше уж промолчать. Так надёжнее будет.

Солон точно уловил момент всеобщего сомнения и в самый нужный момент взял слово. Без робости и колебаний, величавым шагом, с высоко поднятой головой он подошёл к трибуне. Взойдя на бему, одел на голову миртовый венок, окинул присутствующих открытым, сильным взглядом, от чего некоторые его недоброжелатели даже опустили глаза, он красивым звучным голосом буквально бросил свою факелоподобную речь в многотысячные ряды.

– Доблестные мужи! – с пафосом, но с долей сарказма начал оратор. – Здесь, передо мною, говорили, о том, что надо чтить законы. Признаюсь – я с этим полностью согласен. Закон есть основа нашей жизни, и уважать его – первейший долг гражданина. Скажу больше, мы должны не только почитать, но и во всём следовать закону.

При этом Солон, пронзительно посмотрел в сторону напряжённо сидящих архонтов. Те настороженно, еле заметно, кивали головами, в знак одобрения сказанного им. Хотя по всему чувствовалось, что они боятся хитросплетений, которые могли последовать за прозвучавшими Солоновыми словами. Говорящий успел также метнуть взгляд в сторону своих друзей, неотступно следивших за ним недоумённо, вопросительно и растерянно. При первых же услышанных словах, они весьма напряглись. Дропид, тот и вовсе занервничал.

– Однако скажите мне, афиняне, – обратился доверчиво и дружелюбно поэт к стоявшим на холме мужам, – вы уважаете людей, порочащих честь и достоинство граждан? Уважаете или нет? – ещё настойчивее переспросил он.

– Нет! – раздалась одинокие робкие голоса.

В этот момент Конон, Клиний и Гиппоник облегчённо вздохнули.

В свою очередь архонты, чьи предчувствия начали оправдываться, напряглись, словно готовились защищать свой пошатнувшийся авторитет.

– Увы! – воскликнул Солон, – такие люди не заслуживают чести! Так и законы. Да-да! Они как люди. Те установления, которые достойны почитания – следует усердно беречь, за них надо сражаться, как за собственную жизнь. Но законы, позорящие нас, вызывающе глубокое презрение, наносящие непоправимый вред государству, ставящие под сомнение его существование – надлежат отмене. Некоторые, из выступавших здесь, упрекали вас в бессмысленности и пагубном превращении. Они утверждали, дескать, сами же вы голосовали за принятие «Закона Аристодора», а теперь, мол, бездумно желаете его отменить. «Как мало для вас значит закон» – сетовали предыдущие ораторы. О себе скажу – я не поддерживал этого установления, ибо в то время был далеко за пределами Аттики. Но будь я здесь, решительно выступил бы против него. Этот закон, о, мужи, есть не что иное, как автотомия, самокалечение, отсечение наших рук, ног, а то и головы. Тех, кто ранее голосовал за принятие подобного решения, я не виню. Таковы были обстоятельства жизни, вернее, так вам их представили, и вы – поверили. А поверив – поддержали сомнительное предложение. Народ ведь легко поддаётся обману. Жестоко, что и говорить, поступили с вами. Но осмелюсь заявить, обстоятельства, на самом деле, были иными. К тому же, они, всё больше и больше меняются, и, разумеется, не в пользу

злополучного закона. Да и сам он, как это не кошунственно звучит, по своему существу незаконен. Ведь он не дал нам покоя и умиротворения и не решил главного, а всего лишь держит нас во тьме, в неведеньи, порождая мучительную тягость. Подумать только! Афинам навязали правило, запрещающее упоминать название острова, века принадлежавшего нам и бездарно потерянного. Жаль, что афинянам не запретили о нём думать, а то ведь и такое в пору бессилия и бездумности можно было бы принять. Моя душа, афиняне, трепещет, она наполняется стыдом от того, что вся Эллада, смеётся над нами. Да что там Эллада, даже варвары, и те, считают, что такое установление мог принять либо трусливый, либо умственно ограниченный народ. Египетские жрецы по этому поводу смеялись мне в лицо. Они не верили, что подобное возможно. С нами уже многие перестали считаться, с нами не хотят иметь дела. Слово «афинянин» становится предметом насмешек и издевательств. О нас вскоре начнут сочинять позорные басни, сравнивая с ослами, мулами и обезьянами. Не исключено, что за нами навсегда закрепится слава глупцов и трусов. Разве этого не достаточно? Неужели вы желаете такого, афиняне? Я вас спрашиваю, – обратился воспламенённый Солон к стоящим на террасах тысячам мужей, – неужели вы хотите слыть недоумками? Недоумками и трусами! Людми, ни к чему не способными!

Террасы некоторое мгновение молчали, затем откликнулись лихорадочным эхом:

– Нет! Не хотим!! Долой «Закон Аристодора»! Долой позорный закон!!!

Патетический тон речи Солон возымел действие на афинских мужей. Они словно бы проснулись и кинулись в бой. На Пниксе разразилось невообразимое смятение. Даже те, которых не впустили в собрание, издали, что есть мочи, оралы:

– Долой позорный закон!!!

Они кричали даже сильнее, нежели участники собрания.

Многие, правда, в нерешительности помалкивали, беспokoйно поглядывая друг на друга. Но возбуждённо кричавших афинян было больше. Во всяком случае, создавалась видимость, якобы их больше. Ведь издавна повелось, если двое кричат, а пятеро молчат, то кричащих индивидов воспринималось как бы намного больше, нежели молчащих. Так было всегда и везде, так было здесь и теперь, на Пниксе.

Дав орущим афинянам вволю излить свои чувства, предаться исступлению, Солон поднял руку, призвал всех к спокойствию и страстно продолжил:

– Становится, афиняне, очевидным – такое законоположение необходимо отменить. Я понимаю – это нелегко, а кое-кому боязно и тоскливо. Однако общие интересы должны стоять выше мнимого послушания и личной корысти. Я призываю вас вспомнить о том, что Саламин принадлежал Афинам с незапамятных времён. Это утверждали и Гомер, и наши предки. Преданье наше об этом твердит! Об этом и ныне живущим ионийцам надлежит всегда помнить. Но мы проявили малодушие и слабость, приведшие к потере острова. Более того, мы отгородились постановлением, вводящим нас в заблуждение и примиряющим с унижительным положением. Потомки не простят нам такой трусости. Мы будем прокляты на вечные времена, презреют нас и небожители! Поэтому, афиняне, прозрейте, пробил час!

– Правильно, Солон, правильно! – неистово закричали стоявшие на холме прозревшие мужи. – Не будет нам прощения!

– Так вот, граждане, – снова заговорил оратор, – мне понятны тревоги и опасения многих по поводу упразднения закона, но ведь совершенно ясно и то, что унижительное положение, в котором оказались Афины, ещё более опасно и тревожно для каждого из нас. Саламин не просто вожделенный остров – это ворота к нашему дому. Скажите, может ли хороший хозяин позволить, чтобы его воротами пользовались другие, в то время как самому приходится перелезть через ограду? Ответ ясен, как сегодняшний солнечный день – мы не можем позволить себе подобной роскоши.

– А как же мегаряне? – злобно крикнул стоявший в первых рядах филы Аргада упитанный Гермий. – Я думаю, они с тобою не согласятся, Солон. Или прикинувшись помешанным, ты и их сумеешь чудно убедить? Уж они-то, насколько мне известно, не повредились умом.

– Да, наши недруги сильны и не столь глупы, как может сперва кому-то показаться. Они не позволят нам быстрым наскоком овладеть островом. Да и мы сегодня не готовы к войне, – с горечью молвил Солон. – К тому же будем иметь в виду, если мы благоразумно избавимся от унижительного закона, то вовсе не значит, что завтра же, облачившись в воинский наряд, следует отправляться на Саламин. Нет и ещё раз нет! Для этого необходимо значительное время, большие средства и... умный стратег. В поход на Саламин, как я полагаю, пойдут с превеликим тщанием обученные добровольцы. Ни один человек не должен воевать по принуждению. Я уверен, граждане афинские, в успешном для нас исходе дела. По этой причине прошу всех, кому не чужды интересы и будущее отечества, кто не лишён чувства стыда, кто, в конце концов, ощущает в себе силы, проголосовать за отмену чуждого афинскому народу закона.

Солону хотелось сказать ещё что-то более сильное и впечатляющее, об этом он и размышлял несколько мгновений, но затем, тихим, даже смиренным голосом, неожиданно завершил свою речь:

– Накануне мне пришлось прикинуться умалишённым, дабы убедить всех в истинном положении дел. Но уверяю вас, граждане, если мы не решимся изменить ситуацию и не возвратим себе Саламин – я и впрямь сойду с ума или впаду в истерику. Во всяком случае, ипохондрия меня уже посещала.

С этими словами выступавший поэт покинул трибуну. Собрание на краткое время затаилось, задумалось, видимо жалея его и взвешивая свою судьбу. Затем постепенно стал нарастать шум, переросший в оглушительный шквал. Казалось, над Пниксом несётся в вихре Гарпия, а также разверзлись небеса и сам Зевс мечет грома и молнии в колеблющееся сборище народа, зажигая пожар неумной страсти. Под воздействием солоновой речи афиняне сами раскались и распалились. И чтобы выпустить из себя пар начали все кричать. Кричали если не все, то почти все. Да так кричали, что не слышали не только друг друга, но и самих себя. Выкрики были в основном одобрительными, по всему чувствовалось, Солон, верно, определил ахиллесову пята афинского демоса. Имелись, разумеется, и противники отмены закона, но видя, что большинство граждан склоняется не на их сторону, они притихли, дожидаясь более удобного случая для своих притязаний.

Еще долго холм напоминал бушующий пожар. Аристоруду понадобилось немало времени и сил, чтобы преодолеть такое пагубное, как он полагал, превращение народа. Наконец, ему удалось усмирить распалённых участников народного собрания. Кому-то из молодых людей он даже устрашающе пригрозил тюрьмой, если тот не уймётся.

– Решения, – раздражённо и непонятно кому рявкнул архонт. – Нам нужны решения. Итак, мужи афинские, – обратился он к разгорячённым гражданам. – На ваш суд я ставлю вопрос об отмене «Закона Аристоруда». Те, кто склоняется к подобному решению, поднимите руку. При этом ещё раз напоминаю – архонты голосуют позже.

После оных слов над Пниксом поднялись тысячи рук. Логисты – счётчики немедля взялись за своё дело. Голосование шло по филам, что упрощало задачу подсчёта голосов. Сведения о результатах положительного голосования немедленно передавались в коллегии архонтов.

– Теперь, поднимите руку те, кто выступает против упразднения закона, – призвал председательствующий. Несколько человек, потупив взоры, проголосовали против предложения Солона.

– Всё ясно, – сдержанным тоном промолвил Аристоруд.

– Какова, ваша позиция, досточтимые архонты? – обратился он к сидящей на скамье государственной элите.

Неизвестно, как бы в иной ситуации поступили высшие избранники, но находясь под воздействием подавляющего превосходства сторонников Солона, они также высказались за отмену злополучного закона.

– Закон аннулируется! – ещё более угрюмым голосом провозгласил создатель отменённого закона.

Над Афинами пронёсся мощный гул одобрения.

– Чудной этот афинский народ, – сказал своему сыну бывший стратег Главкон. – Он радуется, когда принимает новые решения, но вдвойне рад, когда их упраздняет.

В собрании все больше произрастал шум возбуждённых одобрительных голосов. Афиняне радостно поздравляли друг друга. Молодые – те и вовсе прыгали от радости, словно они уже вернули Афинам захваченный мегарянами Саламин.

Тем временем архонт-эпоним подошёл к скамье, где сидели другие архонты, и о чём-то длительное время с ними совещался. По всему ощущалось, что избранники народа никак не могут прийти к единому мнению. Наконец, Аристодор покинул их. Затем снова влез на бему и вновь призвал афинян к спокойствию. Начиналась вторая часть Экклесии, обещавшая быть не менее интригующей, нежели первая.

– Мужики афинские! – в который уже раз, обратился Аристодор к участникам собрания. – Коль ратовали мы за отмену вышеупомянутого закона то, следовательно, через ухабы и пропасти, необходимо готовиться к войне. – Солон прав, подготовку надо вести самым основательным образом. Для чего нам и предстоит избрать главнокомандующего – человека, достойнейшего, сильного и мудрого. На него мы возложим всю ответственность за столь важное дело. Мы дадим ему большие полномочия. Беда только в том, что в определении кандидата коллегия архонтов не пришла к согласию. Мы в затруднении, а потому решили прислушаться к вашему голосу. Хотелось бы знать, каково мнение народа?

Собрание не ждало такого поворота событий. Обычно кандидатуру стратега предлагали архонты, народ же либо утверждал, либо отвергал её. Выборы стратега всегда были более принципиальным актом, чем избрание любого другого должностного лица в Афинах. Оно и понятно – война есть чрезвычайное событие. Она отражала не только общегосударственные, но и личные интересы каждого. В случае поражения проигрывали все. Все и были заинтересованы в достойном стратеге.

Конечно, если подходить к проблеме точнее и строже, то действующий стратег у афинян имелся. Им являлся не кто иной, как архонт-полемарх Диодор. В иерархии афинских политиков он как бы занимал должность военного министра. И по логике вещей, именно ему и следовало возглавить подготовку к войне. Однако полемарх слыл человеком в высшей степени ограниченным и примитивным. Хотя, как воин, Диодор был хорошо известен. Он славился храбростью, смелостью, отчаянностью, нахрапистостью. Собственно это и сыграло в своё время решающую роль при его избрании архонтом-полемархом. Но ведь личного мужества недостаточно для ответственной организаторской работы. Как впоследствии оказалось, за чтобы не брался Диодор, он обязательно губил начинание, творил разного рода глупости, уходил в крайности, не понимал сути вещей. В итоге, его оставили в покое, делая вид, будто стратега и вовсе нет. К тому же у афинян издавна имелись прецеденты, когда для руководства какой-либо военной операцией специально избирался главнокомандующий. Стало быть, на сей раз речь идёт о подобном случае. Афиняне основательно задумались. Время шло, но никто не решался предложить кандидатуру на должность стратега.

– Так, что скажете, достойнейшие мужики? – почти безнадежно устремил свой взор к народу архонт, то поглядывая влево, и вправо, блуждая глазами по рядам, то даже всматриваясь в небо, будто бы там имелся ответ. – Неужели Афины так оскудели? Где ваш истинный разум? Говорите же! Предлагайте! Будьте истинными афинянами!

– Предложи сам! – робко выкрикнул кто-то из филы Госплета.

Председательствующий замешкался, заgrimасничал, а потом мучительно произнёс:

– О, Афина-покровительница и ты Посейдон-покровитель, дайте мне силы закончить начатое дело!

Протянув руки к небу, он внимательно всмотрелся в него, ожидая подсказки. Однако небо тоже молчало, оставаясь безразличным к призывам руководителя афинского государства. Затем архонт вновь обратился к народу:

– Я же вас вопрошаю, советуюсь с вами, с афинским демосом, У меня всего одна голова, а вас – вон, тысячи! Всего печальней мне то, что вы не хотите брать на себя ответственность и всё возгружаете на плечи архонта. Они же не железные и даже не деревянные, плечи мои.

Такой же ответственности побаивались и другие. Некоторые мужи посматривали в сторону Солона, полагая, коль явился он вдохновителем похода и коль донныне призывал всех к войне, то, следовательно, обязан рекомендовать на должность стратега достойного, знающего человека. Это понял и сам Солон. Стоявшие рядом с ним друзья что-то шептали ему на ухо. Дропид и вовсе отчаянно махал руками, будто торопил его. Но, судя по всему, Солон сдерживал единомышленников, своим невозмутимым видом давая понять, что спешка здесь неуместна. В таких делах лучше повременить, выждать, дожидаться самого подходящего момента.

Неопределённость положения дел на Пниксе становилась угрожающей. Многие мужи разводили руками, пожимали плечами, что-то тихо говорили друг другу. Некоторые потупили взоры в землю, вернее в камень, ибо стояли они на каменистой площади. Несколько мужей злорадно улыбались, будто радовались возникшим трудностям. Некоторые иронично смотрели в сторону Солона и его друзей. Архонты упорно молчали. Только Аристодор вопросительно поглядывал по рядам, надеясь на случайную удачу. Он несколько раз обозрел все четыре филы. Встретившись с чьим-либо взглядом, он лёгким кивком головы и прищуренными глазами вопрошал: «Ну что, может, ты выручишь? Больше некому». Но его мысль и мысль других не совпадали. Все молчаливо и вежливо давали понять, что они тут бессильны. И сразу же отводили глаза в сторону, будто бы не замечали архонта. Казалось, он готов был взмолиться с просьбой к любому, кто способен помочь ему и вывести ситуацию из тупика. Это был тот случай, когда неопределённость объединилась с неясностью, раздражительностью, огорчительностью, двусмысленностью и разочарованием. Надо же, сумели отменить отягчающий закон, а найти достойного человека способного возглавить предстоящее дело, не способны. Дожили Афины до такого позорного дня. Что за афиняне пошли в наше время.

– Может, отложим этот сложный вопрос до следующей Эклесии?! – то ли предложил, то ли спросил, престарелый афинянин. – Не лучше ли повременить, поразмыслить? А то сгоряча натворим неладного. Дело ведь серьёзное. Стратег – это тебе не логист и даже не жрец. Война – вопрос жизни и смерти наших сыновей и братьев, а возможно и всех нас.

Не исключено, что так и решили бы, но тут неожиданно для многих слова попросил тот самый бывший стратег Главкон, несколько раз слушавший на Агоре элегии Солона. Его отрубленная по локоть правая рука многим служила напоминанием о страшной сече между мегарянами и афинянами, в которой последние были разбиты. Подойдя нерешительно к беме, он остановился, задумался, осмотрел себя, будто проверял готов ли он к такому важному шагу. В нём, точнее в его теле, стоящие на Пниксе мужи увидели воина и настоящего человека, хоть и с незначительными причудами. Главкон тщательно расшаркался, оглянулся по сторонам, а затем с трудом влез на камень. С большим трудом он поднялся на бему, словно на своих плечах нёс всю тягость сложившейся здесь и сейчас ситуации. Взойдя, бывший стратег немного замешкался, качнул головой, скривился, а затем решительно одел миртовый венок на свою облысевшую голову и суровым затаённым взглядом обвёл присутствующих. Всем своим видом он дал понять, что готов вести важную речь, и что всем надлежит его слушать.

– О, афинские мужи! – кротко произнёс Главкон, подняв перед собой обрубок правой руки. Сразу же, поняв свою оплошность, вместо правой руки поднял вверх левую руку, чем вызвал смех у любителей погоготать.

– Так вот, афиняне, – уже отчётливее и громче сказал он. – Совсем не собирался я держать перед вами слово, не взыщите. Да и, как вам известно, не мастак Главкон на фразы увещательные, ведь я не Солон, улащающим свободоречием не обладаю. Но вы ведь молчите, потому скажу я, поскольку считаю происходящее чудовищной провокацией, непонятно кому выгодной. Стыдно, стыдно нам, пожилым воинам, за горечь наших поражений, – при этом он ещё раз поднял отрубленную руку, словно бы демонстрировал вещественное доказательство тех самых горьких поражений. Многие афиняне снова заулыбались. Кто-то суесловно подшутил:

– Предложи себя, Главкон! Стыд сразу же пройдёт!

Но многоопытный вояка, набравшись храбрости, уже освоился с ролью оратора и ещё громче и спокойнее продолжил свою судьбоносную речь.

– Предложить кого-либо – невелика премудрость, – сказал он, странно вращая своими глазами то влево, то вправо, как будто кого-то высматривая. – Много ли в этом проку? Некоторые, не думая о дальнейших последствиях, дают, как они полагают, нам мудрые врачевательные советы. Но мудры и неспрассловны ли они? Вот и Солон, человек далеко не глупый, хотя таковым и притворялся, дерзнул на отмену закона? И что мы в итоге имеем? Отменить закон Эклесия решилась, а вот как быть дальше, не знаем, все находятся в затруднении. И чем дальше, тем больше возникнет препятствий. Того и смотри, что спустя недели две появится желание пересмотреть наше нынешнее безупречное решение, что ещё больше приведёт к раздорам и мятежам. Именно поэтому, чтобы неповадно было заниматься демагогией, надменно остроумничать, подрывать наши устои, – тут Главкон сделал вид что закашлялся, ... – злонамеренно пренебрегать существующими порядками и изошрённо одурачивать сограждан... – он ещё раз кашлянул, а на холме все-все затаённо поутихли, – я, недолго подумавши, призываю вас избрать главнокомандующим многоумного Солона!!! – недружелюбно вскричал он. – Солон предложил нам идти на Саламин – пусть сам и возглавит поход. Слова он говорил божественные – пусть творит и соответствующие дела. Теперь на деле соотнесёт должное и долг, а не только на словах рассуждает о них. Всем известно, что боги выбирают лучших, выберем же их и мы! Вот что я скажу вам, граждане! А как же иначе. Прошу вас, поддержите моё предложение. Всем будет наука!

Закончив речь, Главкон величественно сошёл с камня, и иронично улыбаясь в ту сторону, где стоял Солон, решительно подался к своему месту в строю.

Ошеломлённое народное собрание безмолвствовало. Замешательство было столь велико, что многие даже не знали, как реагировать на предложение Главкона. От старого грубого вояки ждали чего угодно, только не подобного коварного предложения. Некоторым соображение Главкона показалось глупым, некоторым невежественным, иным – нелепым, даже раздражительным. Нескольких человек охватил ужас от такой перспективы. Кто-то напряжённо переосмысливал услышанное от бывшего стратега, раздумывая, чего в таком случае можно ожидать. Неопределённость в среде собравшихся здесь мужей была большой. Да и чему удивляться – у эллинов никогда не бывает полной определённости. У афинян – тем более. На то они и афиняне, чтобы сопротивляться, не соглашаться, противиться всему и всем. Тем не менее, спустя некоторое время противники Солона засияли улыбками, сторонники стояли в расстройстве. Сам же поэт, не предусматривал такого поворота событий. Никогда в жизни – ни до, ни после сегодняшнего случая, он не испытывал столь глубокой растерянности. Оставаясь внешне спокойным, внутренне, поэт сильно переживал. Подняв голову, он стал искать поддержки у друзей и близких.

– Ничего! – короткое время спустя воскликнул Дропид. – Решение безупречное, но, пожалуй, так правильно! Боги выбрали нас, а люди согласились с этим.

– Разумно, хорошо, мудро, – молвили одновременно Конон, Клиний и Гиппоник.

– Не переживай, Солон, поможем! – подобные выкрики раздались с разных сторон от мужей, поддерживающих его.

На скамье, где находились архонты, царило воодушевление.

– Вот тебе и Главкон! Мы полагали, что он умеет орудовать только руками, вернее рукой, а у него и голова не совсем пустая, – одобряюще поговаривали сидящее там.

Архонт-эпоним, теперь уже с довольным видом, в очередной раз взошёл на камень, снова попросил всех успокоиться и призвал проголосовать за кандидатуру Солона.

– Мужички афинские, – молвил пафосно и облегчённо он. – Поскольку других предложений нет, то прошу поднять руку тем, кто желал бы видеть во главе нашего воинства в походе на Саламин Солона, сына Эксеkestида.

Поразительно, но факт! Все до единого участника собрания выступили в поддержку кандидатуры Солона. Друзья – с надеждой на успех, недовольные им, видимо, с целью проучить бунтаря. Люди нейтральные – потому, что голосовать больше было не за кого, а поднять руку им тоже хотелось. А как же иначе выразишь свою волю?

Так, неожиданно для всех, купец, поэт и «сумасшедший» стал стратегом. Экклесия немедля наделила Солона большими полномочиями. Ему позволили в целях подготовки к походу привлекать любого жителя Аттики. Все средства, имевшиеся в государственной казне, могли использоваться им для дела.

Итак, народное собрание завершилось. Завершилось безусловной победой и условным поражением Солона. Победой потому, что закон отменили. Поражением – поскольку последствия отмены ложились на его плечи. Условность, разумеется, в будущем могла быть снята. Солон всё превосходно понимал. Вот почему он испытывал радость и мучения. О, да! Его радость казалась мучительной.

– А чего ещё следовало ожидать? – видя состояние новоявленного стратега, с пристрастием рассуждали уходящие с Пникса афиняне. – Солон искал справедливости – он нашёл её у народа. Солон искал чести – он получил её, даже слишком много, всё от того же народа. Теперь слово, вернее дело, за ним. В случае успеха – чести и славы будет с избытком. В противном случае – не найдётся ему места на земле афинской, ни ему, ни его потомкам.

~4~

При выходе с Пникса Солон поджидал Гермий. Когда новоиспечённый стратег поравнялся с ним, толстяк бросил ему в лицо упрек:

– Ты, Солон, безумие с умом соединив, победил... сегодня, наивных афинян. А вот осилишь ли ты вскоре воинственную рать мегарян?

– Знаешь, – ответил разгорячённо поэт, – для меня победа над афинянами – означает одоление нашей собственной косности, страха, силы привычки, рабских чувств. Это победа здравого смысла над бессмыслием, чести над трусостью, достоинства над ничтожностью, разумной законности над законным беззаконием. Такой успех важнее и значимее любого другого, ибо он одержан над собою. Если мы преодолели себя, то мегарян, с помощью богов, как-нибудь одолеем.

– У мегарян тоже есть боги, не говоря уже о силе и храбрости, – подтрунивая, ухмыльнулся Гермий.

– Но не забывай, ведь нам покровительствует Афина – Богиня мудрости и справедливой войны, с нами Посейдон – Бог морей. Впрочем, оставим богов в покое. Будем рассчитывать на наши возможности, уповать только на себя, собственную силу и хитрость.

– Уповай, военачальник, уповай. Да смотри, как бы твой расчёт не оказался последним. Самодовольный Гермий снисходительно поднял указательный палец вверх, а потом, шевеля, опустил его вниз, словно бы ковырял им землю. Но Солон, не удостоив его ответом удалился. Он решительно двинулся строить расчёты. Небывало сложные расчёты.

Даже не заходя домой, в тяжёлом состоянии духа, он направился прямо к Лисию, испросить разумного совета. Престарелый эвпатрид как раз собирался к обеду. Рядом с ним находилась его дочь Елена – девушка редкостного обаяния и божественной красоты.

– Отобедай с нами, Солон, – гостеприимно обратился к нему Лисий.

Тот хотел было отказаться, сославшись на недостаток времени, но взглянув на Елену, изменил решение и не заставил себя упрашивать. Между тем, девушка вышла, понимая, что состоится деловой мужской разговор.

– Ну как, Солон, доволен решениями Экклесии? Судя по твоему виду, ты скорее огорчён, чем обрадован, – промолвил престарелый аристократ.

– Досточтимый Лисий, тобою сразу поднято столько важных вопросов, на которые не ответить и до утра. Но ты прав. Во мне сейчас всё вместе – и радость, и горечь, и боязнь. Однако позволь, прежде всего, поблагодарить тебя за поддержку. Полагаю, именно твоё веское слово уважаемого воина и ариста сыграло решающую роль в отмене «Закона Аристорора».

– Не преувеличивай, Солон. В данном случае моё слово не столь уж и много значило. Да и никто другой не смог бы тебе толком помочь. Ты, и только ты сам, помог себе и честным афинянам избавиться от нелепого закона. Не мне тебя поучать, но позволь напомнить – коль сам себе не поможешь, то всякая чужая помощь мало чего стоит.

– Возможно, Лисий, возможно ты отчасти и прав. Но, всё же, во мне сейчас борются два чувства: успеха и неудачи. И трудно сказать, победил ли я, или одолели меня. Мне кажется, этот безрукий Главкон, взял надо мною верх, хотя, вроде бы, я одолел афинян.

– Ты не прав, Солон. Он всего лишь поставил под сомнение твою хитрость и мудрость. Но ведь всё теперь находится в твоих руках, не впадай в беспокойство. Ты можешь, нет – ты обязан рассеять все сомнения! Здесь Главкон прав. Издревле велось, что всякая инициатива наказуема. И это ведь тоже справедливо. Если нечто советуешь людям – попробуй подобное сделать сам. А как же иначе! Будь сам учёным, если поучаешь других, будь сам мудрым, если требуешь от других мудрости. Наконец, будь сам воином, коль принуждаешь к войне афинян!

– Так-то оно так, на словах, – молвил задумчиво Солон. – А на деле?

– И на деле, дорогой стратег, всё в тебе самом. Я полагаю, коль тобою изобретено средство переубеждения афинян, а это, поверь, нелёгкое занятие, то уверен – найдёшь ты и достойный способ вернуть нам Саламин. Я всегда верил в твоего отца, и в тебя, друг мой, верю не меньше.

– Одной веры здесь недостаточно, уважаемый Лисий. Необходимо глубокое знание всех обстоятельств. Я, собственно, по этому поводу и навестил тебя. Ты ведь опытнейший воин, много воевал с мегарянами, хорошо их знаешь. Что можешь сказать о них? В чем их сила, в чем слабость?

Услышав прозвучавшие вопросы, Лисий несколько призадумался, сосредоточился, потом, глядя куда-то в сторону, старчески крякнул и поведал следующее:

– Да что собственно мегаряне? Люди как люди. Во многом схожие с афинянами, а во многом и отличающиеся. Как и все дорийцы, они неприхотливы, молчаливы, хотя кричать, ох, как могут. В совершенстве владеют оружием, любят воевать, очень сильны в единоборстве, дисциплинированы. Поздно ложатся спать, поздно встают, подобно варварам спят, где попало. Любят вино, обожают женщин – особенно чужих. Изнеженностью и большим умом не отличаются. Они горделивы, спесивы, жестоки, излишне мнят о себе. Да зачем я, собственно, тебе это излагаю? Ты ведь и так, не хуже меня всё знаешь – в Мегарах, да и на Саламине, тебе доводилось бывать неоднократно. Верно?

– Истинно, Лисий, не счесть того, сколько раз я побывал в Мегарах и на Саламине. Но одно находиться там по делам торговли и поэзии и совсем другое – воевать с ними. Я ведь ни разу не сражался с мегарянами на поле брани.

– Твоя правда, Солон. Торговля, поэзия и война, разные явления. Хотя, как знать, есть между ними и много общего. И для торговли, и для поэзии, и для ведения войны нужны ум и талант. Для сражений к тому же нужна сила и храбрость. Впрочем, не обойтись без этого купцу и поэту. Много, очень много общего в них.

– Ты хочешь, Лисий, сказать, что от поэта до купца всего один шаг, как впрочем, от купца до поэта, от купца и поэта до стратега, от стратега до купца и поэта тоже всего лишь шаг?

– Да, Солон. Грани между всем этим малозаметны, порой трудноразличимы. И всё же, между названным выше, есть и важное различие.

– Какое же различие? – поинтересовался гость.

– А такое, – рассудительно ответил хозяин, понизив тон голоса. – В поэзии и торговле в значительной степени удача зависит от умения говорить, а в военном деле – от искусства молчать. Поверь, многие сильные, но болтливые были повержены из-за неспособности хранить важную тайну. Хочу, чтобы ты знал, – добавил он таинственным полупрошептом после некоторой паузы. – В Афинах есть немало осведомителей, да и просто болтливых людей. Ведь слово – наша сила и наша слабость. Всё, что ты собираешься предпринять, сразу же может стать известно мегарянам. Учти это, любезный военачальник. Будь осмотрительнее, лучше посостязайся со всеми сомнительными людьми в молчании.

Солон с удовлетворением слушал размышления престарелого храбреца, ко всему ещё и весьма мудрого, и в знак согласия кивал головой.

– Так вот, Солон, склоняюсь к тому, что не одолеть тебе мегарян.

Тут он сделал длительную паузу и хитро посмотрел на гостя. Последнему и от произнесённых слов, и от взгляда Лисия стало не по себе.

– Да, не одолеть тебе мегарян, – повторил старый воин, – в открытой схватке. Здесь, нужно что-то другое, особое, необыкновенное. Афинянин может одолеть мегарянина только умом и хитростью. Надо придумать нечто из ряда вон выходящее, такое, чего они и ожидать не смеют. Ты, я полагаю, своим умом превосходишь их и способен поразить чем-то непостижимым. Да-да, я уверен в этом.

– Легко сказать, – уныло буркнул стратег себе под нос.

Но всё же он остался доволен услышанным в доме эвпатрида. Поблагодарив Лисия за добрые советы и за обед, Солон стал собираться домой. В комнату вошла Елена. Поэт снова обратил внимание на её необычайную красоту, обаяние и приветливость.

Поистине в этой деве многое от Елены – жены Менелая, а возможно, и сама Афродита живёт в ней, – подумал он. – Только теперь мне становится доподлинно понятным из-за чего, вернее из-за кого, ахейцы и троянцы воевали десять лет. Было из-за кого сражаться.

– Ты всё хорошеешь, Елена, – не удержался от хвалы гость. Она божественно улыбнулась и почти не задумываясь, ответила:

– А ты. Солон, всё богатеешь и становишься знаменитее.

– Много ли проку в такой знаменитости, если она налагает на тебя дополнительное бремя.

– Знаю, знаю, – зарумянившись от солонового взгляда, молвила юная прелесть. – О многих твоих заботах я слышана, хотя это и не женское дело. Я бы всем своим естеством рада помочь тебе, но, к сожалению, рождена женщиной.

И она с таинственной грустью в глазах посмотрела на Солона, который, вздохнув, загадочно сказал:

– Как знать, как знать, прекрасная Елена! В моём деле может понадобиться и женская помощь.

С этими словами и мыслями гость отправился домой. По пути он надумал заглянуть к Главкону, собственно по чьей недоброй воле, и стал нежданно-негаданно главнокомандующим.

Увидев его, однорукий немного стушевался, но затем иронично бросил:

– Ты, Солон, очевидно, пришёл поблагодарить меня за честь, которую я оказал тебе. Ведь согласишься, если бы не моё предложение, не быть тебе стратегом!

– Честь, которую ты оказал мне, столь велика, сколь и сомнительна, но зла на тебя не таю, Главкон. На твоём месте, возможно, и я поступил бы так же, особенно учитывая твою любовь к мегарянам, – съязвил Солон, намекая на военные неудачи собеседника.

При сих словах тот побагровел, хотя был человеком, безусловно, сильной воли. Видя его смущение, Солон тут же перевёл разговор в деловое русло:

– Не за тем я пришёл, чтобы мы язвили друг другу. Что случилось, то случилось, и происшедшего уже не изменить. Я, собственно, навестил тебя как стратег нынешний – стратега бывшего. Хочу посоветоваться. Твой боевой опыт весьма ценен и, поверь, он очень нужен мне, нужен всем нам. Расскажи лучше о Саламине и о мегарянах всё, что знаешь и считаешь полезным для нашего дела.

Главкон нехотя (оно и понятно), но всё же поведал нежданному гостю многое из того, о чём ранее ему уже рассказал Лисий. В особенности обратил внимание на сильный характер, отчаянность, прямолинейность и доверчивость мегарян, их излишнюю простоватость. На основе своего личного боевого опыта бывший стратег посоветовал стратегу нынешнему искать неожиданные пути овладения Саламином. На том и разошлись. Когда Солон уже вышел на улицу, Главкон предупреждающе крикнул ему вслед:

– Мегаряне очень сильны, их много и у них на редкость крепкие мечи.

– Побеждают не те, кого много и у кого добротные мечи, – отозвался новоявленный стратег. – Победа всегда за теми, кто не только силён, но хорошо обучен, храбр и умён. Одними мечами войны не выиграть!

В последующие день-другой Солон беседовал со многими ветеранами саламинских битв. Почти все были едины в том, что Саламин обычным приступом не возьмёшь. Однако, как овладеть утраченным островом никто толком так и не посоветовал. Но Солон радовал сам факт совпадения мнений большинства. Если многие сходятся в одном, то подобное надлежит учитывать. Несколько раз он обсуждал этот вопрос и с Дропидом, и с друзьями, но те ничем существенным помочь не смогли.

Главнокомандующий часто уединялся, размышлял о самых невероятных вариантах ведения войны с мегарянами. Тем не менее, ничего существенного на ум не приходило. Поиски были бесплодными и затруднительными. Не раз в глубине души он начинал сомневаться в целесообразности своей авантюрной затеи, неизменно страдал и все-таки в конечном итоге приходил к выводу, что в главном поступил правильно. В собственных глазах размышлявший обнаруживал правоту и смысл задуманного. Теперь, во что бы то ни стало, следовало искать средства и пути решения этого главного. Не находя желаемого результата, Солон настолько был погружён в раздумья, что даже во сне продолжал размышлять, переживать и искать пути к победе.

И вот, снилось ему однажды, будто бы мегаряне в жестокой схватке разбили афинян, потопили их корабли, а сам раненый Солон попал в плен. Закованного в цепи его привезли в Мегары, и он предстал перед тираном Мегаклом. Мегарский властитель, издевательски глядя на Солон, принуждал петь ему элегии. Но голос у пленника почему-то пропал, и он, словно рыба, молчаливо открывал рот.

– Так ты молчишь, сумасшедший афинянин, соплеменникам пел, а мне не хочешь, смеёшься надо мной! – орал на него властный Мегакл.

– Я прикажу немедленно отрубить тебе голову, а ещё лучше утопить. Ты хотел отвоевать наш остров – теперь сам станешь островом... до тех пор, пока не съедят тебя морские твари. Плывите на Саламин и утопите его там. Пусть он навсегда останется на острове, о котором мечтал! – надменно приказал тиран своим воинам.

Истерзанный Солон пробудился от подобного ужасающего кошмара и прошептал:

– О, мудрая Афина и ты божественный Гипнос, избавьте меня от тяжких сновидений, подскажите лучше разумное решение, вы ведь можете.

Немногим спустя он вновь уснул. Но кошмарный сон не покидал его. Афина не вняла просьбам, Гипнос – тем более; работа у него такая. У богов ведь свои виды на всё. А впрочем, кто знает, возможно, такой сон и был скрытой формой подсказки.

И снилось ему далее, якобы четверо здоровенных мегарян поволокли его к морю, выполняя волю тирана. Они усадили закованного стратега в лодку и собрались плыть в сторону Саламина. Но с берега неожиданно раздался женский окрик:

– Солон, я спасу тебя!

Кричала невесть откуда появившаяся девушка. Она стояла у самой воды, совсем обнажённая, красивая и совершенная, что казалось, сама Афродита явилась сюда помочь пленнику. Но нет! Это не Афродита, а Елена – прелестная дочь Лисия. Так почудилось Солону.

– Зачем ты здесь? Уходи! Не то эти дикари схватят тебя! – вдруг прорезавшимся голосом вскричал он.

– Пусть только попробуют притронуться ко мне. Руки у них короткие, да ноги слабы, – вызывающе хохотала Елена.

– Ах, короткие! Ах, слабы...?! – взревели мегаряне, остановив лодку. Ну, держись, дерзкая афинянка!

И двое из них, сбросив с себя все свои одежды, кинулись плыть к берегу, чтобы подобно акулам растерзать прекрасную жертву.

– Беги! – отчаянно закричал Солон, – они схватят тебя! Обесчестят!

– Это я их схвачу, – отвечала дерзко Елена, – и обесславлю!

В то время как двое преследователей выскочили на берег, двое других с лодки, подобно шакалам оскалив зубы, наблюдали за происходящим на берегу потрясающим зрелищем.

Первым подбежал к Елене тот, который был постарше и повыше.

Его невыносимо омерзительное рыло источало такое вожелание, от которого стусеивалась бы и сама Пасифая. Совершенно голый, волосатый, кривоногий в высшей степени отвратительный и безобразнейший, в невиданной похотливой ярости набросился на беззащитную деву. Но тут вдруг, о боги, произошло непостижимое. В правой руке Елены блеснуло лезвие кинжала и как молния вонзилось в сердце насильника. Удар был столь точен и силен, что жертва произнесла, вернее, простонала, всего лишь один звук:

– А...а...а...

Тем временем второй охотник за женскими прелестями, молодой и очень красивый (хотя насильники красивыми не бывают), не видя случившегося с первым, схватил Елену сзади и ослеплённый страстью, подобно дикому быку, пытался нагло овладеть ею. Однако девушка, со всей силы пяткой ударила его в самое уязвимое мужское место и, ловко увернувшись, отпрыгнула в сторону, держа в правой руке окровавленный кинжал. Насильники оказались в объятиях друг друга – живой и мёртвый, точнее умирающий. Из сердца умирающего, подобно вулканической раскалённой лаве, хлынула кровь на живого.

Живой пытался освободиться от объятий умирающего, но тот, находясь в агонии, смертельной хваткой прижал его голову к своей груди, будто желал напоить соплеменника своею безумной кровью и забрать его в мир Аида. Живой вырывался, а умирающий его не отпускал. Живой просил, умолял, но, умирающий безмолвствовал.

Прекрасная Елена стояла в нескольких метрах от жертв и, подняв кинжал обагрённым острием вверх, пророчески вещала:

– Так будет со всеми насильниками! Так будет со всеми мегарянами! Так будет!

Воодушевленный событиями на берегу Солон решил попытать счастья в лодке. Намотав цепь на запястья, он соединил оба кулака в один и непостижимым образом со страшной силой ударил по голове одного из мегарян. Тот, подобно камню, рухнул в воду и пошёл ко дну. Другой, обнажив меч, рванул к афинянину, но тот сильно качнул лодку, и оба оказались в воде. Меч ускользнул из рук мегарянина, и он попытался голыми руками расправиться с противником. Но не тут-то было. Пленник и в цепях не лишился силы. В воде афинянин чувствовал себя также уверенно, как и на суше. А в единоборстве без оружия ему, пожалуй, не было равных. Улучив момент, Солон набросил уже размотанную им цепь на шею противнику и сплёл узел. Тот стал захлёбываться и тонуть. Погружаясь в воду, мегарянин цепко тащил за собой и своего врага. Афинянин пытался развязать узел, но ничего не получалось. Тогда он сделал нечеловеческое усилие, чтобы разорвать крепкую цепь, но цепь не поддавалась. Солон пробовал всплыть на поверхность вместе с жертвой, но это не вышло. Какая-то неопределённая злобная сила тащила их ко дну. Когда он измождённый, совершенно обессилевший уже потерял всякую надежду на спасение и вверил своё тело богам глубин внезапно собственно, собственно, чья-то незримая длань с невероятной лёгкостью, схватив за волосы, вознесла его, а с ним и мегарянина наверх – к воздуху, к солнцу.

Спасённый ощутил у себя на голове маленькую, нежную, но сильную ручку, которая спасала его – могучего атлета, поэта, купца, стратега. Рядом прозвучал нежный женский голос:

– Я же говорила, дорогой стратег, что спасу тебя.

Изнурённый Солон жадно вдохнул глоток воздуха, открыл глаза и оказался липом к лицу со спасительницей, при этом тихо прерывисто молвил:

– Ах, Елена! Ты меня и впрямь спасла...

– Это ты мне говоришь? – спросила Элия, жена Солона, которая склонилась над ним и уже давно наблюдала происходящее с мужем.

И только теперь Солон по-настоящему проснулся от столь ужасных страстей.

– Тебе снилась женщина? – спросила супруга, нежно погладив его по выющимся волосам, на которых ещё, казалось, не остыло тепло Елениной руки.

– Да, – тихо ответил Солон, – женщина, богиня, Афродита. Но лучше бы она мне не снилась. Впрочем, как знать, как знать... – последние слова он прошептал про себя.

И снова весь день Солон был в раздумьях, и вновь никакого решения не находил. О чём бы он ни думал, чтобы не предполагал, но умные идеи сторонились его. В таком сложном тупике ему не довелось бывать ещё ни разу за всю свою прошедшую жизнь. Снова и снова надлежало обсуждать этот вопрос с опытными людьми.

Но опять-таки звучали либо поверхностные, либо непреемлимые предложения. Всё было зря. Кто-то в сердцах посоветовал ему отправиться на Саламин и спросить совета у самих мегарян, каким образом можно отобрать у них остров.

Правда, одно замечание Солон принял к сведению. Известный кулачный боец, участник многих состязаний Поликсен утверждал, что мегаряне боятся кулачного боя. Бороться в схватке они умеют прекрасно, но если наносить им сильные удары в грудь, а то и в голову, то они весьма побаиваются, не любят.

«А кто же любит, если его бьют по голове?» – размышлял главнокомандующий. Но всё-таки счёл совет полезным.

Он и сам хорошо знал о такой слабости мегарян. Но одно дело, когда ты полагаешься только на своё мнение, и совсем иное, когда об этом говорят многие. К тому же вспомнился и Гомер, предпочитавший кулачный бой другим видам состязаний.

По ночам вновь снились чудовищные кошмары, от которых Солон стонал, просыпался, беспомощно сидел в терзаниях и муках, пребывал в задумчивости, забытии и мучительных тяготах. Казалось, Гипнос и его сын Морфей намеренно одолевали спящего стратега роем тяжелых мрачных видений. Любящая его жена Элия с нежностью и сочувствием наблюдала за происходящим, но помочь ничем не могла. Ласково обнимая мужа, она нежно утешала его:

– Нельзя так, милый. Успокойся, не то мегаряне сведут тебя в могилу ещё до начала войны.

– Пусть только попробуют, – пытался отшучиваться Солон.

Но было не до шуток. Ближе к утру ему вновь снился берег, где сотни обнажённых афинских дев водили хороводы и пели гимны в честь Богини земледелия – Деметры. Рядом с ними почему-то расхаживали юноши, хотя быть их там не должно.

– Нет, это невозможно! Да что же такое происходит, что за бесстыдные, легкомысленные нравы у современной молодёжи?! – возмущался поэт. – Ведь девичьи празднества – тайны и священны. Подобное непристойно, недопустимо и кощунственно, – стонал он во сне. И сердце его сжималось от боли, а разум отказывался понимать происходящее на берегу.

Затем снова во сне ему явилась Елена. Ещё более прекрасная собственно, и более совершенная, нежели тогда – в первый раз. Идя навстречу, она тихонько, но отчётливо своими алыми устами шептала:

– Всё можно Солон. Не беспокойся, никакого кощунства здесь нет. Я спасу тебя и Афины.

Подойдя совсем близко, она так глубоко заглянула ему в глаза, а он погрузился в её распахнутые и безграничные карие очи, в результате чего появилось ощущение необъятного пространства и вечности. Он погружался, а его душа трепетала и восторгалась, наполнялась жаром, счастьем и блаженством. Трудно предположить, сколько он находился в этой чудесной, блаженной, беспредельной бездне, как вдруг, ему почудилось, да нет же, просто его осенила невероятная, неслыханно потрясающая мысль! В её благоговейных глазах, в милых утонченных чертах лица, в возвышенных нимфоподобных персях, тончайшей талии, округлённых бёдрах, статных ногах, во всём её теле, во всём этом потрясающем блеске, великолепии, этом божественнейшем создании, во всей ней – он нашёл ответ, который уже несколько дней искал.

– Нашёл! Нашёл! – буквально воспылал, возликовал Солон.

В ней, в этой юной, прелестной, нежной, совершенной, потрясающей, изумительной, обаятельной, дивной, богоподобной девушке, он нашёл искомое. Наконец-то, нашёл решение важного вопроса. Ему так захотелось её отблагодарить, обнять, прижаться, раствориться в ней, предаться неопишуемому восторгу и блаженству, ощутить её тепло и жизненные силы, стать её частицей, сделать её собственной частицей, что он в неистовом восторге схватил её на руки и благодарственно закричал:

– Нашёл, нашёл, наконец-то нашёл! – Ты спасаешь меня во второй раз. Ты спасёшь Афины! Та, спартанская Елена, была губительницей, а ты – афинская Елена, будешь спасительницей. Женская красота – может не только губить, но и спасать! О, как я благодарен тебе!

И с этими словами проснулся в объятиях умиленной жены.

– Как давно не ласкал ты меня с такой страстью и нежностью, – сказала Элия. – У меня такое ощущение, как в ту памятную ночь – двадцать лет назад. Ты совсем, такой как тогда, молодой, страстный, обуреваемый, любящий. Я чувствую, Экклесия пошла нам на пользу. Она вызвала в тебе благодатные силы и возвышенные чувства.

– Ох, уж эта Экклесия, – тихонько проворчал Солон. – Знал бы о таких поворотах и тяготах, ничего б не затевал.

Но недовольство было мимолётным, скорее даже радостным. Афинский стратег начинал новый день в приподнятом настроении. После завтрака он уединился и стал мысленно по кирпичикам, по кирпичикам собирать здание будущего похода. И так, Лисий рассказал о любви мегарян к чужим женщинам. Во сне, да и наяву, Елена дала Солону понять, что она, а, следова-

тельно, и другие афинские девы, готовы помочь своему государству. Празднества Деметры через три месяца... Священные купания... юноши, ... мегаряне. Всё это не связуемое и хаотичное можно свести воедино и подчинить общей цели. Великой цели! Времени маловато, но можно успеть. Не только можно – надо успеть! Я обязан успеть! – настойчиво твердил себе Солон. – Какое счастье, что у человека есть сны. Какое счастье, что есть красивые девы. Вдвойне счастлив тот, кому они приходят во сне. И втройне – тот, кому они принадлежат наяву. Как всё в жизни связано, как переплетено. Явное и мнимое, действительное и желаемое, государственное и личное, мужское и женское. Казалось, к Солону пришло божественное окрыляющее вдохновение, и после некоторых раздумий, он вновь решил навестить Лисия, а точнее его дочь Елену. Чудесные виденья во сне дали ему живительную силу и большую надежду.

Тем временем многие афиняне ожидали от стратега быстрых действий, направленных на взятие Саламина. Но главнокомандующий, судя по всему, не помышлял о подобном. Всё, о чём было известно большинству граждан, так это одни лишь беседы Солона со многими ветеранами саламинских битв.

– И зачем, непонятно, он пустословит, зря тратит время, вместо того, чтобы поскорее заняться настоящим мужским делом? Что за странность? – непонимающе спрашивали друг друга засомневавшиеся люди.

Наиболее непримиримые хулители злословили, будто бы сейчас чудной поэт сочиняет элегии, с помощью которых намерен брать Саламин. Вот-де, предрекали они, станет Солон под саламинскими крепостными стенами и начнёт умолять мегарян сдаться. Или же утомит и устыдит их своими стихами, а те, не выдержав, либо пленятся, либо помрут от тоски, а то и вовсе покончат с собой. Кое-кто, намекая на его купеческое прошлое, да и настоящее, утверждал, что было бы больше проку от Солона-торговца, нежели от Солона-стратега. Ведь ублажив мегарян оливковым маслом, а то и вином, он добьётся больших уступок.

Тщеславный Аристей, в довершение всем сплетням, распустил дурной слух о замыслах Солона, якобы вновь прикинуться сумасшедшим, с намерением восстановить «Закон Аристора».

– А что же ему ещё остаётся делать? – с наигранным возмущением восклицал он. – Ведь легче восстановить закон, нежели вернуть Саламин.

Многие, многие недостойные людишки распространяли небылицы, чесали языками, изобличали, злословили:

Где ему? И это не так, и то не так, и зачем было поэта и торговца избирать стратегом. А может он и вправду скудоумный, безумный?

Чего только не усматривали в его действиях, о чём не болтали, как не осуждали, укоряли и не попрекали Солона. Каких гнусностей не измышляли. Воистину правым оказался старый Лисий, утверждая о порочной говорливости афинян, их неуёмном стремлении быть наставниками истины, о которой сами не ведают.

Солон, знавший собственную цену, в свою очередь, хладнокровно относился к слухам. Если быть точнее, то они даже радовали его.

«Ну и пусть злословят, – пусть измышляют и изобличают, распускают молву, авось и мегаряне успокоятся, да и остальные будут знать самую малость о подлинном положении дел. Чему быть – тому не миновать», – так думал он наедине с собой.

Между тем даже из злостных поклёпов он извлекал разумный смысл и пользу для себя:

«Говорите, надо напоить мегарян вином, – размышлял стратег, – что ж недурно, весьма недурно. Вино, насколько я знаю, они обожают».

Касательно самих приготовлений к войне, то они начались, как было сказано выше – с первого дня, с первого часа после наделения Солона полномочиями стратега. Об их ходе Солон не оповещал никого. Нет, о разных деталях он беседовал со многими, но о главном пока молчал.

Для себя, да и для афинян стратег поставил удивительные задачи:
во-первых, привлечь к походу небольшое количество великолепно подготовленных воинов;

во-вторых, осуществить операцию неожиданно, молниеносно и абсолютно непостижимым образом;

в-третьих, добиться победы с минимальными потерями, как с одной, так и с другой сторон. Ибо Солон очень высоко ценил человеческую жизнь. Он даже лелеял надежду захватить Саламин без потерь.

«Но такое вряд ли возможно», – с сожалением размышлял он. В основе успеха, прежде всего, предполагалась всесторонняя подготовка участников похода. И действительно, началась усердная невиданная и невидимая тренировка воинов, чёрная трудная работа. Время попусту не тратили. Никогда ранее афиняне не готовились воевать с такой тщательностью и таинственностью. Для похода было отобрано шестьсот человек. Из них триста безбородых, безусых двадцатилетних крепышей. В интересах дела Конон съездил в Олимпию и привёз оттуда двух лучших в Элладе учителей кулачного боя, которые подготовили не один десяток победителей Олимпийских игр. Заплатив им большие деньги, главнокомандующий, потребовал обучить в течение двух месяцев триста юношей и столько же взрослых воинов искусству кулачного боя.

Вначале учителя не соглашались, считая, что Солонову затею вряд ли можно так быстро осуществить, но видя фанатичный энтузиазм, одержимость афинян и, конечно же, не малые деньги, предложенные Солоном, они, не щадя ни себя, ни воинов, основательно взялись за дело. Главнокомандующий самостоятельно наблюдал за подготовкой. Он знал в этом толк, сам был великолепным атлетом. Не случайно побеждал на Истмийских играх. Стать бы ему, возможно, и знаменитым олимпиоником, да смерть отца в самый канун Олимпиады помешала его честолюбивым намерениям. Впрочем в то время сила и слава истмийского чемпиона не уступала силе и славе олимпийского победителя.

Отрадно было видеть, как к исходу второго месяца каждый из шестисот обучаемых достиг хорошего мастерства в кулачном бою.

Помимо кулачного боя избранных афинян обучали искусству рукопашного боя, подводного плавания, умению штурмовать крепостные стены, вести морской бой, сражаться в условиях ночи. Последнюю задачу Солон считал исключительно важной, ибо с ней был связан любой вариант операции.

Каждую ночь две сотни отобранных для такой задачи афинян под руководством Гиппоника учились штурмовать самую высокую стену афинского акрополя. Для этого были изготовлены специальные металлические крюки и длинные верёвки. Упражнялись до изнеможения, но никто не жаловался, ведь все вызвались добровольно на это опасное дело. Все тренировались в скорости и особенно в ловкости. Солон предупредил, что в поход воинам придётся идти без щитов. Вся защита будет заключаться в ловкости рук, ног и ума, в собственной изобретательности.

Непонятно для чего стратег заказал у оружейных дел мастера Никодема триста маленьких кинжалов. Когда хозяин мастерской получил заказ, то насмешливо спросил у главнокомандующего, не собирается ли он этими кинжалами вспаривать брюхо лягушкам. На что стратег спокойно ответил:

– Если доживёшь до того дня, то узнаешь для чьего брюха они предназначены.

Втайне от всех, даже от своих друзей, Солон попросил выковать две тысячи цепей, что вызвало у владельца мастерской ещё большее удивление, нежели у производителя маленьких кинжалов.

Двум десяткам владельцев кораблей он поручил подготовить всё необходимое для предстоящей экспедиции. Причём операция по его словам состоится не ранее, чем через полгода.

Но корабли уже в ближайшее время должны находиться в боевой готовности и стоять у афинских берегов.

Дяде Конона – дельному торговцу вином Пандору – Солон рекомендовал зачастиль с визитами на Саламин и расположить к себе мегарян, продавая им вино дешевле, нежели купцы из других полисов. Это был один из тонких и умных упреждающих ходов предстоящей операции.

Предпринимались и другие усилия. Афинские архонты, прослышавшие о том, что втайне от всех стратег занимается какими-то чудачествами, постоянно вмешивались в дело, требовали отчёта о его замыслах и делах. Неопределенность весьма тревожила их. Но Солон иногда отшучивался, порой намекал на полномочия, предоставленные ему Экклесией, то утверждал, что докладывать архонтам пока собственно не о чем, к тому же ещё не пришло время. Таким образом, не раскрывая истинных намерений, удавалось сохранить тайну общего замысла и хода подготовки к предстоящей войне. О её некоторых деталях знали немногие, но о полном плане, кроме самого главнокомандующего не ведал никто. Мегаряне имели в Афинах своих осведомителей и всеми средствами старались добыть ценные сведения.

Однако и здесь афиняне преуспели. Им удалось направить осведомителей по ложному пути. Дропид, распивая вино с одним из них, «проболтался» о том, что Солон интересуется вовсе не Саламин, а сами Мегары. И что, дескать, он поклялся богами, что через год приступом возьмёт ненавистный ему город. Осведомители буквально через неделю сообщили своим «хозяевам» о планах афинян, на что, те ответили хохотом. Кто-то из них пошутил, что, дескать, через год безумный поэт и случайный стратег будет петь свои сумасшедшие песни под стенами Мегар. Но, тем не менее, умышленно организованная утечка сведений сработала. Мегаряне на всякий случай приняли дополнительные меры по защите города. И вместо того, чтобы укреплять Саламин и усиливать бдительность по охране границ острова, они занялись военными приготовлениями в столице своего государства.

Через три месяца всё было готово к экспедиции. В один из вечеров Солон пригласил к себе Конона, Клиния, Гиппоника и Дропиду и в деталях изложил им план операции. Друзья восхищались его изобретательностью, но обиделись за то, что до сих пор всё держалось в секрете от них. На что стратег ответил, дескать, только сегодня он окончательно принял такое решение. Каждый из них получил конкретное задание и взялся за его осуществление.

На следующий день Солон проинформировал архонта-эпонима о начале операции по захвату Саламина, при этом изложил ему суть дела в самых общих чертах и попросил пока всё держать в секрете. Архонт сильно удивился услышанному от стратега и растерянно произнёс:

– Солон, ты навлечёшь беду и на себя и на Афины. Твои соображения – это же нелепица. Форменное безумие действовать таким образом! Чистая погибель! Имей в виду, если дело провалится, то тебя и твой род афиняне уничтожат. Тебя растерзают, родственников – забьют камнями, женщин закидают грязью, а могилы предков сравняют с землёй. Не поздоровится и мне глупцу, тебе поверившему.

Главнокомандующий таинственно посмотрел на него и спокойно ответил:

– Утихомирься, архонт. Совершенное «безумие», как тебе известно, у меня было в прошлом, теперь оно исчезло. Через три дня, Аристор, Саламин будет наш! Можешь быть вполне спокойным за мою и за свою судьбу. Предвещаю наш полный успех.

Этим же вечером к нему пришёл Главкон и стал уговаривать, дабы его взяли в поход. Дескать, у меня свои счёты с этими мегарянами.

Солон, всегда сдержанный и обходительный, здесь внезапно вознегодовал:

– Откуда тебе стало известно о начале экспедиции?

Как ни уклонялся бывший стратег, но всё же признался. Оказывается, о предстоящем событии сообщил его сын, который был одним из трёхсот молодых воинов, отобранных для

похода. Главнокомандующий в конечном итоге пожалел бывшего вояку и взял с собой на опасное дело, но его болтливого сына едва не исключил из числа участников. Во всяком случае, страстно отчитал его за многословие и неумение скрывать секреты.

Последние два дня тянулись мучительнее, чем предыдущие месяцы. Множество раз тщательно взвешивал Солон все детали будущей операции, боялся упустить даже мелочь. Кажется, пока всё шло по намеченному плану. И в этом солоновом замысле особое место отводилось празднествам Деметры. Афинский стратег возлагал большие надежды на милостивую помощь Великой Богини, и оставалось только догадываться, была ли она благосклонно расположена к нему, да и к остальным афинянам тоже. Но дожидаться осталось совсем-совсем недолго. Солон с беспокойством, тревогой и надеждой ждал этого дня и переживал, но не за себя, а за Афинское государство, за народ Аттики, за ионийцев.

~5~

И вот наступил день празднеств Деметры – этой величайшей из богинь Олимпа. Строго говоря, празднества Деметры были скромнее, нежели торжества в честь Зевса, Аполлона или Афины, но всё же это было большое и радостное событие, ибо афиняне солоновых времён искренне любили и почитали Деметру. Для жителей Аттики, как и для многих других эллинов, она была древнейшая среди божеств, гораздо древнее Артемиды, Афины, Аполлона, Посейдона, Геры, Гермеса, да и самого Зевса. Причём настолько древней, что её нередко отождествляли с Матерью богов – Землей-Геей. Собственно само имя Деметра буквально и означало «земля – мать». Так что, если позволительно заглянуть в самую толщу столетий, то мы обнаружим, что в древнейшем мировосприятии имена Геи и Деметры часто взаимопереплетались, рассматривались как две ипостаси одной и той же сущности. Шло время, шёл вперёд и человек, активно выделяясь из природы, всё больше становясь самостоятельным, созидательным, устроительным. В его сознании происходит разграничение представлений о Земле. Формируется образ Земли вообще как источника жизни, как сферы обитания, сферы бытия этой огромнейшей, глубинной, скрытой, непознанной субстанции – Земли-Геи и, Земли близкой – той на которой непосредственно живёт человек, которая, плодонося, его кормит, одевает, обустривает, которую он обрабатывает и из которой черпает силы и знания. Эта вторая – почва-мать, становится важнее первой. Ибо первая – далёкая, абстрактная, а вторая – конкретная, непосредственная, многодарная. Она ближе к потребностям человека. И вот эта вторая как раз и ассоциируется с Деметрой, приобретая исключительную значимость в жизни древнего эллина. Столь существенную и влиятельную весомость, что её воспринимают как сестру, а то и супругу главы всех богов Зевса, от которого она рождает свою возлюбленную дочь Персефону.

Деметра-Персефона становится владычицей и символом времени, в смысле его чередования, в смысле жизни и смерти. Происходит это после того, как брат Зевса и Деметры, правитель подземного мира Гадес-Аид похитил Персефону собиравшую цветы и увёл её в бессветные покои подземного царства и совратил там. Даже Афина и Артемида, на глазах которых произошло похищение, ничем не смогли помочь юной богине. Зевс ищет компромисс между братом, сестрой-женой и дочерью и он находит его. По взаимной договорённости Персефона обязана проводить одну треть года в Аиде, в царстве смерти у мужа-насильника и две трети года на Земле, в царстве жизни у матери.

В то время, когда Персефона находится в мёртвом царстве, Деметра страдает, все её помыслы заняты только одним – как там дочь? Природа на это время тоже опечалена, она умирает, усыпает, дремлет, находится в забытии. Но смерть и жизнь соседствуют рядом. Как только Персефона возвращается к матери в царство жизни, всё окружающее наполняется жизненной энергией. В природе пробуждается сила роста, тяги друг к другу, жизнь возрождается с новой силой. Всё оживает, ликует, расцветает, благоухает, плодоносит. На лугах пробива-

ется трава, прозревают гиацинты, ромашки, нарциссы, розы, ирисы, фиалки, которые когда-то любила собирать Персефона. В лесах и садах зазеленеют деревья и кустарники, зацветают плодородные деревья. В злых полях начинают произрастать ячмень и пшеница. Ликует животный мир. Все жучки, паучки, бабочки, мухи, муравьи, пчёлки просыпаются ото сна. Всё вокруг гудит, жужжит, шуршит. Радуются и домашние животные, которых пастухи гонят на выпас. Вся природа, всё живое ликует и торжествует, а вместе с ними радуется и человек. И это величайший праздник, который людям дарит Деметра.

Деметра – это сама сердечность, доброта, заботливость, теплота. В её глазах и во всём восхитительном облике светится скромность и прелесть. Она, как никто другой из вечносущих, сердечна и доброжелательна к человеку. Богиня учит его оседлому образу жизни, устройству селений, городов и государств, заботится о его собственности и быте. Раньше великой Геры она покровительствует браку и человеческой семье. Собственно она учреждает брак и гражданский порядок. Она примирительница, способствует установлению мира между пеласгами – древнейшими жителями Эллады и эллинами, которые поселились здесь позже. Эллины почитают её как Фесмофорию – законодательницу, закононощицу, строительницу. Это первойшая Богиня цивилизации.

Деметра приобщает людей к земледелию, дарит им деревянную соху, зёрна злаков, колесницу, фиговое дерево, учит пахать землю, сеять зерно, обрабатывать поля, собирать урожай и хранить его, молотить и печь хлеб. Что важнее зерна и хлеба засушного? Не её ли уста первыми изрекли: «Хлеб – всему голова»? Именно Деметра – обильная кормилица и повелительница полей. Она – Богиня мельниц.

Дочь Кроноса обучила человека выращивать скот, склонила головы тучных быков над ярмом, дабы те помогали земледельцам вспахивать нивы. Богиня учит хозяйничать и благоговеть перед трудом, открывает источники жизни, тайны природы. Деметра дарит людям богатство, а кто не хочет быть богатым? Но дарит не всем, а только тем, кто трудится, кто уважает и почитает труд. Её сын Плутос помогает матери в этом. Он становится Богом богатства, покровителем состоятельных людей. За всё подобное Деметру признают первойшей Богиней культуры, великой преобразовательницей и благодетельницей. Люди награждают её новыми именами: Хорофора (приносящая в благоприятную пору), Корпофора (дарительница плодов), Хлоя (посев, зелень), Сито (хлеб, мука). Каллигения (рождающая хорошие плоды, мать красивых детей), Питательница молодёжи.

Деметра очень близка к людям, поскольку является богиней страдающей, скорбящей – Несмеяной. Гадес похитил её возлюбленную дочь Персефону и увёз в подземный мир, увёз от жизни, от солнца, утащил во тьму, к теням. А кто из смертных, особенно женщин, не страдал по своим детям, не сох по пропавшим дочери и сыну?

Деметра – великая мать, возможно лучшая из всех. Скорбя и страдая на некоторое время, она даже забывает о людях, об их трудах и заботах, но всё же вскоре находит силы, чтобы самой утешать страждущих и скорбящих, нуждающихся в её помощи смертных.

Праздники, которые посвятили почитающие её, она разделила с дочерью. Для эллинов празднества Деметры становятся и празднествами Персефоны. Точнее это священства Деметры-Персефоны, священства торжества жизни, почитания великого женского начала.

Помимо того, что Деметра великая дарительница в материальном аспекте, она и в духовном смысле имеет приоритет перед другими богами. Её почитают как Фесмию, то есть как учредительницу великих священных обрядов и обычаев. Какой эллин способен прожить без них? Разве можно жить без обычая и обряда? Ведомо, что нет. Но самое важное в делах духовных состоит в том, что она дарит людям то, чего не дарует никто из других богов – надежду на будущее. Никто из великих и малых божеств эллинской религии не обнадёживает человека хорошим будущим. Всем смертным они пророчат только Аид – этот безрадостный, холодный, жестокий, подземный беспросветный мир теней.

Деметре по силам большее, да что там большее, просто великое, истинно чудесное, всеми желаемое. Она единственная способна дарить человеку блаженную жизнь в потустороннем мире. Богиня знает тайны природы и тайны загробной жизни, и не только знает, но и готовит к их познанию людей, истолковывает многое непонятное, формирует то, что в подлинном смысле называется верой. Она нравственно очищает человека, духовно обогащает его, учит нормам и правилам тайного культа.

Афиняне посвящали Деметре-Персефоне множество праздников. В конце июня праздновались Скирии, в которых участвовало всё население Аттики, а в конце октября – начале ноября отмечались сразу два праздника – вначале Стении, а затем – Фесмофории. Считается, будто-бы это были чисто женские торжества, участницами которых являлись только замужние афинянки. Великий комедиограф Аристофан написал по этому поводу комедию «Женщины на празднике Фесмофорий», где сами празднества и их участники являлись предметом насмешек. Но не будем столь легковёрны, ведь у Аристофана и Сократ, и Еврипид, и Эсхил, и другие знаменитые люди выступают в образе наивных чудаков и простаков, веселящих публику. Аристофан смеётся надо всем и над всеми. Комедия она и есть комедия. А праздник это великое душевное торжество. В этом можно убедиться на собственном примере. Ведь мы, живущие в начале XXI века, празднуем и женские, и мужские, и государственные, и религиозные, и профессиональные, и личные, и чужие праздники. Празднолюбивые эллины солоновой поры в этом смысле были ничуть не хуже нас, ныне живущих. Они любили все торжества, тем более те, где речь идёт о празднике плодородия. Что это за плодородие без мужей?!

Итак, начинались Скирии, посвященные Деметре-Зеленеющей. Это был особый культ, не для всех, а для избранных, истинно уверовавших в неё, особо её любящих, почитающих, преданных ей людей. Для таких, избранных, и место особое, избранное – Элевсин, небольшое селение невдалеке от Афин. Там происходят малые и великие посвящения. Они закрыты, они окутаны завесой глубочайшей секретности. Все избранные дают обет молчания. Великий трагик Эсхил, который попытался нарушить подобное, был изгнан из Афин. Никто и по ныне, ни один человек, не может сказать ничего существенного об этих таинствах, ибо так желала повелительница духа, которой они посвящались. Впрочем, элевсинские мистерии в эпоху, нас интересующую, ещё не имели столь большого значения. Деметра тогда была более открытой и доступной Богиней. Вот что она устами Гомера говорит о себе:

Чтимая всеми Деметра пред вами.
Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу
и всегдашнюю помощь.

Великий поэт посвятил замечательной Богине гимн; самый краткий из написанных им гимнов, но самый сокровенный:

Пышноволосяную петь начинаю Деметру честную
С дочерью славной её, прекрасною Персефонею
Славься, Богиня! Наш город храни. Будь первая в песне.

Вот какая она – преславная, всеблагая покровительница Деметра. Именно такую, или почти такую, воспринимали её древние. Разве могли эллины не любить подобную владычицу, не воздавать ей высшие почести, не посвящать ей великие празднества?

В праздничный день, с самого утра, тысячи людей собрались на богослужения в предместье Афин – Аграх, у храма Деметры. Они вознесли страстные молитвы в честь Великой Богини. Основным действующим лицом здесь был главный жрец храма Деметры – хранитель

святыни, наряженный в маску, собственно, олицетворявшую Богиню. Все остальные жрецы предстали одетыми в хламиды зелёного цвета, с изображением золотого серпа на груди. В руках они держали горящие факелы. От храма процессия направилась к жертвеннику Деметры, расположенному на берегу реки Кефис. У жертвенника были осуществлены великие жертвоприношения, так называемая гекатомба – заколото сто отборных свиней. После приношений огромная масса народа разделилась на множество потоков. Пожилые мужи и мужи среднего возраста, обладающие гражданским достоинством, готовились к приёму пищи, состоящей из мяса жертвенных животных, особого хлеба с маком и лучших специально приготовленных для праздника сортов вина. Пока Деметра принимала жертвы от афинян, последние вели возвышенные беседы о славной Богине, о секретах земледелия, о значении хлеба, мяса и плодов в человеческой жизни. Затем молодые поэты состязались в пении сатирических стихов-ямбов, которые обличали человеческие пороки.

Деметра первой из богов высоко оценила ямбическую поэзию, которая когда-то хоть ненадолго отвлекла её от горестных страданий. Предание гласит, что когда страдающая Деметра прибыла в Элевсин, крестьянка Ямба, видя горестную Богиню, что было силы выругалась и задрала свой подол перед её носом. Та, увидев обнажённую молодую женщину, развеселилась. Её смех символизировал возвращение к матери – Земле, к её любовной и плодородной силе. С тех пор появилась ритуальная ругань, крепкие прямые и недвусмысленные словечки, сопровождающие земледельческие праздники. Молодые афинские поэты частенько грешили этим. Они любили поупражняться и посостязаться в ямбической поэзии. Тем более что в празднества победитель поэтических состязаний получал в качестве награды большую амфору, наполненную зерном.

Здесь среди празднующих афинян пребывал и мрачноликий Солон. Именно пребывал, а не участвовал в торжествах. В то время как все мужи оживленно беседовали, спорили, некоторые блистали своей эрудицией, он в раздумьях безмолвствовал. Его мысли были заняты другим делом, весьма отдалённым от земледелия. Солон никому ничего не говорил и у него никто ничего не спрашивал. Да и зачем? Он здесь, и этого вполне достаточно. Ведь Деметра, всё-таки, не Афина, она далека от тех вопросов, которые сейчас волновали стратега. Хотя сам Солон мысленно обращался к Деметре, полагая, что осуществить намеченный замысел без её благосклонного расположения вряд ли удастся.

Тем временем юноши зажгли факелы и во главе с молодым жрецом отправились торжественной процессией к священной роще Деметры. По пути молодые афиняне осуществили ещё один обряд жертвоприношения. Они бросили в расселину, некогда поглотившую Персефону, поросёнка, полагая, что эта жертва будет приятна Деметре и особенно её дочери Персефоне. Затем процессия вошла в рощу. Двое последних юношей, замыкавшие её, волокли чучело Эрисихтона, того самого негодяя, который некогда, как гласит миф, вместе с друзьями вырубал деревья, чтобы построить здание для пиров. На просьбу Деметры прекратить кощунственную рубку священного леса, он безрассудно смело замахнулся на Богиню топором, за что был самоубийственно наказан. Деметра «наградила» смертнорождённого вечной пагубной ненасытностью. Сколько бы он не ел – ему хотелось насыщаться ещё больше. Эрисихтон проел всё своё состояние, продал свою дочь, нищенствовал, прося подаяния, и в итоге злосчастный порушитель сгинул, съев самого себя. Все эллины знали – Великая Богиня беспощадна к негодяям и святотатцам.

Чем дальше занимались в священной роще юные мужи, после того как сожгли чучело, покрыто мраком тайны и по сей день.

Женская часть празднующих разделилась на три группы. Пожилые женщины (старухи) отправились к святилищу Деметры-Зеленеющей, расположенному у южного склона Акрополя. Здесь они будут изготавливать ячменное зелье, приправленное мятой. Этот напиток очень любила Деметра, и секрет его приготовления был чрезвычайно велик. Спустя несколько часов

«старухи» умиловивят напитком свою любимую Богиню и вдоволь примут его сами. Они тихо споют гимны, посвященные Деметре, погрузят о тех радостных временах, когда и они плодородили.

Юные афинянки (девы), которым в будущем предстояло продолжить дело Деметры, отправились на священный луг собирать алые маки, розы и гиацинты. Алый цвет обладал сакральным значением как символ постоянного обновления, возрождения после смерти. Что касается мака, то он имел и чисто практическое значение. Из него изготовлялся священный снотворный напиток для участников мистерий. Девушки собирали цветы, плели венки и увенчивали ими головы. Своими звонкими и нежными голосами они воспевали Богиню, воздавали ей надлежащие почести, молили о достойных женихах и о будущих детях. Но самое главное их ожидало впереди. Поздним вечером должны были состояться тайные купания, посвященные Деметре. Ни один муж не мог знать ни о времени, ни о месте купания юных афинянок.

Но, главным действующим лицом, участвовавшим в празднествах, были, безусловно, женщины (нимфы), олицетворявшие идею плодородия. После жертвоприношений тысячи молодых афинских жён отправились к храму Деметры, Персефоны и Триптолема, где радостно журчал девятиструнный ключ, источавший священную воду. Женщины благоговейно провели символическое омовение и утолили жажду. Далее их маршрут пролегал по холмистым полям, колосившихся злаками. На руках, по очереди, они несли соломенное дитя, по имени Бримон. Взяв в руки колосья, «нимфы» отправились к месту, откуда по преданию была похищена Персефона. Огромная яма уходила глубоко под живородящую землю. Возможно, это была дорога в мрачное обиталище Аида. Опасливо глядя в тёмную бездну, женщины бросили в неё колосья, воспели гимны Персефоне, провели священное оплакивание дочери Деметры, а затем исполнили ритуальные танцы в честь Великой Богини. Они воспевали её достоинства, мысленно возносились к ней, предавались благоговейному созерцанию; многие молили даровать им детей. Трепет небывалой радости овладевал ими. Затем они спустились к священным озёрам – Рэтам и омыли в них ноги.

Ближе к вечеру жрица Деметры объявила имя женщины, родившей самого прекрасного младенца в этом году, и вручила ей соломенного Бримона...

Священнодействия были в разгаре. И это было всеобщее пышное торжество. Только позже, лет двести спустя, некоторые богатые горожане станут считать празднество Деметры, праздником только земледельцев, праздником крестьян. Но сейчас его отмечали все – и пастухи, и скотники, и свинопасы, и купцы, и ремесленники, и корабельщики, и жрецы, и стратеги. Вся Аттика находилась в священном торжественном экстазе. Все чувствовали свою причастность к Деметре, к земле. А как же иначе.

~6~

В празднество Деметры погрузилась не только Аттика, но и вся Эллада. Не было исключением и остров Саламин. Причём саламинские мегаряне в отличие от афинян праздновали скромнее и проще, можно сказать – слишком просто. Дескать, незачем изощряться и тратиться.

Вознеся Великой Богине молитвы, принеся ей возлиянья и жертвы, они затем целый день ненасытно поедали жертвенное мясо и неумеренно выпивали вино. Казалось, об этом побеспокоилась сама Деметра, воспринимаемая к тому же многими эллинами богиней виноградарства и виноделия, поскольку Дионис не был в то время в большом почёте. Как бы там ни было, пировавшие мегаряне большими дозами хлестали вино, шутили, смеялись, веселились, изредка вспоминая о причине торжества.

Большой вклад в создание атмосферы охмеленья, благодушья, радости и веселья на острове внёс афинский торговец вином Пандор. Вначале он продавал пировавшим воякам вино по весьма низкой цене, а потом и вовсе разливал его задарма. Афинский купец даже устроил

состояния на предмет того, кто из мегарян сумеет больше выпить, не отрываясь от сосуда. Победитель получал в качестве приза добротную амфору, наполненную желанным напитком.

Ближе к вечеру на Саламин прибыл афинянин Антифон – осведомитель, презренный и превратнейший человек, лгун и мерзавец. В течение продолжительного времени он угодливо шептал о чём-то на ухо мегарскому стратегу Фрасибулу. Судя по всему, разгласил какую-то важную тайну. От глаз Пандора, зорко следившего за ними, не ускользнуло то, что оба собеседника были весьма довольны. Видимо, мегарянин получил отраднейшую весть. Несколько позже, изрядно подвыпив, Фрасибул подошёл к афинскому торговцу вином и с многозначным горделивым выражением лица, стал, шутя, у него допытываться:

– Скажи, купец, страстны ли афинские девы?

– От чего же не страстны? – также шутя, отвечал тот. – В Элладе не найдёшь страстнее и любвеобильнее женщин, нежели наши афинянки. Никто не идёт в сравнение с ними. Замечу, необычайную страсть они дарят мужам на природе, где-нибудь в лесу, в поле, на берегу и... особенно в воде.

– В воде? – раскрыл от изумления рот Фрасибул. – Они что, подобны рыбам?

– Нет, они сродни nereидам. Не забывай, любезный стратег, ведь из морской пены родилась богиня любви Афродита. Поэтому вода – это особое место для любовных утех. Разве ты не знал об этом?

– Чего не знал, того не знал, – еле поворачивая языком, отвечал бесхитростный мегарский стратег. – Сорок лет прожил, а о таком не слыхивал, к своему удивлению.

И нижняя губа Фрасибула буквально отвисла от сожаления и разочарования. Казалось, он был основательно удивлён и огорчён.

– Не может быть, чтобы такой славный воин, как ты, не испробовал любовных страстей в воде, – продолжал поддевать мегарянина афинский торговец. – Ты ведь понимаешь, это не делает тебе чести. Понимаешь?

Фрасибул, смотрел на хитроумного Пандора широко открытыми глазами, настолько широко, насколько это возможно пьяному человеку, и давал афинянину знать, дескать, понимать-то он, конечно, понимает, а вот пробовать, всё-таки, не пробовал. Чего не было, того не было, а врать он не намерен.

– Пена... вода..., н-е-е-е-т, никогда не пробовал, – еле выговаривая слова, простонал он. – Но, вскоре попробую!

Обязательно испытай, поторопись! Вот увидишь, какое это блаженство и счастье – любить женщину в воде. Уверю – не нарадуешься!

– М-д-а-а, – потирая руки, возбуждённо ответил мегарянин, – соблазн велик. Пойду-ка я ещё насыщусь.

Через некоторое время Фрасибул, ещё изрядно подвыпив и подкрепившись, снова подошёл к Пандору и спросил, умеет ли он толковать сны.

– Если сладостные сны, то могу. А что тебе снилось, стратег? – любопытствовал афинянин.

– Вода, много воды.

– Говорят, это к болезни.

– А голые женщины?

– Женщины? Голые? Ну как бы тебе сказать? Многие знатоки снов полагают, что это к покойнику.

– Значит, обнажённых женщин следует опасаться? – озабоченно выговаривал стратег.

– Да чего же их опасаться! – многозначительно встрепенулся купец. – Если видишь голую женщину, быстрее раздевайся сам. Опасаться надо одетых и разукрашенных. Обнажённые они вовсе не опасны, скорее они прелестны и желанны. К тому же не доверяй толкователям снов, а верь своим чувствам.

– И я так думаю, – перебил Фрасибул. – Ты меня успокоил. Надо ещё утолить жажду, а потом... буду тешиться, услаждать своё сердце.

И Фрасибул снова сел за стол, дабы поднабраться сил для предполагаемых ночных любовных утех. И намеревался он тешиться не с кем-нибудь, а с афинскими девами, которые должны были сегодня ночью проводить священные купания в честь Деметры. Мегарянам стало известно место проведения этих таинств, и они возбуждённо начали готовиться к вылазке.

Любителей походов набралось человек четырёхста. Остальные же попросту не могли держаться на ногах. Опьянение было всеобщим. А пьяному, как известно, море по колено и всё нипочём. С большим трудом, оставшиеся мегарские вояки разбрелись по острову в поисках места ночлега. Многие уснули тут же, где пировали. Остальные – где кому удалось.

В глубоких сумерках мегарские любители любовных приключений решили, что необходимо станцевать Пиррихий – воинственный танец, который часто исполняли воины перед важным боем. Обычно, это была своего рода разминка перед сражением, имевшая целью укрепление боевого духа и оказание негативного воздействия на неприятеля. В ходе её воины демонстрировали движения с оружием и без него, приёмы уничтожения врага, которые применялись в реальном бою. Но поскольку сейчас мегаряне готовились к «бою» с юными девами, то и Пиррихий носил сексуально-развлекательный характер. Пьяные мегаряне под звуки флейты демонстрировали друг другу, как они будут хватать афинских дев, как они станут их насиловать, а потом выбрасывать как ненужную вещь. По всему Саламину раздавался истерический смех похотливых вояк. Отзвуки этого хохота доносились до афинских берегов. Происходящую картину, прищурив глаза, наблюдал и афинский купец Пандор. Уж он-то знал, какое весёлое приключение поджидает мегарян через час-другой.

Вволю натанцевавшись, мегарские сладострастцы погрузились в свои корабли и устремились на промысел к афинским берегам – к предполагаемому месту купания юных дев. Мегарянами двигала не только страсть любовных влечений, но и желание ещё больше насолить афинянам, собиравшимся, как они прослышали, отвоевать Саламин, а то и вовсе покуситься на саму столицу мегарского государства.

– Пока вы мечтаете о Саламине – рассуждал с наглой усмешкой Фрасибул, – мы похитим ваших дев и вдоволь поразвлечёмся с ними. Это будет вам серьёзным предупреждением. С подобными мыслями мегаряне без малейшего предчувствия беды предводительствуемые Фрасибулом подплыли к месту обряда и увидели изумительную картину.

Сотни афинских дев, часть из которых были обнажёнными, а многие в коротеньких платьях и шапочках на голове, плавали в воде и разгуливали на берегу. Зрелище потрясло воображение пьяных вояк. Их глаза пылали вожделением, руки сжались в кулаки, а тела сильно напряглись и тоже горели от мысли о предстоящих страстях. Поставив корабли на якорь, они тихо, насколько, вообще возможно говорить о тишине применительно к пьяным мужам, поплыли к купающимся девам. Те громко хохотали, плескались в воде, распевали песни, были рады, возбуждены и беззаботны.

Кровь так и закипала в жилах пливших сладострастцев. Осталось каких-нибудь тридцать локтей, и вот оно неистовое блаженство; наслаждайся вволю, развлекайся так, как советовал Пандор. Хорошо-то как будет! Тут уж берегитесь, тут мы вам покажем оргии, – горели чудовищной одурманивающей необузданностью вояки.

Заметив чужаков, афинянки большого шума не поднимали. Правда, те, которые были обнажёнными, вышли на берег, как бы демонстрируя свои прелести не стесняясь. Те же, которые были в платьях, преспокойно оставались в воде.

– Ничего – увлеченно рассуждали охотники за любовными утехами, – в платьях даже лакомее. Соблазн невероятный!

Вот осталось десять локтей, пять, три, один... Ничего не заподозрив, возбуждённые мегаряне начали прыгать в воду и хватать афинских дев в платьях, хватать их за самые нежные места. Но что это?

– О, Афродита! Так разве ж это девы? Это же самые обыкновенные мужи! – восклицали мегаряне. – Что за чудеса?! К чему всё это?

И действительно, девами в платьях с шапочками на головах, оказались те самые триста безбородых и безусых афинских юношей, усердно готовившихся к походу на Саламин.

– Ну, поласкай меня! – говорила одна такая «дева» возбуждённому мегарянину, – да понежнее, поласковее, да пониже, ниже...

Когда пьяные мегаряне поняли смысл происходящего, а именно то, в какую дикую западню они попали – они оторопели и мгновенно стали трезветь.

– Пандорра!!! – заорал со страху один из них. Непонятно, что этим хотел подчеркнуть кричавший сладострастец. То ли он имел в виду первую женщину, подаренную богами как «прекрасное зло», то ли Пандора – афинского купца, готовившего им эту западню. А возможно и то и другое, а может это был клич к спасению.

Но уже было поздно. К пьяному ужасу мегарян, хорошо обученные афинские юноши с кинжалами в руках в течение нескольких мгновений расправились с насильниками. Схватка была молниеносной и беспощадной. То и дело, повсюду раздавались болезненные стенанья и оханья сражённых насильников. Правда, ранее Солон просил молодых афинян избегать большой резни, не убивать мегарян что зря, а только оглушать и ранить их. Раненых и оглушенных немедленно заковывали в цепи. Были, разумеется, и убитые. Несколько человек, в том числе и стратег Фрасибул, отчаянно повернули к своим кораблям. Но тут, неведь откуда, словно бы из-под воды, молниеносно вынырнули корабли афинян под предводительством Солона и преградили им путь. Мегарянам отступать стало некуда, и они решили сражаться, во всяком случае, сопротивляться. Но что за сражение пьяного, голого, безоружного барахтающегося в воде с хорошо вооруженным и хорошо обученным воином, находящимся на корабле. Ясно, дело безнадежное. Это все поняли. Фрасибул сопротивлялся ожесточённо и пытался избежать пленения. Он глубоко нырял, долго задерживался под водой, маневрировал. Пытался обмануть охотников за ним, делая вид, что он утонул. Дело кончилось тем, что четверо опытных афинян с немалыми усилиями набросили на него сеть и подобно крупной рыбе вытащили на корабль, где находились Солон, Главкон и с десятков афинских воинов.

– Ну как, потешился, Фрасибул? – цинично спросил пленника Солон, глядя на него горящими проникновенными глазами. – Я вижу, ты к этому очень хорошо изготавился, красиво нарядился.

Фрасибул, совершенно обнажённый, с трудом выбрался из сети и в приступе бешенства, злобы и бессилия, окружённый со всех сторон врагами не знал, как себя вести.

– Так я тебя спрашиваю, мегарянин, хороши ли афинские девы? Насладился ли ты вдоволь или не успел. Не помешали ли мы тебе? – издевательски продолжал вопрошать афинский стратег.

– Это нечестно и недостойно! – неожиданно взревел пленённый стратег. – Так истинные воины не поступают, как вы презренные афиняне!

– Тебе ли говорить о чести, негодяй, – спокойно ответил Солон – Если бы ты был честен и умён, то сейчас находился на Саламине, а не здесь. Вы хотели бесстыдно и мерзко осквернить наши тайные празднества и оскорбить честь и достоинство наших дев, да и всех афинян, оскорбить величие и святость Деметры. Святотатцы, вы нарушили земные и божественные порядки. Непостижимость чести, распущенность нравов и собственная подлость погубили вас!

– Даром это тебе, Солон, да и всем твоим собратьям не обойдётся! Что вы себе вообразили?! – продолжал бессвязно бушевать Фрасибул. – За подобное вы заплатите большую цену.

– Действительно, Фрасибул, содеянное тобой зло даром не пройдёт. Но расплачиваться придется не нам, а вам. А в качестве платы мы возьмём, – Солон сделал умышленную длительную паузу и таинственно посмотрел на Фрасибула, напоминавшего вепря, загнанного в угол и готовившегося к безнадежному прыжку, а затем бросил взгляд в направлении острова. – Итак, чтобы взять с вас самое ценное? Ну ладно, мы согласны на Саламин. Хотя, конечно, честь дороже любого острова. Однако, ваших дев мы бесчестить не станем. Взамен содеянного вами мы всего лишь вернём афинскому народу то, что исконно принадлежит ему – Саламин.

Услышав Солоновы слова Фрасибул заносчиво расхохотался:

– Подобная дерзость выходит за всякие рамки! Да знаешь ли ты, безумный поэт и торговец, не умеющий держать в руке меч, что на острове находятся две тысячи воинов, которые, завтра изрубят вас в куски! А если понадобится, то мы и презренные Афины сотрём с лица земли! Оставим о вас одни воспоминания!

– Твоё простодушие беспредельно, – спокойно ответил Солон, – ты даже не догадываешься об уменьшении собственного отряда на четыреста человек. И хотя остальные превосходят нас числом, но не они нас будут рубить в куски, а мы их будем пленить и заковывать в цепи, а если придётся, то и рубить. И не завтра, бывший стратег, не завтра, а не далее как через час-другой! Так что угрозы твои пусты, а речевания – бессмысленны. Ты меня понял? Ты вообще способен понимать? В отличие от вас, мы не танцевали Пиррихий, но к сражению готовы. А вы?

И только сейчас тупоумный Фрасибул осознал весь ужас происходящего. Он догадался, в какую гибельную ловушку, в бездонную пропасть попали мегаряне. В его горделивых глазах вспыхнули молнии, а в голове загрохотали раскаты грома. Обезумев от ненависти, бессилия и своей тупости, в бешеной ярости, подобно Церберу, он резко прыгнул на Солона, будто этим мог изменить грядущее бедствие. Но предводитель афинян был готов к подобному развитию событий. Он ожидал неистовства пленника. Молниеносно сжав правую руку в мощный кулак, Солон со страшной силой вогнал его в лицо прыгнувшего на него мегарянина. Удар был столь сильным, что от сражённого, навзничь падающего Фрасибула закачало корабль. Из носа и рта нападавшего хлынули потоки крови.

– Да, уж воистину мегаряне боятся кулаков, – тихо сказал себе Солон.

Выплёвывая изо рта выбитые зубы, Фрасибул в ослепленьи снова ринулся на ненавистного ему противника. Окружавшие Солона воины обнажали было мечи, направив их на безумца, но афинский стратег решительно упредил всех крикнув:

– Не надо, я сам!

Он вновь укротил разъярённого пленника, нанеся ему разящий удар, подобный первому, на сей раз кулаком левой руки. Фрасибул, чья слава силача и воина ранее гремела в Мегарах и по всей Элладе, был низложен. Получив две страшных зуботычины, он стоял на коленях перед Солоном и, опёршись одной рукой о палубу, в полубеспамятстве издавал какие-то животные хрюкающие звуки.

– Заковать его в цепи и доставить в Афины, – приказал воинам афинский главнокомандующий.

Услышав эти слова, Фрасибул, словно проснувшись от кошмарного сна, широко открыл дикие глаза, бессмысленно осмотрелся вокруг, затем резко вскочил на ноги, будто почувствовал руками и ногами прикосновение раскалённых цепей и сделал какой-то совершенно невероятный прыжок в сторону однорукого Главкона, державшего обнажённый меч. Тот, не мешкая, молниеносно приставил меч к груди пленника и украдкой бросил взгляд на Солона, ожидая его приказа. Фрасибул же тем временем, не раздумывая, без страха и сомнений, голыми руками схватил лезвие меча и со словами «Этому не бывать! Такова моя последняя песнь!» резко направил его себе в сердце, и через несколько мгновений испустив дух, замертво распластался у ног Солона и Главкона. Позору и плену он предпочёл муки Аида. Находящиеся на корабле

афиняне были крайне возбуждены и обескуражены произошедшим здесь. Некоторые ужаснулись; им стало жутко и дурно, по их телам пробежала неприятная дрожь.

– Имейте в виду, многие мегаряне подобны Фрасибулу, – обратился Солон к соплеменникам, окружавшим его. – Так что держите кулаки и оружие наготове. Все будьте предельно внимательны, не расслабляйтесь ни на мгновение.

Двое афинян хотели было выкинуть за борт безжизненное тело Фрасибула, но Солон не позволил им так поступить:

– Он хоть и наш противник, но всё же – человек, воин, и далеко не последний, впрочем, теперь уже обесславленный. Схороним его на Саламине. В Мегарах, я полагаю, места для его могилы не найдётся. Мрачная история. Таких «героев», как он, предадут вечному забвению.

Тотчас Солон приказал Гиппонику вместе с двумя сотнями воинов пересесть на корабли мегарян и действовать по намеченному ранее плану. Сам же с остальными участниками похода, пересев в другие мегарские корабли, через час взял курс на саламинскую пристань. На всякий случай с собой взяли несколько девушек. Через некоторое время должны были подойти к пристани и афинские корабли.

К Саламину плыли медленно и молча. Все мысленно готовились к сражению и все, разумеется, сильно переживали. Крайне тревожным был Главкон. Его одолевали плохие воспоминания о прежних саламинских сражениях. Солон, видя это, решил немного скрасить грусть старого вояки и, нарушив всеобщее молчание, завёл с ним разговор.

– Что грустишь, Главкон? – спросил тихо главнокомандующий. – Иль ты не совсем готов к схватке?

– Готов, конечно, я готов, – волнуясь, ответил тот. – Но на душе очень тревожно.

– Боишься видимо поражения и смерти, или опасаясь чего-то другого?

– Я не боюсь смерти, но опасуюсь позорной смерти, такой, которая постигла Фрасибула.

А потому и переживаю, – волнуясь произнёс Главкон.

– Это хорошо, что ты переживаешь. Излишнее спокойствие часто подводило людей, особенно в дни сражений.

– Моя тревога не столько за себя, сколько за тебя, Солон, и за наше общее дело. Я искренне желаю, чтобы твой план удался. Мне много довелось воевать, но ни один стратег не проявил такого глубокого ума, тонкого понимания вещей и твёрдости духа, как ты. Кто б мог подумать?

– Не стоит преувеличивать, любезный Главкон, – прервал его Солон, – тем более что мы пока на полпути. И главный вопрос пока не решён. Всё ещё может случиться.

– Но всё же, – сопротивлялся старый воин, – как тебе пришло на ум такое ухищрение? Ведь ты никогда не отличался знаниями в военном деле? Силач ты известный, к тому же талантливый поэт, и купец славный, а вот стратег? Откуда такое дивное умение?

– Всё это благодаря только тебе, – остроумно отшучивался Солон. – Я ведь должен был оправдать твоё доверие. Иль ты ожидал противного исхода?

– Нет-нет, – покривив душой, прошептал Главкон. – Я, в тебе, сперва, хоть и усомнился, но затем поверил. Именно поэтому я нахожусь здесь. Если что, то знай, Солон, я готов сложить свою голову вместе с твоей.

– Наши головы и нам, и Афинам ещё понадобятся. Запомни это, Главкон. Я к тому же питаю надежду дожить до того времени, когда ты начнёшь сочинять элегии.

– Ты смеешься надо мной, – обиделся Главкон.

– Нисколько, – сказал доброжелательно поэт. – Человек способен на многое. И лекарями, и кормчими, и поварами, и стратегами не рождаются. Но всему можно научиться. Можно! Индивид в состоянии добиться многого, если есть желание, крепкая воля и позволяют обстоятельства.

– Можно научиться многому, но только не поэзии, – поразмыслив, вздохнул Главкон. – Она выше знаний. Она исходит от богов. Так мне кажется.

Солон приятно удивили глубокие размышления бывшего стратега. Но он ничего не ответил.

~7~

Когда в полночь корабли беспрепятственно подошли к Саламину, афинского главнокомандующего ожидал сюрприз. На пристани преспокойненько расхаживали сторожевые воины мегарян.

– Что могло случиться? – взволновался Солон, – ведь казалось всё продумано до мелочей и на тебе – такой пробел. И тогда он приказал первыми высаживаться на берег афинским девушкам – настоящим и мнимым – в расчёте на то, что дорийцы воспримут их как пленниц, а тем временем переодетые юноши должны были уничтожить стражу.

Однако тревога оказалась напрасной. Мегарянами на самом деле оказались вынужденно переобразившиеся воины из отряда Гиппоника. Переодеться в чужую одежду им пришлось из предосторожности, так как пьяные мегаряне то и дело забредали на пристань в ожидании «улова» – то есть, афинских дев.

Высадка легковооружённых афинян проводилась чрезвычайно быстро. Первым делом Солон принёс умиловительные жертвы Деметре и Кихрею – давнишнему владельцу острова. Убедившись, что жертвы приняты и знамения показывают благоприятствующий исход, главнокомандующий приказал продолжить операцию. Немедля афиняне, заранее разделённые на отряды, принялись за осуществление возложенных на них задач.

Сам Солон находился на пристани и вёл общее руководство боем. Он ещё раз попросил своих подчинённых не проявлять излишней жестокости, а стараться пленить всех противников.

Застигнутые врасплох, пьяные, сонные, деморализованные мегаряне существенного противодействия оказать не смогли. Они потеряли убитыми около пятидесяти человек, остальные были закованы в цепи. Их большую часть предстояло отправить в Афины. Среди афинян убитых не было, человек тридцать получили ранения разной тяжести. Как и помышлял Солон, тяжкого кровопролития удалось избежать.

В ночном бою, если, конечно, его правомерно называть боем, особо отличились отряды Дропида и жаждущего мести свирепствовавшего Главкона. Бывший стратег хорошо знал остров, знал мегарян, да и был крайне яростно настроен. Поговаривали, что из пятидесяти убитых около десятка было на его собственноручном счету. Случилось совершенно непредвиденное, а возможно, и справедливое. Главкону попался тот самый мегарянин, который несколько лет назад отсек ему правую руку. Афинянин мог убить его одним ударом, но не стал этого делать. Он снисходительно принудил соперника, встретившегося лицом со смертью, взять меч и сразиться на равных. Равного боя, разумеется, не получилось. Мегарянин был пьян, да и растерян. Изловчившись, Главкон нанёс мечом удар такой непостижимой силы, что соперник остался без головы.

– Ну вот, теперь мы сполна в расчёте, – сказал непонятно кому пожилой воин, – голова за руку – это достойное возмездие.

Наблюдавший эту сцену афинский воин громко произнёс:

– Даже одной рукой, при умной голове можно творить чудеса. А пьяной и глупой голове не помогут и четыре руки.

Самым лучшим образом проявили себя в бою Антихар, Мардоний и множество других юношей, страстные чувства, которых некогда разбудил своими элегиями вещавший на Агоре Солон. После саламинской экспедиции многие молодые афиняне почувствовали себя настоя-

щими мужами, достойными воинами, способными добывать честь и славу Афинам. К утру всё было кончено. Когда взошло солнце, Солон совершил благодарственные жертвоприношения, затем опустился на колени и поцеловал землю Саламина, воздав слова высшей благодарности Земле-Деметре. Затем он встал, протянул руки к небу и поблагодарил всех олимпийских богов за удачу. При этом сказал:

– Я надеюсь, отныне и, на вечные времена, Саламин будет нашим. Ворота в наш дом мы будем беречь.

Итак, Саламин вновь оказался в руках афинян. Конечно же, этого удалось достичь благодаря гению Солона, его великолепному замыслу всей операции и мудрой осторожности. Нелишне вспомнить, что столь неожиданный замысел родился в достопамятных кошмарных снах с участием Елены. Но Солон не был бы Солоном, если бы полагался только на сны. Он продумал все возможные варианты развёртывания событий. Сны дали только толчок к общему замыслу операции. Было ясно, что мегаряне захотят пленить знатных афинских дев, собиравшихся проводить священные купания. Солону с помощью Елены и её подруг удалось случайно «рассекретить» место и время купаний для осведомителей. И один из них отправился на Саламин сообщить об этом мегарянам. Был также отправлен «перебежчик», подтвердивший сообщение осведомителя. Желая ещё больше досадить афинянам, мегаряне, естественно, захотели насильственно овладеть знатными афинянками. Солон продумал и другое, на случай, если мегаряне прознают о хитрости афинян, или если им случайно что-то помешает «похитить» девушек. В этом случае ещё большая ответственность ложилась на плечи Пандора, торговца вином. Он обязан был во чтобы-то ни стало спить мегарян, хотя последние и без него по случаю празднеств должны были напиться.

Солон разработал ещё один вариант на случай, если мегаряне не захотят похищать афинянок и не напьются. Двести афинян под предводительством Гиппоника должны были бы поздней ночью, преодолев в двух самых высоких местах крепостные стены, тихонько и неожиданно для противника проникнуть на остров и для начала уничтожить стражу на пристани, чтобы могли причалить афинские корабли с воинами. На случай, опять же чего-то непредвиденного с Гиппонику, стражу на пристани должен был убрать Пандор. С ним на острове под видом экипажа, слуг и рабов находилось более двадцати хорошо подготовленных воинов. В надёжных местах заранее было припрятано оружие.

Таким образом, всё было осмыслено до мельчайших деталей. Солон опирался, прежде всего, не на везение или счастливый случай, а на тонкое понимание дела, знание привычек и психологии противника, собственную подготовку, реальные возможности преодоления самых различных неожиданностей. В конечном счете, получилось так, что сработали все необходимые основные звенья намеченного плана, причём сработали на славу. Не будучи основательным знатоком военного дела, Солон преподал мегарянам урок. Он доказал, что умный, творческий человек, не корысти ради, но движимый великими побуждениями и, основательно относясь к делу, способен достичь больших результатов. Впрочем, он никому ничего не доказывал, делал это не для наигранной показательности не ради амбиций, а по убеждению, полагая, что это необходимо для афинян, важно для отечества.

Следует ещё раз отметить, что была поставлена задача, не столько уничтожить противника, разгромить его, сколько одержать внушительную победу ценой небольших потерь.

– Важно не истребить, а победить, решить самую главную задачу – вот в чём военная мудрость, да и мудрость вообще, – утверждал Солон. Это афинянам при захвате Саламина в полной мере удалось.

Победным утром, давая различные приказы воинам, Солон увидел Пандора и, подойдя к нему, стал сердечно благодарить собрата по купеческому делу:

Ты несравненно потрудился, Пандор, мы все восхищены твоим промыслом. Сердечно благодарю тебя!

– Чего уж тут, – скромно отозвался торговец вином. Легче лёгкого было задарма поить бесхитростных людей. Я не жалея наливал, а они и сами того не сознавая пили и пили. Вот и вышло то, что вышло. Обычная уловка опытного торговца.

– Получилось на славу, – сказал довольный главнокомандующий. – Ты действовал не просто как купец, а как стратег – стратег торгового дела. Мегаряне понесли жесточайший урон. Смотри, как обильна добыча – указал он на удручённо идущих закованных в цепи мегарян. Один из них, видимо, узнав Пандора, что есть мочи крикнул:

– Будь проклят, торговец вином. Это ты оказал на нас превратное воздействие и довёл до пагубного состояния, что твои соплеменники пленили нас. Попадись ты мне ещё, я распорю твоё брюхо!

– Уже не распорешь, – великодушно ответил Пандор. – Теперь пора позаботиться о своём драгоценном брюхе, коль не сумел ты этого сделать ранее. – А потом, глянув на Солона, иронично добавил:

– Вот какова благодарность мне! Я бескорыстно одарил их вином, наливал им не жалея меры, а они теперь клянут меня. Что с них возьмёшь? Мегаряне они и есть мегаряне.

– Кто много пьёт, Пандор, – тот многое теряет. Тебе это известно лучше, нежели мне. В случае с мегарянами мы только радуемся выпитому вину. Оно пошло на пользу афинскому государству и нам с тобой. Впрочем, тебе все убытки будут возмещены с лихвой. Вот только я вернусь в Афины.

– Нет, Солон, ни в коем случае. Разве я не афинянин, разве не тосковал по Саламину? Хоть и не могу твёрдо держать в руках копьё и меч, зато уверенно держу амфору и килик с вином. Пусть выпитое мегарянами вино будет моим даром в нашу общую победу. Замечательную и умную победу, стратег. И вино в ней сыграло не последнюю роль. Это моя боевая литургия!

– Хорошо, ещё раз благодарю тебя Пандор, – сказал с особой теплотой Солон и удалился давать срочные распоряжения. Он приказал схоронить убитых мегарян, а труп Фрасибула сжечь, дабы потомки мегарян, не оскверняли его могилу. Главкону было поручено лично проследить за всем этим. Когда мегарянин был сожжён, то своею собственной рукой бывший стратег рассеял пепел над островом. При этом то ли всерьёз, то ли в шутку произнёс:

– Теперь, Фрасибул, Саламин навсегда будет принадлежать тебе, а ты – ему.

В течение двух дней Солон внимательно осматривал островные укрепления и тут же требовал что-то достроить, что-то укрепить. Во время осмотра укреплений к Солону подошёл Главкон.

– Солон! – торжественно, с чувством некой таинственности, обратился он к главнокомандующему, – молодые воины предлагают, а я с ними согласен. Да, я с ними согласен, – прищурив левый глаз, продолжал он, – учитывая то, какую великую услугу оказал ты Афинам, возвратив им Саламин, хочу предложить Экклесии переименовать этот злополучный остров и назвать его твоим именем. Что скажешь?

Солон вначале было растерялся, а потом неожиданно для всех расхохотался. Всегда сдержанный и обходительный в общении с людьми, он редко насмеялся, понимая, что смех является мощным оружием воздействия на собеседника. Но тут он не удержался. Главкон в замешательстве не знал, как ему быть. То ли смеяться вместе с Солоном, то ли принять позу обиженного ребёнка. Но Солонов смех был столь заразителен, что и Главкон и несколько молодых афинян стоявших рядом, стали улыбаться. Насмеявшись вдоволь, стратег вытер слёзы, и приязненно посмотрев на бывшего стратега, объяснил ему причину смеха.

– Любезный Главкон, благодарю тебя за честь, которую ты хочешь оказать мне, но поверь, я не оболщён, не стоит этого делать. Саламин и так натерпелся с этими именами. К тому же, как быть с Гомером и другими поэтами, которые упоминали Саламин? Разве можно изменить строки ими сочинённые? Но более того, представь себе, что Саламин переименовали в Солон.

Доведись, о не допустят этого боги, мегарянам отвоевать у нас остров, они его назовут Феагеном. Может случиться и так, что лаконцы отберут остров у мегарян. И тогда они назовут его Павсанием. Если афиняне смогут вновь вернуть его себе и сделают это под предводительством Дропида, то остров должен будет носить его имя. Что из этого выйдет? Жители острова будут называть себя то саламинцами, то солонцами, то феагенцами, то павсанцами. А смеюсь я потому, что представил себе, как где-нибудь в Милете встретились случайно выходцы из Саламина, но каждый называет себя по-разному то солонцем, то павсанцем, не зная при этом, что они земляки. Да и наши потомки, были бы в затруднении, когда-нибудь утверждая: «Солону за ночь удалось овладеть Солоном». К тому же имя, данное острову нашими предками очень красиво. Саламина была дочерью богов. Так вот, вследствие сказанного предпочтём имена богов человеческим именам, а с прославлением победителей повременим. Не стяжатель я славы ратной, Главкон. Не ради этого мы сражались против мегарян. Да и не я один овладел Саламином. Пусть лучше Саламин останется самим собой.

Между тем весть о взятии Саламина мгновенно долетела до Афин. Возбуждённые радостным событием горожане ликовали от счастья. Они смеялись, кричали что-то бессвязное, прыгали, танцевали. Эйфория охватила всех, включая солоновых недоброжелателей. С разных концов Аттики в Афины стекался народ. Все с нетерпением ждали возвращения стратега. Две ночи афиняне находились в радостном возбуждении. На третий день, после взятия Саламина, решив все неотложные дела и оставив Дропида командовать гарнизоном, Солон вместе с тридцатью ранеными воинами возвращался домой.

И вот к полудню запыхавшийся юноша-говец радостным криком возвестил горожанам:
– Завоеватель Солон, наш Солон-победитель, у афинских стен!

Получив радостную весть, в одно мгновение весь город высыпал на улицы. Маленькие дети, подростки, юноши и девушки, зрелые мужи, старики и старухи. Даже те, кто уже много лет был прикован к постели, просили домашних вынести их на улицу – дабы приобщиться к всеобщему ликованию. Давно Афины не испытывали столь волнующего потрясения. Казалось, в этом угаре всеобщего необъятного воодушевления и счастья забылись все беды и трудности повседневной жизни. Девушки бросали на Солона и раненных воинов цветы. Юноши и мужи беспрестанно кричали:

– Солон – Саламин! Солон – Саламин! Солон – Саламин!!!

Подойдя к Агоре, Солон остановился, поправил свой воинский наряд и с нескрываемой радостью вошёл в сопровождении воинов на городскую площадь. Здесь его ожидали тысячи афинских мужей. Увидев победителя, площадь, словно по команде взревела. Крик был столь безмерным, что эхо разнесло его на сотни стадиев вокруг. Говорят, будто бы его услышали и жители приграничных мегарских селений. Архонты, находившиеся здесь, первыми подошли к победителю и тепло поздравили с успехом. Затем Солон поднялся на камень и сердечно поприветствовал собравшихся соотечественников. Буря восхищения вновь пронеслась над Агорой. Солон поднял вверх правую руку, затем левую. Однако восторженное ликование продолжалось. Казалось, ему не будет конца. Выждав ещё несколько минут, дав народу излить свои чувства, он произнёс краткую, но памятную речь:

– О, мужи-афиняне! Четыре месяца назад, прикинувшись помешанным, я призывал вас идти на Саламин. Хвала Олимпийским богам вы вняли моему голосу. И вот сегодня, находясь в полном здравии, с чувством выполненного долга я рад вам доложить – Саламин снова наш, мегаряне – повержены! Годы позора, стыда и унижений из-за этого острова для нас, надеюсь, закончились. Я возвращаю вам не только Саламин, но и ваших сыновей, братьев и отцов. Ни один из них не погиб в бою, есть только раненные.

Невероятный восторг восхищения вновь пронёсся над Афинами. Такого ещё не бывало, чтобы в столь важном бою не было погибших.

– Я возвращаю вам, – продолжил оратор, – вашу честь, достоинство и спокойствие. И прошу... отпустить домой пленных мегарян.

Речь Солона, равно как и взятие Саламина, ещё много дней возбуждали афинян. Где бы ни появлялся стратег, его тут же окружали десятки горожан и требовали в очередной раз рассказать обо всех деталях военной операции. Солон с нескрываемым удовольствием делал это. На вопрос, почему он предложил отпустить пленных мегарян, главнокомандующий глубокомысленно ответил:

– Они невиновны в том, что стали пленниками. Здесь повинны только мы. К тому же, отпустив пленных, мы сделаем первый шаг к примирению с Мегарами. Не воевать же нам с ними вечно.

Решением народного собрания пленных мегарян отпустили. Но они в Мегары не вернулись. Многие остались жить в Аттике, и не раз они и их потомки мужественно сражались на стороне афинян. Впоследствии кое-кто за особые заслуги получил гражданство. Часть отпущенных пленников ушла неизвестно куда, некоторые посрамлённые покончили с собой. И только с десятков человек рискнули вернуться домой, но лучше бы они не возвращались. У дорийцев – побывавший в плену равнозначен предателю. А если ещё учесть потерю Саламина, да при таких позорных обстоятельствах, как в этот раз, то ждать чего-то хорошего пленникам, вернувшимся в Мегары, не приходилось. Все они спустя некоторое время умерли позорной смертью.

Месяца через два после этой знаменательной победы все успокоились; всенародное ликование прошло, и начались трудные будни афинской жизни.

Но Солон в Афинах уже не было. Слава о нём и его победе ещё гремела по всей Элладе, а он, не извлёкши из неё никаких выгод для себя, сдав полномочия главнокомандующего, загрузил корабль оливковым маслом и отправился в путь – заниматься своим обычным купеческим делом – торговлей. Корабль был для него вторым домом, а возможно и первым, где он чувствовал себя уютно, уверенно, радостно и счастливо. И Солон не хотел лишать себя этого удовольствия. Он продолжал торговать, набираться житейского опыта, мудрости и познавать мир. Что может быть важнее радости познания? – спрашивал себя Солон. И ответ для него был очевидным – ничего. Во всяком случае, пока. А далее жизнь покажет, чем ему надлежит заниматься.

ГЛАВА II. САДИСЬ НА СЕРЕДИНУ КОРАБЛЯ

~1~

Солон уже двадцать лет занимался торговлей, был известным купцом, причём купцом весьма преуспевающим. Хотя и родился он в благородной семье Медонтидов, своими корнями уходящей к последнему афинскому царю Кодру и первому избранному архонту Медонту, богатого наследства будущий законодатель не получил. Его отец Эксекестид истратил большую часть семейного состояния на строительство храмов, военные приготовления, помощь друзьям и иные благотворительные дела. Впрочем, и того богатства, что досталось молодому эвпатриду по наследству, вполне хватило бы для нормальной жизни, которую ведут большинство уважаемых афинских граждан. Но не таков был Солон, чтобы довольствоваться малым. Он решил лично умножить собственное состояние, хотя богатство вовсе не являлось для него самоцелью. В богатстве он словно бы утверждал свою индивидуальность и способность на что-то значимое, заметное. К тому же, материальное изобилие позволяло быть независимым и вести достойный и относительно свободный образ жизни.

По представлениям сына Эксекестида, человек устроивший достаток своими собственными руками и умом, возвышался в глазах окружающих. Никто из здравых разумом и телом не должен быть иждивенцем, ждать подобно слепцу подаяния или счастливого случая, но обязан настойчиво, целеустремлённо, а главное самостоятельно строить своё благополучие. «Трудись – и будешь иметь всё необходимое», – таков был жизненный девиз Солона.

Торговля, и это вполне естественно, давала ему хорошую прибыль. Собственно не только ему, но и другим купцам. Кто же, в противном случае, в убыток себе стал бы торговать? Во все века торговцы получали немалые доходы, порой, не гнушаясь способами их получения. Вкусив однажды прибыльного пирога, многие не желали с ним расставаться, а потому правдами и неправдами сколачивали огромные состояния.

В Солоново время, как правило, торговлей занимались люди из средних и низших слоев. «Благородные» не стремились обременять себя этим презренным делом. Афинский эвпатрид хорошо понимал, что торговля и благородство вещи малосовместимые. Не случайно знать презирала купцов, считая, что торговля – дело недостойное, грязное, выходящее за грани традиционного этоса, а сами купцы выскочки и проходимцы. Собственно так относились к купцам не только на земле Эллады, но, пожалуй, везде. Что и говорить не любили торговцев во всех странах и во все времена. В сущности их было, за что не любить. То подсунут тебе негодный товар или подменят его, то запросят слишком высокую цену, то обманут, обвесят, обмеряют или обсчитают, то дадут сдачи фальшивой монетой.

Солон, только начав заниматься торговлей, стремился изменить представления о купце и торговом деле. Он выработал к себе требования, которым стремился постоянно следовать, а именно: торговать не чем попало, а определённым видом товаров, пользующихся спросом и имеющим значение в жизни человека. Так, из Аттики он вывозил оливковое масло и маслины, которых здесь было в избытке, а ввозил зерно, ткани, пряности, в которых остро нуждались афиняне. Торговля по его представлениям не должна была приносить ущерб отечеству, а как раз, наоборот – способствовать его процветанию, удовлетворению нужд соотечественников. Солон исключал обман как залог успешного ведения дела. Он никогда не обманывал партнёров по торговле, за что был уважаем и ожидаем всюду, где его знали. Афинянин был желанным торговым гостем не только во многих государствах Эллады, но и в остальном мире. Не раз купец-поэт любил повторять:

Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю
Этим богатством: поздней час для расплаты придёт.

Так писал он в одной из своих элегий.

Увлечшись торговлей, Солон понял, какое это выгодное, а главное интересное дело. Торговля не только давала прибыль, но и открыла для аристократа такие горизонты, о которых можно было только мечтать. К своим сорока годам афинянин побывал практически во всех городах ойкумены, видел всё лучшее, что было создано человеческим гением. Он с неподдельным интересом изучал разноликие формы государственного устройства, как действовавшие, так и канувшие в лету; вчитывался в содержание законов, постигал способы ведения хозяйства и организации жизнедеятельности. Ему были интересны военное дело, различные религии, моральные устои, обычаи, обряды, тонкости ремёсел, строительство и архитектурное искусство. Его интересовало то, как египтяне изготавливают ткани, занимаются птицеводством и ремеслом; как финикийцы строят корабли, а вавилоняне жилища; в каких богов веруют евреи, в чём сила законов Ликурга и Залевка. Но самой большой удачей для себя купец считал знакомство с умнейшими и талантливейшими людьми своего времени. Солон всегда был рад встречам с Фалесом из Милета, Питтаком из Митилены, Периандром из Коринфа, Клеобулом из Линда, Хилоном из Спарты. Радостными были общения с известными поэтами – Алкманом, Тиртеем, Сапфо. Афинянин не гнушался встреч и со жрецами и с тиранами, и с царями, которых в душе недолюбливал. Из каждой встречи, из каждой беседы он извлекал полезное для себя знание. И если его очередное торговое путешествие вдруг, в силу каких-то обстоятельств обошлось без таких встреч, он считал его для себя неудачным, потеряннным. Солон, то ли шутя, то ли всерьёз, говорил самому себе: «Я только делаю вид, что продаю, на самом же деле я больше приобретаю». Что бы там не говорили, но Солон, стал тем Солоном, которого знали в древности и знают в наше время во многом благодаря купеческому делу, активным торговым поездкам.

Состояние, которое он наживал, не развращало, а делало его мудрее, сдержаннее, богаче духовно. Он знал его истинную цену, ибо оно давалось нелегко. Никто из афинян не мог упрекнуть сына Эксекестида в том, что тот, став очень богатым, вёл вызывающе изобильный образ жизни, что он над кем-либо насмеялся, злорадствовал, оскорблял, отказывал в займе, или заносчиво выставлял напоказ своё богатство. Имея большие средства, купец даже не решался построить себе роскошный дом, а продолжал жить в том, который соорудил ещё отец. И в доме, и во дворе не было никаких излишеств, а только самое необходимое.

Единственный сын Солона – Микон, в отличие от детей многих знатных граждан, также вёл скромный образ жизни, уделяя большую часть времени образованию, телесной закалке, занятию домашними делами, и насколько это возможно, помогал отцу. Торговец безмерно любил своего сына и, даже находясь в длительной разлуке, старался от других собратьев по ремеслу получить хоть какие-то вести о нём.

С заботой и нежностью он относился и к своей жене Элии, с которой в любви и мире прожил уже двадцать лет. Можно сказать, что в семейной жизни Солон был вполне счастливым человеком. Но большую часть времени он проводил вне семьи. Постоянные разлуки с женой и сыном делали их встречи радостными и нежными, обостряли чувство семейной любви и привязанности. Не раз жена и сын уговаривали его оставить торговлю – это опасное ремесло, и посвятить себя семье, дому, Афинам. Тем не менее, муж и отец возражал против такой постановки вопроса. Потому что его жизнь, его счастье не замыкались только на семье и родном очаге. Они были также там – в неизведанных городах и странах, во встречах с интересными людьми, в беседах, спорах, приключениях, в жажде познания. Все это поняли и смиренно, хотя и с тревогой относились к очередному отъезду купца.

Саламинские события никак не повлияли на интересы и привязанности Солона. Многие афиняне, особенно друзья, надеялись основательно вовлечь его в водоворот государственных дел. Однако Солон не испытывал в этом большой потребности, по крайней мере пока, несмотря на то, что желание помочь родному полису несомненно имелось. Впрочем, он и так оказал Афинам большую услугу, возвратив Саламин, укрепив уверенность афинян в прочности собственных сил. Теперь же известный купец снова собрался в путь, причём надолго. Он предполагал побывать на многих островах, населённых эллинами, сделать основательную остановку в Египте, затем направиться в города малоазийского побережья, прежде всего в Милет, где проживало много образованнейших, мудрствующих людей.

Итак, загрузив корабль товаром, сделав основательно все необходимые приготовления, Солон вышел в море и взял курс на остров Крит. По пути предстояло немало кратковременных остановок, чтобы пополнить запасы пищи и воды.

Первая остановка, по традиции была сделана на острове Кифнос, принадлежащем к гряде Кикладских островов. Здесь афинянин проведаль своих старых знакомых – собратьев по купеческому делу. Его на сей раз принимали как никогда ранее, даже можно сказать торжественно. Жители острова были ионийцами – соплеменниками афинянина, и они очень гордились победой Солона над дорийцами-мегарянами. Все попытки недавнего главнокомандующего перевести разговоры на торговые и житейские темы успеха не имели. Кифносцы требовали от него подробнейших рассказов о деталях саламинской кампании. Тот, не скрывая своего удовлетворения, в подробностях излагал всё о происшедшем. Разумеется, такое событие стало поводом для праздника, длившегося три дня.

«Если и в других местах меня будут принимать таким же образом, – размышлял он, – то в Афины я вернусь не раньше чем через три года».

Наутро четвёртого дня стали собираться в дальнейший путь. Старший из корабельной команды Харет доложил Солону, что один с виду неказистый, невзрачный человек, просит взять его попутчиком до Крита.

– Коль просит, значит возьмём, – спокойно ответил хозяин корабля, – Не впервые делаем это, и надеюсь не в последний раз. Авось и какую-то пользу извлечем из него.

Тепло распрощавшись с провожавшими его кифносцами и отдав последние распоряжения экипажу, Солон взошёл на борт и занял своё привычное место на середине корабля. Команда дружно взмахнула веслами, и судно взяло курс на юг. Купец был в прекрасном расположении духа. Встреча со старыми приятелями доставила ему много радости и еще раз напомнила древнюю истину: «Везде имей знакомых и друзей».

Спустя некоторое время, пред ним предстал действительно невзрачный человечек, как соизволил выразиться Харет. Можно даже сказать, что в оценке внешности этого человека Харет был излишне мягок, ибо перед владельцем корабля стоял редкостный урод – извращённое подобие человека, сатир без маски, которому не доставало лишь хвоста; живая обезьяна в человеческом облике, пародия людского облика.

– Такие человечки бывают разве только на изображениях древнейших амфор, – подумал афинский купец, сострадательно посмотрев на «несчастливого». Однако тот себя подобным видимо не считал, скорее даже наоборот. Взгляд у него был таким уверенным, властным, словно именно он был хозяином корабля, а Солон лишь попутчиком. Долго не раздумывая, незнакомец бойко, с напором сказал:

– Ты купец, поэт и стратег Солон – владелец корабля, а я, – тут он сделал небольшую паузу, осмотрел себя, потом резко выпалил, – Эзоп! Оба мы плывём на Крит, ты – по делам торговым, а я – по своим собственным делам. Разница только в том, что ты на своём корабле, а я на твоём. Но корабль у тебя большой, места всем хватит.

«Ого! Мало того что он уродлив, так он к тому же страшно нагл, многоречив и болтлив, – в мыслях про себя изумился, глядя на него Солон. – С таким не соскучишься – в пути доко-

нает. А речь его, сплошная парафазия, толком понять невозможно. Интересно, что же будет дальше?» – размышлял афинянин и продолжал смотреть «сквозь» Эзопа.

Тот в свою очередь ждал ответа купца, но, не дождавшись, потеряв терпение, снова просто душно выпалил:

– Так, я – Эзоп, может быть слышал?

– Вижу, что не Гомер и вовсе не Геракл, – всмотревшись в его лицо с наигранной жалостью молвил, наконец, Солон. – Слышать-то, слышал, но видеть, к счастью, – не доводилось. Впрочем, слышал я, вероятно, о другом Эзопе. Мало ли вас эзопов бродит по свету.

– Нет-нет! – упрекающе перебил его распалившийся уродливый коротышка, – я, тот самый Эзоп. Эзоп есть только один. Это у вас, ионийцев, десятки Солонов, сотни Мегаклов, тысячи Фрасибулов. А двух эзопов, быть не может и не должно. Я, Эзоп – только в единственном числе.

– Может оно и лучше, что ты в единственном числе. А то представлю себе, как по Элладе бродят тысячи таких Эзопов, так дрожь схватывает всё тело и голова идёт кругом. Но, впрочем, ты ведь не эллин, хотя сносно говоришь на ионийском наречии?

– Трудно сказать, кто я, сам того не знаю. Да и никто кроме богов, об этом не ведаёт. Что до наречий, то не только ионийским наречием владею, но и дорийским, эолийским, ахейским. А ещё я знаю языки египтян, вавилонян, фригийцев, лидийцев, карийцев, фракийцев. Но больше всего люблю языки птиц, лягушек, ослов, львов, кошек, собак, рыб, жуков, бабочек. Я ведь с ними тоже часто беседую.

– Если тебе верить, то ты смекалистый, всеведающий и всезнающий! Можно сказать очень состоятельный человек, – иронично подметил Солон.

– О, да! В этом смысле я богат, может быть самый богатый человек, из всех известных мне – радостно возвестил Эзоп.

– А в ином смысле? – прищурился, неожиданно спросил Солон.

– Это в каком же? – подпрыгнул Эзоп.

– Ну, в смысле личного состояния, имущества? Где твой дом, земля, рабы? Даже твоей хламиде, как я вижу, не один десяток лет.

– Нет у меня никакого имущества. Всё моё имущество на мне и во мне. Всё моё состояние вот здесь! – и Эзоп постучал кулаком по своей лысой голове, – да и зачем оно мне, чтобы его украли? Вот ты говоришь, что моей хламиде десяток лет. Однако ты ошибаешься, афинянин, моей хламиде было всего три месяца, но её украли не далее как неделю назад, чтоб им пусто было! А вот эта, которая на мне, так ей может и все пятнадцать лет. Её кто-то потерял, а я нашёл. Но найти и украсть, это ведь согласись, – разные вещи.

– Я не удивлюсь, если и тебя самого тоже украдут, – рассмеялся Солон. – И поделом было бы тебе.

– Да кому я нужен? – возмущённо словословил Эзоп. – От меня как раз наоборот все избавляются. Был я рабом у нескольких господ. Так они меня задарма отдавали друг другу, лишь бы избавиться от такого имущества. Был я даже рабом у бывшего раба, так это ничтожество отказалось от меня, отпустив на волю. Но и на воле я, мало кому, нужен. Все бегут от Эзопа как от дурного знаменья или от проказы. Многие и в дом меня не пускают и на корабль не хотят брать, словно я человеческая хула, устрашающая рожа, или ударился головой о камень. Вот и на Кифносе месяц пришлось торчать по этой причине. А мне страсть как на Крит надо.

– Ты что же там, на Крите, потерял, или хочешь пообщаться с Минотавром, язык которого знаешь? Но надеюсь тебе известно, что наш Тесей давным-давно убил этого человеко-быка. Остался только лабиринт. Смотри, Эзоп, если войдёшь в него, то обратно не выберешься. И не поможет тебе даже твоё изощрённое злоязычие. На Ариадну тебе надеяться, как догадываешься, не приходится.

На удивление Солон Эзоп на сей раз смолчал.

– Оказывается, ты и молчать умеешь, – поддел его афинянин, – это просто удивительно, когда ты безмолствуешь.

Но Эзоп и теперь помалкивал и смотрел мимо Солона куда-то вдаль – в сторону Крита. Видимо, что-то тревожило его или он поддался давним воспоминаниям. Чтобы поддержать острую беседу Солон спросил его:

– И всё же, Эзоп, к чему твои странствия, кто не даёт тебе покоя, что ты неможешь слоняться по свету? Мне – так мой корабль и оливковое масло. А тебе?

– Не хитри, Солон. Не в оливе и не в корабле дело. Это всего лишь прикрытие и ты лучше меня знаешь об этом. Пльвём же мы, можно сказать, с тобою, по одной и той же причине. И конечно не в поисках серебра и злата, а в жажде неизведанного, в поисках опыта, мудрости и знаний. Впрочем, и то, и другое – богатство, с той лишь разницей, что первое можно в любое время потерять, как я потерял новую хламиду, а второе – всегда остаётся при мне, как моя лысая голова. Жаль только, что первым интересуются все люди, а вторым – немногие.

Эзоп на мгновение остановился, для важности кашлянул и тревожным голосом продолжил извергать свой словесный поток.

– Тут Солон, я как раз подхожу к самому уязвимому для себя обстоятельству. Скажу по секрету, я уже полгода не могу добраться до Крита. Никто меня не берёт на корабль. А если и брали, то сразу же высаживали, даже тогда, когда я был в новой хламиде. А не брали потому, что платить мне было нечем. Впрочем, и ты от меня прибыли не получишь, ибо мой мешок пуст, точнее его у меня и вовсе нету – тоже украли. А другого мешка – я не нашёл. А если бы и нашел, то только пустым и дырявым. Да и зачем он собственно мне, носить в нём нечего. Всё, что у меня есть, я ношу в собственной голове.

– Относительно собственности, ты не прав, Эзоп. Так мне кажется. Представь себе, имел бы ты корабль и свободно бороздил себе моря в поисках мудрости и приключений. И не упрасивал бы ты никого, и никто тебя не высаживал бы на пристани. Захотел – поплыл на Крит, надумал – в Египет, передумал – в Коринф, пожелал – месяц плаваешь вокруг Сифноса, разыскивая знания и опыт. Вот ведь, как хорошо было бы!

– Хорошо, да не очень, любезный Солон. Моя цель бороздить не моря, а человеческие души. Корабль – это только средство, но ведь есть множество иных средств. Ты, к примеру, боишься потерять свой корабль, как и другое имущество, а я ничего не боюсь, тяготы меня сторонятся. Ты полагаешь, что более свободен и независим, нежели я, но это тоже заблуждение, ибо нет человека свободнее и независимее меня. Я сплю спокойно, не боюсь ничего и никого, ем с наслаждением, даже один хлеб, радуюсь чаще, чем огорчаюсь, никто мне не завидует и, самое главное, я не завидую никому. У меня нет врагов, и никто не рассматривает Эзоп как своего неприятеля. Сегодня я здесь, а завтра там, подобно птице я здесь и везде. В этом величайшая прелесть, невиданное для других наслаждение, подлинная свобода.

Солон хотел было возразить Эзопу по поводу свободы, сказать ему, что в этом вопросе не всё так упрощённо, что действительно существует мир эзоповой, случайной, ветреной и мир солоновой, закономерной, солнечной свободы. И что это принципиально разные вещи, качественно иные проявления и измерения свободы и взглядов на неё, хотя, по большому счёту, в конечном итоге, они весьма схожи. Но, после небольших колебаний, не стал подобного делать, поскольку Эзоп есть Эзоп, а Солон соответственно Солон. И этим всё сказано, и не помогут здесь никакие убеждения. Да и к тому же, не сказать того, что иногда хотелось бы выразить, это ведь тоже великая свобода, может быть даже большая, нежели сказать, ибо, когда ты говоришь, то часто теряешь контроль над собой, а когда молчишь, то управляешь собой, следовательно, ты более свободен. Эзоп же, никак не угадывая солоновы мысли, между тем, без устали продолжал:

– К тому же невелика беда, что многие не берут меня на корабль или высаживают с него. Оставаясь подолгу на берегу, я провожу время с большой пользой для себя и для других.

Однако находятся и добрые люди, такие, которые сочувствуют мне и даже относятся с пониманием. Они не только бескорыстны, но и доброжелательны ко мне, иные даже кормят и поят, а я не стыжусь их попросить об этом. Стыдно украсть, а просить – дело благородное. Так что, дорогой Солон, придётся тебе не только везти меня, но и кормить, и поить. Но ты не огорчайся, я не привередлив, ем мало, а то и подобно верблюду по несколько дней могу обходиться без пищи. А воды, я уверен – ты не пожалеешь. Или я ошибаюсь?

Солон немедля приказал одному из членов экипажа накормить непрошенного корабельного гостя. Эзоп жадно набросился на пищу, а хозяин корабля внимательно за ним наблюдал. Увидев, что за ним следят, Эзоп, не прекращая есть, скороговоркой промямлил:

– Не обращай на меня внимания, купец. У меня что-то вроде булимии – волчьего голода. Так есть хочется, что аж сосёт под ложечкой. Удивляюсь, как до сих пор не впал в обморок.

Вволю наевшись, Эзоп вновь скороговоркой произнёс что-то многословное, вроде того, будешь ли ты меня кормить и поить в последующие дни. После этого многословия он замолчал и с опаской посмотрел на хозяина корабля. Но тот не спешил с ответом, больно уж Эзоп озадачил его.

– Если ты хочешь, Солон, я буду помогать кормчему и гребцам, дабы даром хлеб не есть.

И «свободный человек» тут же бросился было на корму заниматься делом, но Солон остановил говоруна.

– Боюсь, Эзоп, если ты не справился со своим пустым мешком, то с кораблём и подавно. Опасаюсь, что мы не только до Крита, но и до Серефоса – ближайшего острова, не доплывём, если ты поведёшь судно. Разве ты раньше управлял кораблями, имеешь в этом необходимый опыт?

– Пока не доводилось, но попробовать можно, невелика премудрость! – залихватски бросил Эзоп. – Не будь я Эзопом, если не смогу с ним справиться!

– Недавно, любезный попутчик, я слышал в Дельфах одну басню, кажется, Полигнот её сочинил. Послушай: «Кошка однажды прослышала, что на птичьем дворе разболелись куры. Она оделась лекарем, взяла лекарские инструменты, явилась туда и, стоя у дверей, спросила кур, как они себя чувствуют? «Отлично! – сказали куры, – но только когда тебя нет поблизости»».

– Так это же моя басня, Солон, – возопил Эзоп. – Вечно эти дельфийцы хотят присвоить себе то, что им не принадлежит. Хвала богам, что её приписали Полигноту, а не Аполлону. А то потом и вовсе никто бы не поверил, что она моя.

– Я ведь, Эзоп, также сомневаюсь в твоём авторстве. Поскольку сочинитель не только должен других поучать, но и сам обязан следовать сочинённому им для других.

– Это ты о чём? – возмутился Эзоп.

– А это я о корме и весле, уважаемый собеседник. Ты на примере животных поучаешь людей, а сам уподобляешься кошкам и ослам.

Эзоп от неожиданности даже приоткрыл рот.

– Так вот, дорогой попутчик, поскольку платить тебе нечем, а кормчим и гребцам ты тоже не вровень... – Солон сделал умышленную паузу и с наигранной суровостью посмотрел на Эзопа, у которого от волнения покраснела лысина и сильно помрачнело лицо. Тому почудилось, что Солон решил на ближайшей же пристали высадить его.

– Итак, – ухмыляясь, продолжил купец, – без платы возить тебя я, разумеется, не намерен...

Эзоп ещё больше заволновался, ощетинился. Хотел было что-то смятенно возразить, но Солон быстро добавил:

– Работу я тебе, Эзоп, дам куда более сложную работу, чем та, о которой просишь.

– И какую же такую работу? – несколько облегчённо вздохнул сочинитель басен. – Знай, купец, нет такой работы, которой я, Эзоп, боюсь.

– Будешь мне и всему экипажу в течение предстоящего пути рассказывать басни, станешь ободрять нас.

– О! – воспрянув духом, обрадовался Эзоп. – Я бы, Солон, и так с удовольствием рассказывал.

– Но это, Эзоп, совсем другое. Я ставлю условие, чтобы ежедневно ты рассказывал нам не менее пяти басен. Кроме прочего, если кто-то из экипажа пожелает ночью послушать басню, ты обязан выполнить его просьбу. Но самое главное, Эзоп, ты не должен повторяться. Знай, как только твои басни иссякнут – тебя высадят на берег.

По всему чувствовалось Эзопу условия явно обрадовали. Солон тут же, своими последующими словами, ещё больше улучшил настроение сочинителю басен.

– Одну басню, считай, ты уже сегодня рассказал.

– Но я ещё ничего не рассказывал, – запротестовал, было тот.

– Вот ту басню о кошке и курах, которую я тебе изложил.

– Так ты признаёшь её моей, Солон? – радостно вскрикнул Эзоп.

– Если бы мне сказали, что её сочинил сам Зевс, я бы не поверил, – с наслаждением произнёс Солон. – Таковую басню мог сочинить только ты, дорогой собеседник.

– Ну, тогда слушай вторую, – не мешкая, выпалил воодушевленный сочинитель басен. – «Была у неразумных животных сходка, и обезьяна пустилась перед ними плясать. Пляска всем очень понравилась, и обезьяну хвалили. Верблюду стало завидно, и он тоже захотел отличиться, встал и пустился в пляс. Но был он такой неуклюжий, что животные только рассердились, побили его палками и выгнали прочь». Эта басня, Солон тоже ко мне относится, – весело произнёс Эзоп.

Кто-то из экипажа не удержался и спросил:

– Так ты кто, Эзоп, – обезьяна или верблюд?

И все дружно захохотали. Смехался от души и сам Эзоп, а затем, шутя, ответил:

– С виду я, конечно, обезьяна, а изнутри – верблюд.

– А может и наоборот, – рассмеялся Солон. – Но ты не бойся, Эзоп, палками мы тебя не побьем.

Эзопу словно прорвало или осенило одержимое вдохновение. Не успев закончить одну басню, без промедления начинал другую. Казалось, говорить он мог без конца и без усталости. Солон его даже останавливал, дескать, подожди – дай волю насмеяться. Надо осмыслить сказанное, насладиться им. Потом как-то вполне серьёзно купец сказал сочинителю басен:

– Эх, Эзоп, не скрою – хороши твои басни. Их бы записать, да на примере басен учить достойной жизни молодых людей, и не только молодых.

– Я не только писать, но и читать не умею, – возразил Эзоп. – Ну да, кому хочется, пускай себе, записывает, противиться не стану. Неплохо, чтобы люди знали, что я – сочинитель басен, а не пустобрёх.

На следующий день, шутки ради, Эзопу дали попробовать грести и управлять кораблём. Но если в первом случае ни вреда, ни пользы он не принёс, то кормчий из него явно не получился. Эзоп чуть было не напоролся на скалу, лихорадочно воскликнув при этом:

– Ба! Откуда мне знать, что в море полно скал, им же место на суше!

Солон по этому поводу так порицающе сказал:

– Нашли над чем шутить. Видимо решили пасть жертвой легковесных поступков сочинителя басен. Давать Эзопу управлять кораблём, всё равно, что совать голову в пасть крокодилу, в надежде узнать, что он будет делать.

Так, в приятной компании беспечного попутчика незаметно пролетело время путешествия. Когда прибыли на Крит, на прощание владелец корабля дружелюбно сказал :

– Конечно, Эзоп, как кормчий и гребец ты никуда не годишься. Но как сочинителю басен тебе нет равных ни среди эллинов, ни среди варваров. Я с большим удовольствием провёл эти дни, слушая басни и беседуя с тобой. Благодарю тебя!

– Это тебе, Солон, спасибо. Во-первых, за то, что доставил меня на Крит. А во-вторых, за то, что способствовал сочинительству басен. Ведь больше половины из рассказанного мною вам – я сочинил прямо на корабле. В иных условиях на это ушли бы годы. А здесь не только душа, но и нужда заставила.

Я ведь, Эзоп, пошутил, – улыбнулся Солон. – Никто не стал бы тебя высаживать с корабля. Просто хотелось помочь тебе сочинить больше хороших басен. Да и скажу честно, приятно было их слушать.

– Я, между прочим, это знал, Солон. Ибо, в противном случае, какой из тебя поэт и мудрец был бы.

На прощание от души посмеялись. Солон крикнул уже уходившему Эзопу:

– Коли что, то на меня и мой корабль можешь рассчитывать!

– А ты – на мои басни! – откликнулся Эзоп. – Впрочем, легче грести на другом корабле, нежели на Солоновом рассказывать басни.

Глядя вслед уходившему Эзопу, Солон подумал:

– Как обманчива внешность. В этом безмятежном, безобразном с виду, убогом человеке обитает могучий дух и изошрённый, проворный разум. И хотя у него нет собственного дома – он нигде не ощущает чужбины, но всюду чувствует себя хозяином. Весь мир станет его домом.

На Крите Солон ожидали печальные вести. Его давнишний приятель – купец Агис погиб вместе с кораблем и экипажем где-то недалеко от берегов Сицилии, во время разыгравшегося шторма. Как мог Солон утешал вдову и трёх сыновей Агиса, предлагал им всяческую помощь, но те отказались, утверждая, что никакая помощь не может заменить утрату столь дорогого им человека.

– Оно и правда, – поддержал их Солон, – даже двести талантов серебром и золотом не стоят жизни достойного человека. Высшая ценность – это сам человек. Всё остальное лишь дополнение к нему.

На Крите долго не задержались, поскольку ни пиршеств, ни торжеств, здесь не было, во всяком случае, Солон не желал этого. Основательно пополнив запасы пищи и воды, корабль афинянина направился в Египет. Предстоял длительный и нелегкий путь без остановок и без Эзопа.

– Да, Эзопа сейчас явно не хватает для поднятия духа, – сожалел Солон. – Впрочем, может оно и к лучшему. Неплохо, после грустных известий побыть наедине с собой, предаться воспоминаниям, размышлениям.

Солон тут же вспомнил, как пятнадцать лет назад, в этом самом месте, где он находился сейчас, на корабль напали пираты. И ещё неизвестно, остался бы он жив, если бы не помощь критянина Агиса. Общими усилиями одолели преступных негодяев. И с тех пор между ними завязалась настоящая дружба. Критянин был человеком большой отваги и чести. Афинянин многое из торговых и морских секретов позаимствовал у него. Не раз вместе, подвергаясь опасностям, бороздили моря, помогая и выручая друг друга. Когда лет восемь назад финикийские пираты сожгли корабль критского купца, афинянин помог ему построить новый. В свою очередь, тот ещё раз выручил Солон, на сей раз от нападков египетских пиратов. Становится очевидным, что нелегко давалась Солону, да и другим купцам, прибыль. Приходилось постоянно сталкиваться с опасной неизвестностью, рисковать здоровьем, а то и жизнью. А многие завидуют купцам. Чему завидовать? Вот и судьба Агиса тому свидетельство. Был человек и нет его. Остались одни воспоминания, благо, что приятные. Жаль, смерть сотоварища – большая потеря. Солону чудилось, что он потерял частицу самого себя. Он никогда не спешил приобретать новых друзей, а приобретённых (за редчайшим исключением) никогда не отвергал.

Вот с такими грустными мыслями афинский купец плыл на своём корабле по Внутреннему морю к берегам древнейшей загадочной страны. Дни сменялись ночами, а ночи днями. Радость и веселье первой части пути сменилась горечью и грустью второй. Ну что ж, такова жизнь. Радость и горечь соседствуют друг с другом, жизнь и смерть – ближайшие соседи, и от этого никуда не уйдёшь, не уплывёшь и не убежишь; с этим приходится мириться. Слишком хрупкое существо человек, чтобы противиться воле богов, воле Судьбы. Да что там человек, сами боги подвержены Судьбе. Даже нить их жизни прядут, тянут и обрывают Мойры – Клото, Лахесис и Антропос. Боги также подвержены страданиям, мучениям и несчастной участи. А человек тем более беззащитен и зависим. Его участь покрыта тайной. Остаётся только надеяться, что Судьба благосклонна к Солону, к его трудам и делам.

В суете житейских забот человеку бывает некогда поразмышлять над своими делами и поступками. Потом, вдруг, опомнился, оглянулся, а жизнь прошла и ничего уже не изменишь. А как бы хотелось. Впрочем, Солон, в отличие от большинства, часто размышлял над прошлым и настоящим, благо морские путешествия способствовали этому. О будущем он думал меньше, почти не строил длительных планов. Солон жил настоящим, хотя, конечно, настоящее есть мимолетное промежуточное звено в цепи прошлого и будущего.

– Ах ты, бесконечная цепь времени, – с грустью размышлял афинянин, – как ты тяжела и неустойчива, как ты больно сжимаешь человеческое горло. Порою ты кажешься золотой цепочкой, украшающей шею, но чаще всего рабской цепью, сковывающей человеческое тело. Разорвать тебя и сбросить в вечность не удаётся никому, и тяжким бременем ты лежишь на теле и душе. И не многим, очень немногим удаётся облегчить это бремя и хотя бы ненадолго возвыситься над пространством и временем, воспарить над бренностью, предаться великому и прекрасному делу. А что, в сущности, есть великое и прекрасное? Сама жизнь? Этот необъятный мир? Возможно. Но прекрасны ли они? – вот в чём вопрос. И убедительного ответа на него пока не дал никто. И даст ли?

Нет, Солон видел прекрасное и возвышенное во всём – в природе, в человеке. Но как часто это прекрасное, возвышенное становилось низменным и уродливым, буквально на глазах меняя свой облик, свою суть на противоположную.

– А может быть любовь составляет суть прекрасного и великого? Может быть, может быть, – отвечал афинянин самому себе. – Но где она, эта любовь, в чём она собственно проявляется? В почитании отечества, в страсти к женщине, в нежной привязанности к детям и родителям, в преданных чувствах к друзьям? Не исключено, не исключено, – снова давал он себе ответ. – Но как часто жизнь опровергает это. Любовь к отечеству поворачивается тем, что оно отвергает или изгоняет тебя. Любовь к женщине часто сменяется на гнев и ненависть. Любовь к родителям и детям – на безрассудные действия по отношению к ним. Дружба, даже великая, порой превращается во вражду, а то и в предательство. Как всё непонятно и неустойчиво в этом мире, как сложен, скрытен и непостижим человек. В нём загадка всего сущего, от него исходят все радости и беды. Тому, кому удастся разгадать тайну человека, суть и смысл его жизни, тому будут подвластны многие другие тайны. А теперь только по явному можно догадываться о неведомом. Как мало мы знаем...

Так, примерно, размышлял обо всём этом Солон. Размышляя, погрузился в сон. И вновь ему явилась Елена – дочь Лисия. Она будто бы в одиночку быстро плыла на лодке мимо корабля Солона. Завидев её, купец радостно помахал рукой, а она, сойдя с лодки, и став на гребень волны в ответ прокричала ему всего лишь несколько слов:

– Солон, не задерживайся на чужбине слишком долго. В Афинах тебя ждут великие дела и непроложенные пути!

Сон был мимолётным. Скорее всего, афинянин в раздумьях задремал. Открыв глаза, он обнаружил, что никакой Елены нет и в помине, что за бортом корабля на много стадиев вокруг

виднеется вода и только вода. В этот час с купцом всего лишь соседствовало тихо плескающееся, и журчащее море.

«С чего бы это Елена снова явилась во сне? – спросил себя купец. – Возможно она мой гений, мой счастливый вестник, или я влюбился в неё? А может она влюбилась в меня? Да нет же! Елена годиться мне в дочери, она мой близкий друг, можно сказать – родной человек. А что касается влюблённости, то она действительно имеет место. Я боготворю её как все прекрасные творенья. Люблю её так, как люблю море, люблю как красивый цветущий сад, зеленеющей лес, колосющиеся поля, как люблю голубое небо, чистый воздух, солнце, луну, звёзды. Но то особый род любви, выходящий за пределы межчеловеческих отношений. В нём есть особый смысл. Все эти сны, с участием дочери Лисия, тоже ведь ещё одна загадка», – продолжал удивляться Солон. Долго и много размышлял афинский купец. Порой разговаривал с Харетом о вещах незаметных, малозначащих, затем любовался морем, небом, потом снова спал, снова размышлял, иногда, ради удовольствия, помогал экипажу грести. Наконец впереди замаячили очертания египетских берегов. Сразу же у всех улучшилось настроение. Путь от Крита к Египту преодолели без лишних тягот и тревог. Ни погода, ни пираты на сей раз не беспокоили афинян, что было хорошей приметой. Помимо торговых дел у Солона имелись намерения и чисто духовного содержания. Год тому назад два жреца, один из Саиса, другой из Фив, побывали в Афинах. Солон не только имел с ними возвышенные беседы, но и принимал их как почётных гостей у себя дома. Те искренне благодарили афинянина за гостеприимство и пригласили посетить их знаменитые храмы. При этом был дан намёк, что Солон может узнать о том, о чём неизвестно ни одному данайцу – так называли эллинов египтяне. Вначале Солон не придавал этим словам существенного значения, но впоследствии его не раз доносило любопытство. О чём же это таком сокровенном, собирались поведать ему жрецы храмов Нейт и Амона?

За многие путешествия в Египет Солон выработал для себя наиболее приемлемые маршруты. Первым делом он останавливался в Навкратисе – этой эллинской ионической колонии, основанной милетянами в дельте Нила. Навкратьяне имели большое влияние в Египте. Многие из них служили наёмниками в войске фараона, являлись советниками и деловыми наставниками в государственных делах. Купцы Навкратиса держали в своих руках едва ли не все торговые нити Египта. Они перекупали товары приезжих торговцев, снабжали их египетскими товарами, обеспечивали им безопасность продвижения в самые отдалённые уголки этой загадочной страны. Здесь у Солона имелось много друзей, приятелей, деловых партнёров, просто хороших знакомых, с которыми он, прибывая сюда, непременно встречался. Затем афинский купец, по установившейся традиции, в сопровождении навкратьян, отправлялся в Саис – молодую столицу Египта, где, во всю, кипела бурная жизнь, а, уж потом, по Нилу, добирался до Гелиополя, Мемфиса, Ахетатона, Фив и других городов, которые интересовали его. Но, на сей раз, Солон надумал изменить маршрут. Решено было в Навкратис не заходить, поскольку существовала опасность задержаться здесь надолго. Навкратьяне знали о саламинском успехе афинян, и, разумеется, длительных торжеств и празднеств по этому случаю избежать было невозможно. Поэтому корабль Солона первым делом причалил к пристани Гелиополя, пополнился свежими припасами и, не задерживаясь ни на день, взял курс на Фиваиду, расположенную в верховьях Нила.

~2~

Фивы встретили Солона спокойно, даже равнодушно. Эллины здесь были не очень частыми гостями, в этих местах в основном усердствовали финикийские и сирийские торговцы. Разумеется, и в Фивах у Солона были знакомые, но встречами с ними он надумал себя пока не обременять.

Решив большую часть торговых дел, а остальные препоручив Харету, Солон отправился в сопровождении четырёх дюжих афинян к старому храму Амона в Карнаке, на поиски жреца Менхофра.

Фивы были одним из самых древних городов мира, и следует заметить, многоликих городов. Находясь здесь, Солон всегда испытывал какой-то благоговейный внутренний трепет. Старинная столица Египта была для него чем-то вроде глубокого колодца, в недрах которого скрывались родники древнейших знаний, а также секреты жизни людей и жизни звёзд. Подобные секреты держались под семью замками, и доступ к ним имели только избранные жрецы. Тайком и шёпотом люди поговаривали, что жрецы храмов знают о таком, что недоступно даже фараонам.

Солон не спеша шёл по фиванским улицам, и ему казалось, что из многих каменных зданий сквозь толщу тысячелетий на него взирают те, кто здесь когда-то жил, трудился, правил, бездельничал, радовался, страдал и умирал. Гигантский храмовый комплекс, к которому направился афинянин, располагался в верхней части города, у подножия гор. Храм ежедневно посещали тысячи людей. Одни желали пообщаться с Богом, принести ему жертвоприношения и доверить свои помыслы, другие шли ради праздного любопытства, третьи – по традиции.

Во дворике для гостей Солону встретился молодой египтянин, а возможно, и сириец – судя по всему храмовый раб.

– Могу ли я видеть жреца по имени Менхофра? – обратился к нему афинский паломник.

Казалось, молодой раб с толикой тревоги и недоверия посмотрел на Солона, а затем в нерешительности стал говорить:

– Об этом, он, то есть я, должен слушать, то есть говорить, лучше всего спросить у него, как его – жреца Уртакиатта или.

Солон и его сопровождающие, вытаращив глаза, пытались понять, о чём собственно говорит храмовый раб. Он заикался, картавил, шепелявил, произносил совершенно невнятно какие-то чуждые слова. Трудно было понять, о ком и о чём он, собственно, пытается сказать пришельцам. Солон не выдержал и разъяснил своим соотечественникам:

– Не иначе как логопатия у этого раба. И как таковых только держат в храме? Впрочем, с подобным я сталкиваюсь не впервые. Видимо египетские боги испытывают наше терпение, а заодно и проверяют, насколько велик наш интерес к ним.

Затем он чётко и внятно сказал рабу-логопату:

– Доложи ему, что Солон-афинянин прибыл по приглашению Менхофра. Если он, конечно, ещё не раздумал меня принимать.

Раб мгновенно исчез за храмовыми колоннами, а через некоторое время к афинским визитёрам вышел молодой жрец, которого звали Уртакиатта. Он вежливо кивнул Солону и пригласил его в храмовое помещение. Солон вместе с сопровождавшими афинянами прошёл через несколько залов и остановился у огромной двери, сделанной из чёрного дерева и красиво расписанной диковинным орнаментом.

– Вы останетесь со мной, – обратился провожатый к спутникам Солона, – а ты, мудрец, входи, – сказал он вежливо афинянину и сам открыл массивную дверь.

Солон вошёл в полумрачную залу и увидел стоявшее прямо напротив двери большое кресло из слоновой кости, на котором словно царь восседал Менхофра. Лишь только Солон сделал три шага, Менхофра встал с кресла и шагнул навстречу афинскому купцу. На расстоянии двух шагов они остановились, приязненно посмотрели друг другу в глаза и Солон первым, на египетском языке, произнёс:

– Сердечно приветствую тебя, достойнейший жрец величественного храма Амона. Следуя твоему приглашению, я решил навестить тебя, а заодно и воздать должное вашему великому Богу.

Жрец вежливо кивнул головой, слегка улыбнулся, хотя улыбаться жрецам и не полагалось, а затем на ломанном ионийском наречии ответил:

– И я приветствую тебя, о первый среди данайцев, в храме великого Амона. Да ниспошлёт он тебе многих лет жизни во благо богам и людям.

Солон даже смутился от столь высокопарных и лестных слов жреца и чтобы как-то смягчить их, скромно возразил:

– Ты излишне льстишь мне, Менхофра. У нас эллинов говорят так только о людях, великая судьба которых подтверждена историей или начертана оракулом.

– Я сужу не только по начертанному, но и по облику, и взору твоему. Твоё первенство не в прошлом, а в настоящем и в будущем, – произнёс Менхофра, с глубоко спрятанной доброжелательной улыбкой на устах, улыбкой, какая может быть только у жреца. – Наш оракул, раньше вашего оракула возвестил о твоём предначертании.

Солон внимательно слушал жреца, но его словам большего значения не придавал, воспринимая их как дань гостеприимству и хорошему расположению духа служителя храма.

– Как бы там ни было благодарю тебя, слуга Амона, – ответил он. – Однако если судить по твоему взору и облику, то и ты возвысился, стал ближе к Амону, гораздо ближе. Наш оракул ничего об этом не говорит, но об этом говорят твои глаза, да и мои тоже.

– Ты прав, Солон, Бог приблизил меня к своему облику. Я стал жрецом-хранителем образа Амона. Это великая честь для любого священнослужителя. Она оказывается лишь избранным, с помощью оракула. Ну да об этом достаточно. Давай присядем, передохни немного. Путь к храму, судя по тебе, занял немало времени и сил.

И жрец указал на два кресла, ютившихся в углу зала. Солон действительно устал и от длительного перехода, и от сильной жары, и от гомона улиц древней столицы. Он не прочь был даже возлечь, лишь бы усталость покинула его, но, насколько ему было известно, в храмах возлечь запрещалось. Вместе с Менхофра он подошёл к креслам и ждал пока сядет жрец. Но тот, не по законам храма, а по законам гостеприимства и дружбы предложил гостю сесть первым. Солон было так и сделал, однако жрец предпринял какое-то неуловимое движение и опустился в кресло в то же самое мгновение, что и афинянин. Жрец первым продолжил разговор:

– Что нового в Афинах после твоего саламинского успеха, довольны ли твои сограждане, счастлив ли ты? – подняв кверху брови, спросил он.

Казалось, на его лице мелькнула тень сочувствия и жалости к Солону. От внимания последнего такая перемена не ускользнула и он, немного призадумавшись, ответил:

– Ты, Менхофра, вижу, хорошо осведомлён о нашей жизни. Толстые стены храма не оградили тебя от мира суеты и бранных треволнений. Впрочем, наивно было бы полагать такое. Хотя храм посвящен Богу, но создан он людьми и для людей. Следовательно, обо всём творящемся в человеческой среде, в храме должно быть известно.

– Амон всё видит и всё слышит, – неожиданно вставил жрец и с непроницаемым видом продолжал созерцать Солона.

– Это правда, – с толикой иронии сказал афинянин, – следовательно, он должен знать об афинских новостях, о настроениях афинских граждан и моих противоречивых чувствах.

Произнося это, Солон внимательно смотрел на жреца и ожидал его реакции на сказанное. Но цвет его лица, напоминающий цвет храмового камня, не подвергся никаким новым оттенкам, хотя в глазах слуги Амона мелькнули искры, и они тут же сузились до невероятно малых размеров.

«Попал в сердце», – подумал Солон, но решил не досаждать ни слуге Амона, ни самому Богу и уже безо всяких иронических ноток продолжил разговор:

– Полагаю, тебя интересует моё мнение в отношении свершившегося в Аттике, но мне не очень-то хотелось бы давать оценок. Во-первых, потому что это касается меня лично, во-

вторых, потому что времени прошло мало; а в-третьих, как говорят у вас, египтян – «издалека виднее лучше».

– Сильно сказано, Солон, и хитро сказано. Но не для жреца Амона. Я хочу, чтобы ты был откровенен со мной.

– Ну, что ж, тогда слушай. Конечно, я, и все, кто со мной, ждали большего от возврата Афинам Саламина. Ждали. Но разве не ждём мы большего от всех наших поступков и дел? Разве, просыпаясь утром, не строим мы возвышенных замыслов на день грядущий? А что мы имеем в итоге? Радости и удовольствия всегда меньше, чем огорчения и недовольства. В душе человек лелеет надежды, но даже добившись чего-то значительного, он всё равно недоволен. Ему хочется чего-то большего, более значимого и великого. И так всегда. Возврат Саламина приободрил ионийцев, но не изменил их. Для Афин Саламин был всего лишь внешним нарывом. А главное заключается в том, что наше государство серьёзно больно изнутри. Теперь я уверен, что и десяток саламинов не могут глубоко изменить нашу жизнь. Причина тут кроется глубже, значительно глубже. Её необходимо постичь, уяснить, а уяснив, разрешить. Но это, Менхофра, трудная, невероятно трудная задача. Это не менее сложно, чем постичь глубинную суть религии, величие Бога, а возможно и сложнее.

– А может быть, Солон, ваши поиски и трудности как раз и вытекают из вашей религии и ваших культов?

– Нет-нет! – страстно ответил афинянин. – С религией, с богами у нас как раз всё в порядке. А вот с самими людьми, нет. Тут получается какая-то невиданная странность. Боги очень близки и понятны нам, а вот люди, далеки друг от друга, они чужды, даже враждебны по отношению к своим близким. Двадцать лет я пытаюсь проникнуть в эту тайну и не нахожу достойного решения. Я даже умышленно обострил события вокруг Саламина, но это не решило трудностей нашей жизни.

– Мне кажется, Солон, вы слишком приблизили к себе богов, настолько близко, что уподобили им себя. А боги такое не любят, они не прощают легковёрного обращения с ними.

– Разве ж это плохо, что боги приблизились к человеку, а он к ним, – вспыхнул Солон. – Бог должен быть понятен и приятен человеку. Он должен помогать человеку, а тот почитать его. Мы нуждаемся друг в друге. И мне кажется, что и Зевс, и Афина, и Апполон понимают нас и помогают нам. А вот эллины или, как вы говорите, данайцы понять друг друга не могут, или не хотят.

– И всё же Солон, твои размышления не убедили меня в истинном понимании религии и предназначении богов в жизни человека. Вы слишком раскрепостились, развольничались, ищите чего-то сверхданного и необычного. А этого быть не должно, не следует сему быть! Подобное не замедлило сказаться на вашей жизни. Вы бы поучились у нас. Тысячи лет стоит крепость египетского государства и крепко стоит. А всё потому, что прочны основы нашей религии, что наши боги сильны, скрыты и непонятны простому человеку. Их боятся даже фараоны, хотя и считают себя детьми богов. Что же касается простого египтянина, то он трепещет перед божеством, он внемлет ему и во всем покорствуется. Вот в чем высшая мудрость бытия и государственной жизни.

– Но ведь и у вас бывали времена, – воспротивился было Солон, но жрец резко перебил его.

– Бывали, не скрою, но прошли. Великий Амон всё расставил на свои места, и всё вернулось на круги своя. И все поняли как нелепо и губительно изменять своим богам и легковёрно обращаться с ними, как это опасно и самоубийственно и для человека, и для государства. С тех пор Амон стал ещё могущественнее, ещё таинственнее, ещё величественнее. Хотя подлинного Амона и образа его никто из простых смертных не видел. Да что там простых смертных, его мало кто из жрецов видел, его видели всего лишь несколько фараонов.

– А ты видел? – загадочно спросил жреца Солон.

– Я вижу его каждый день. Ежедневно я общаюсь с ним, я вверяю ему все свои помыслы, а он даёт мне источники силы. И мой долг доводить его помыслы до всех. Я ведь хранитель образа Амона – величайшего среди великих богов!

Тут жрец буквально вскричал. Солон опустил голову и надолго задумался. Он даже закрыл глаза. И трудно было понять, то ли он завидовал жрецу, то ли восхищался им, то ли жалел его. Безмолвствовал и жрец. И хотя молчание длилось не более минуты, но оно обоим собеседникам показалась целой вечностью. Первым очнулся жрец и, неистово глядя на созерцавшего Солона, вдруг отрывисто бросил:

– Коль посеял я в тебе великие сомнения, я их и рассею, вернее это сделает Амон.

Солон поднял голову и вопросительно посмотрел на Менхофра.

– Да рассею, – подтвердил он. – Сегодня, сейчас же, если это тебе угодно. Я немедленно отведу тебя к Амону, хотя никто из чужестранцев там не был, и я уверен никогда не будет. Ты сам всё должен увидеть и услышать, оценить и понять. И тогда многое в тебе перевернётся, неведение исчезнет.

– Но возможно ли такое? – спросил гость. – Ведь верховный жрец вряд ли позволит мне лицезреть Амона, да и у тебя могут быть неприятности из-за меня.

– Нет, он не может разрешить, но, и не может запретить этого. Образ Амона целиком в моей власти, а я нахожусь в полной власти Амона. Всё, полагаю я, что делается во имя Амона, угодно ему. Пошли!

И он резко встал с кресла. Не спеша, поднялся и афинский купец, и они двинулись навстречу Великому Богу.

Солон давным-давно слышал от старых афинян, что где-то в глубинах старого храма кроется тайное изваяние Амона. Но поскольку оно тайное, то никто и ничего путного о нём сказать не мог. Какое-то удивительнейшее предчувствие овладело им. Ему казалось, что он решился на что-то безрассудное и крайне опасное. Однако деваться уже было некуда. Жрец бросил вызов – Солон его принял. Да и чего собственно бояться Бога, если он даже велик и всемогущ. Правда, это египетский, чужой Бог, но впрочем, все боги принадлежат нам, а мы принадлежим им.

Они вышли на центральную храмовую площадь, откуда было хорошо видно большинство строений. Огромное число сфинксов, стоящих здесь, напоминало Солону конницу, изготовившуюся к бою. И в этом бою ему, купцу-афинянину, предстояло быть, очевидно, обороняющейся стороной.

Менхофра выбросил правую руку вперёд и словно дал команду:

– Пошли!

И они пошли. Сфинксы, статуи, сфинксы мелькали перед глазами Солона. Казалось, им нет числа и счёта. Некоторое время жрец молчал, а потом заговорил:

– Здесь, афинянин, не только прошлое и настоящее Амона, но и подлинная священная история Египта, история его возвышенного духа. Вот эти здания, которые справа от нас, напроць связаны с именами фараонов Псаметтиха и Тахарки, сделавших очень много для возрождения славы Амона и величия Фив. Они были почти, нашими современниками. Однако нас волнует большее, гораздо большее и гораздо более древнее.

И он, вместе с Солоном, двинулся дальше, вглубь храмовых сооружений. Афинянину казалось, что это не храм, а целый город. Да что там город – это немалое государство. Менхофра как будто угадал мысли Солона и в подтверждение их сказал:

– Всё это царство Великого Амона.

Наконец они вышли на небольшую уютную площадь, и перед ними предстало строение огромного масштаба. У широкой металлической двери, обитой золотом, стояли два жреца. Они с почтением склонили головы перед Менхофра, а затем вопросительно посмотрели на Солона.

– Откройте дверь, – приказал им хранитель образа. – Сей человек пойдёт со мной, – указал он рукой на Солона.

Молодые жрецы послушно выполнили приказ и массивная дверь со скрипом, накопившимся за столетия, медленно отворилась.

– Входи! – почти, что приказал Менхофра. И Солон вошёл. Сделав каких-нибудь пять шагов, он остановился, будучи в состоянии глубокого потрясения. Его взору предстала такая грандиозная и величественная картина, которая не поддаётся никакому словесному описанию.

– Что скажешь? – спросил его гордо Менхофра.

Но Солон молчал. Да и что он мог сказать? И нужны ли вообще здесь какие-то слова. Обстоятельства говорили сами за себя. Жрец всё прекрасно видел и чувствовал. Он понимал, каково состояние гостя.

Перед восхищённым взором Солона раскинулся гигантский великолепный зал, шириною в 200 локтей и глубиною примерно в 100 локтей. Лес колонн, подобных фантастическим стволам, как бы произрастал из мраморного пола. Их высота достигала 40 локтей, а в ширину, пожалуй, пять человек, сразу взявшись за руки, не смогли бы охватить одну колонну. Зал был достаточно освещён. Солон заметил не только украшения, но и надписи на стенах и самих колоннах. Подойдя к одной из них, он прочёл слова: «Великая Атлантида». Справа и слева размещались огромнейшие статуи, сделанные из чёрного гранита. Казалось, они устремили свои мёртвые взоры на чужестранца, вопрошая его: «Зачем ты здесь?»

– Это и есть образ Амона? – спросил тихо афинский купец.

– Нет, это только отдалённое подобие Амона, его тень. Ты видишь зал, где хранились древнейшие и ценнейшие знания всех времён и народов. Многое разграблено и продано. Осталось только то, что высечено на стенах и на колоннах, кое-что сейчас переписывается. Что же касается изваяний, то это лица фараонов Рамсеса I и Рамсеса II, Сети I и трёх великих жрецов, мнящих себя Амоном. Но, друг мой, время идти дальше.

И они пошли и вошли в зал, длина которого была раза в три, а ширина раза в два большие предыдущего. И здесь было много колонн и изваяний, но колонны располагались по периметру зала. Этот зал был темнее предыдущего. Солон с трудом увидел сидящие по углам зала изваяния. Теперь он уже сам догадался, они тоже подобия Амона.

– Это Хоремхем, а это – Эйе, – возглашал жрец.

Жрец и купец вошли в следующий зал, где убранство было не менее грандиозным. В центре зала величественно восседала в золочённом мраморном кресле одинокая фигура, с красивыми чертами человеческого лица.

– Наверное, это и есть Амон, – сразу решил Солон и стал пристально всматриваться в статую. Но тут же Менхофра ответил на его догадки:

– Это Тутанхамон, один из самых почитаемых и любимых нами детей Амона. Можно сказать, он вернул своему отцу-богу славу и величие. Но это длинная история, о ней особый разговор. Идём же дальше.

И они двинулись дальше, к настоящему Амону, и вошли в затемнённый, очень большой и совершенно пустынный зал. Он даже чем-то напоминал огромную могилу.

– А это зал отверженных нами святотатцев, смевших посягнуть на величие и саму суть Амона.

Солон только успел заметить два пустых огромных кресла. И больше ничего, буквально ничего.

– Презренные фараоны Эхнатон и Сменхкара, – с отвращением произнёс жрец. – Вечное проклятие лежит на них! Страшный позор им и вечное забвение потомков и всех приверженцев Амона! Пошли прочь от них!

Солон хотел было что-то уточнить в отношении отверженных богоборцев, но не успел. Жрец решительным шагом устремился вперёд – к любимому божеству. Его уже не мог никто остановить, включая его самого.

Солон и Менхофра проходили зал за залом. И чем глубже они продвигались, тем залы становились меньше и затемнённые. Афинянин с трудом, на ходу, рассматривал изваяния подобий Амона. Жрец то и дело называл их имена: Аменхотеп III, Тутмес IV, Аменхотеп II, царица Хатшепсут, Тутмес III, Тутмес II. От перечня этих имён и всё более надвигающейся тьмы у Солона голова пошла кругом. Но жрец беспощадно вёл его вглубь и продолжал чеканить:

– Тутмес I, Аменхотеп I, Яхмес I.

Афинянин уже ничего не видел. Казалось, он только чувствовал присутствие этих подоби, взирающих из крошечной тьмы на непрошеного гостя.

– Почему в последних залах так темно? – спросил купец жреца.

– В этом есть великий смысл. Чем ближе к Богу, тем больше тьмы, тем более непроницаемая темень здесь. Истинный смысл божества и его учения видят немногие. Только они его могут узреть и распознать, а распознав, растолковать другим.

Наконец они подошли к глухой стене, дверей больше не было. Нет, Солон не видел этого, но он чувствовал, что их больше нет. Однако Менхофра, подойдя к стене, сделал какие-то непонятные движения и появился вход внутрь. Солон не видел этого входа, но неведомым чувством уловил, что теперь можно идти вперёд. И он пошёл. Через пять шагов он снова упёрся в стену. И снова жрец своими колдовскими движениями раздвинул её.

– Входи, афинянин, ты в обители Великого Амона! – сказал он громовым голосом.

Солон нерешительно сделал три шага и остановился. Его охватило не только сильное волнение, но невиданное и не ощущаемое никогда доселе тревожное чувство, сродни чудовищному страху или тяжкой болезни. Ему подумалось, если бы он был здесь в одиночку, то сошёл бы с ума.

– Он здесь! Самый великий и самый могущественный из богов. Смотри и внемли, чужеземец! – грохотал где-то рядом Менхофра. – Теперь ты видишь его?

– Нет, я никого и ничего не вижу, – удручающе, то ли прошептал, то ли простонал Солон.

– Ну, тогда ощущаешь его присутствие?

– Я ничего не ощущаю, кроме непроглядной тьмы.

– Ну, в таком случае слышишь его?

– И ничего не слышу. Все чувства покинули меня. Я даже себя не вижу и не ощущаю.

– Скоро ты ощутишь его. Расслабь свои члены и слушай. Слушай внимательно, внемли и трепещи, данаец! Перед тобою образ того, кто есть суть и смысл всего сущего. Он перед тобой, но он везде и всюду. Его карающей деснице подвержены все смертные и бессмертные. Он первейший из всех. Он выделился из начальных вод. Амон никем не сотворен, ибо сотворил сам себя. Он явился в облике прекрасного нильского гуся, и голос этого великого гоготуна раздался среди всеобщего безмолвия. И стал он дыханием жизни всего сущего, ведь имя ему жизнь. Из глаз его появились люди, из уст – боги, сотворил он растения и всё, что есть на Земле. А когда появился песок и обозначились границы пахотных земель и основной земли на холме, Амон указал людям путь, и благоустроили они города. В его руках списки угодий и верёвка для обмера полей. И множеством рук он обладает, чтобы простирать их к любящим его. И простирает он уши к тем, кто слушает его. И ниспровергает он всех врагов своих и святотатцев. Это о нём сказано:

«Пришёл я и даю тебе поразить пределы всех земель,
И вся вселенная зажата в горсти твоей!»

И есть у него великая супруга – богиня неба Мут. И сын его велик – бог Луны Хонсу. И имеет он множество имён и образов. И зовут его также Амонту. А также Амон-Ра-Монту. А ещё он имеет имена Амон-Ра-Сонтер, а также Мин, а ещё Амон-Ра-Несут-Нечер. Но он также есть Амон-Ра – Гарахути, Амон-Хапи, Нун, Птах, Хепри, Себек, Хнум, Херишеф, Осирис, Аполлон, Гелиос, Агни. . . И явился он в своём излюбленном образе сюда в Фивы. И обосновался здесь, в Карнаке. И учредил это великое святилище, где находимся мы. И здесь пребывает его великий лик. Он здесь, он перед нами. Смотри, Солон, внимательно смотри, внемли и трепещи! Он здесь! Он здесь! Он здесь! Вот это – ОН!

И к изумлению воистину трепещущего и подавленного афинянина впереди стали приоткрываться смутные, непонятные очертания гигантских размеров. Вначале купец робко заметил один огромный бараний рог, затем второй. Над рогами появился могучий, тусклый солнечный диск, в короне которого размещались два больших гусиных пера. Затем Солон увидел чёткие очертания головы овна. Ниже подбородка располагалась человеческая голова. Затем Солон увидел одну руку, вторую, ещё огромное число рук, ноги, туловище. Зрелище было воистину грандиозным. Перед глазами вырастала несравненная громаднейшая статуя, восседающая в кресле, сделанная из золота и ещё чего-то (Солон никак не мог понять, из чего же) и своими пожирающими глазами смотревшая на пришельца. Афинянин стал смутно ощущать и наличие стен, стен – невероятно огромной, первозданной пещеры. Он также заметил, что по обе стороны от Амона есть три странные двери, скорее подобия дверей, уходящие куда-то дальше – вглубь. Но тут вдруг раздался голос жреца:

– Ну, как, афинянин, велик Амон, впечатляющ ли его образ?

– Да, зрелище сокровенное и незабываемое. Образ Амона поистине удивителен и чудесен. Но я вижу, что Амон прокладывает пути ещё дальше – вглубь.

– Ты даже это заметил? – произнёс ласковым голосом Менхофра. – Следовательно, Амон расположен к тебе, ты вошёл в очень небольшое число его избранных, великих избранных Великого Божества. Ибо даже не все жрецы видят его пути. Для большинства – это глухие и слепые стены. Ты хочешь знать, куда они ведут и в чём их смысл?

– Если так угодно Амону, – прошептал Солон.

– Вот эта дверь, которая слева, ведёт к богатствам Амона. Раз в году всемогущий встаёт со своего сидения и взирает, насколько пополнилась его сокровищница.

– Я слышал, он очень богат, – тихо сказал Солон.

– Это слишком упрощённо сказано, достойный афинянин. Нет на Земле, под Землёй, и на Небе никого богаче Амона, ни среди богов, ни тем более среди людей.

– Интересно, каковы же размеры его богатств? – с любопытством спросил Солон.

– Слышу вопрос купца, но не мудреца, – резко ответил жрец. Но затем, смягчившись, продолжил, – Что толку считать чужие богатства, тем более богатства, могущественного Бога. Вот уже пять веков никто из смертных не подвергал их счёту. Впрочем, – сказал он совсем тихо, – те, кому положено, знают всё в точности, ибо стоит прибавить к одному счёту другой и тайное станет явным. Но полагаю, Амону это не понравится, как, полагаю, не нравится ему наш с тобой разговор на эту тему. Взгляни на него, Амон не одобряет наших слов.

Солон взглянул на смутные очертания могущественного Бога и ему почудилось, что они ожесточились и посуровели.

– Воистину Амон гласит твоими устами, жрец. Простому смертному надлежит знать только о собственном богатстве.

– Мудро сказано, – ответил жрец.

– А вон тот средний вход? – продолжал любопытствовать Солон, – куда он прокладывает путь?

– Это путь к мыслям Амона, к его священному духу. Там он вещает и размышляет, там он созидает. Там его оракул. И в эту дверь нам с тобою нет пути.

– А что там, за третьей дверью? Можно ли нам туда? – снова спросил Солон.

Жрец надолго задумался. И чем дольше он молчал, тем больше Солону становилось не по себе.

– А ты спроси у самого Образа, ибо мне не суждено давать ответ на этот вопрос, – наконец хитро ответил жрец.

– Но, всё же, что там? Я должен знать, о чём его просить. —Снова возникла длительная пауза.

– Там, – начал тихо и глубокомысленно Менхофра, – там находится... Сам Великий Амон, в своей непреходящей первозданной необузданной красоте и мощи.

От услышанных слов Солон оторопел, его буквально покачнуло. Даже его утончённый ум, теперь разобравшийся во многих храмовых уловках и жреческих хитросплетениях, отказывался понимать сказанное.

– Что там, кто там? – мучительно переспросил он ещё раз, и холодная испарина мгновенно покрыла его лоб.

Жрец, не раздумывая, взял его за руку и что есть мочи потащил в таинственный вход. Солон только успел метнуть последний взгляд на Амона, и ему показалось, что тот улыбался. Менхофра втиснул купца в какое-то узилище, а затем со словами «закрой глаза» толкнул его в дверь.

Солон, не открывая глаз, почувствовал, что он находится в невероятном пекле, полыхающем и мерцающем жутком огнive. Он попытался постепенно открыть глаза, но сияние ослепляло, ошеломяло и давило его. Ему сдавалось, что он находится в центре самого Солнца, в самом его сердце, даже не в одном, а одновременно в тысяче солнечных кругов. Вначале он сжался до предела, опасаясь страшного. Затем, в состоянии великолепия полностью освободил себя от телесных оков. Всё его тело будто бы горело, но душа ликовала и возносилась к небу. Им овладевало чувство, не знающее границ. Дух торжествовал над телом и упивался блаженным счастьем. Ему почудилось, что произошли немыслимые превращения, и он действительно приобщился к высшему, неизведанному и Великому Существо, которое завладело им. Афинянин не знал и не понимал, что с ним происходит и что ему следует делать и как себя вести. Но, вдруг, чья-то сильная рука потащила его куда-то в сторону и всё мгновенно исчезло.

– Теперь открой глаза, – оповестил голос.

Это был голос Менхофра. Но Солон его не узнал. Измождённый, с затуманенным рассудком, в состоянии полуиспуга и полувосторга, он постепенно приходил в себя от священного трепета, долго возвращался в этот бранный реальный мир. Наконец, афинянин, преодолев головокружения, приоткрыл глаза и увидел, что находится на каменной площадке, на откосе горной вершины. В двух шагах от него, как ни в чём не бывало, стоял жрец и пытливый взглядом терпеливо взирал на своего спутника. Он напоминал таинственного мага, обладающего едва ли не божественной, во всяком случае, сверхестественной силой. Непонятно, где и когда жрец успел переодеться. Теперь с ног до головы его тело было покрыто белоснежной мантией, разукрашенной золочеными лентами. Лицо Менхофры было одухотворено и сияло незабываемой улыбкой. Солон ещё не видел такой замечательной трогательно нежной мужской улыбки. Воистину божественной улыбки. Жрец торжественно, но сдержанно ликовал.

– Вижу, ты очень счастлив, – сказал он Солону, – надеюсь, с тобой произошли глубокие метаморфозы. Поблагодари Бога за небывалые мгновения. Это была работа высших сил, недоступных человеческому пониманию.

– Я испытал чувства, не знающие границ и меры, – благоговейно произнёс афинянин. Я даже не знаю, бывает ли такое с другими людьми. Бывает ли такое вообще, или мне эти чудеса только померещились.

Афинский купец действительно пребывал в состоянии неземного блаженства, которого ранее никогда не испытывал. Он трепетно воздел руки к небу, к лучезарному солнцу, которое, как ему казалось, есть везде и всюду, и тихим, идущим из глубин души голосом прошептал:

– Благодарю тебя, Амон-Аполлон, за то, что ты допустил к себе, за то, что одарил меня невиданным чувством и счастьем. Пусть твоя мощь и власть будут вечны и благотворны!

– Неплохо бы тебе увидеть мистерии Амона, а то и поучаствовать в них. Тогда бы ты был счастливейшим из счастливых эллинов, а то и всех людей, – таинственно речевал Менхофра.

Солон ничего не ответил на сказанное. Скорее всего, до него не дошёл смысл слов жреца. Он видимо не понял, в какую страшную тайну ему предлагают погрузиться. А может, он про себя подумал, что достаточно и того, что он увидел сегодня. Ещё таких две-три встречи с неизвестными божественными силами и можно надорвать собственное здоровье. И телесное, и психическое. Человеческий разум может не выдержать столь неведомых испытаний. Достаточно и того, что с ним случилось.

Некоторое время они молча постояли, отдышались, насладились чистым воздухом, осмотрелись вокруг. Затем каменистой тропой жрец и купец быстро добрались до здания, где встретились прежде. Завершив свои служебные дела и дав кое-какие распоряжения подчинённому, Менхофра пригласил Солона к себе домой отобедать, побеседовать.

Дом жреца, который вовсе и не был домом, а великолепным дворцом, находился невдалеке от храмовых сооружений. Это было одно из лучших зданий в Фивах, судя по всему возведённых не так давно. Можно предположить, что Амон был щедр к хранителю своего образа. Слону так и хотелось воскликнуть: «Египетские жрецы живут лучше, чем эллинские цари». Однако делать подобного он не стал. Не следует огорчать таких хозяев, как Менхофра. Впрочем, он мог и не огорчиться.

Войдя во двор, представлявший из себя огромную площадь, Солон долго рассматривал наружность постройки и всё, что её окружало. По эллинским меркам в таких домах могли жить только богатейшие цари, а то и вовсе боги. Во всяком случае, не жрецы. За домом располагались огромный сад, великолепные беседки, озеро, галереи и какие-то совершенно непонятные, химерические изваяния. Солон, подобно ребёнку, восхищённо присматривался к этим прелестям и только молча покачивал головой. Жрец с любопытством взирал на гостя и с довольным видом сопровождал его оценивающим взглядом. Как бы отвечая на незаданный вопрос купца, хозяин с достоинством произнёс:

– Да, здесь божественно красиво. Красота была и есть неотъемлемая часть религии и жреческого промысла. Слуге Амона, то есть мне, следует жить надлежащим образом. Во всём, что ты видишь, так же проявляется величие и влияние нашего Бога. Дух Амона везде даёт о себе знать – в храме, в небе, в жилище, в душе, в жреческом разуме.

– Особенно в кошельке, – иронизируя, сказал гость.

Менхофра ничего не ответил на скрытый упрёк, будто бы и вовсе не слышал его или в глубинах души полагал, что он к нему не имеет отношения. Но про себя сказал: «Кошелёк – важнейшее свидетельство человеческого разума, главный показатель человеческой состоятельности». Дав Солону вволю налюбоваться видом дома и окружавшими его красотами, служитель великого Бога пригласил афинянина войти внутрь. Увиденная обстановка внутри здания превзошла все ожидания гостя. Солону показалось, что дворец жреца является продолжением храма Амона, а вернее его началом. Великолепные колонны, росписи, статуэтки в точности напоминали те, которые имелись в храме. Разве что не доставало таинственных храмовых надписей.

Взирая на невиданную и неслыханную роскошь, Солон не удержался и замысловато сказал то ли себе, то ли жрецу:

– Если по сравнению с Эзопом и многими афинянами я богатый человек, то относительно тебя, Менхофра, я нищий.

– У тебя достаточно сокровищ иного рода, – незамедлительно ответил ему жрец. – Они не уступают в цене этому зданию и всему тому, что находится в нём. О таких сокровищах, Солон, мечтают многие, но купить их невозможно ни за какие деньги. Значимость их гораздо выше, нежели стоимость любой постройки. Дух ценнее и краше любого камня. Он привлекательнее, прочнее и устойчивее его. Дух твёрже мрамора и гранита. Тут иногда даже Амон бессилен изменить сие положение вещей; я тем более. Я более чем убеждён, о моём дворце забудут на следующий же день, как только его снесут. А о тебе будут помнить долго.

Хозяйина и гостя у входа в дом встречала вся домашняя челядь во главе со старшим сыном жреца – также жрецом. Человек пятьдесят, образовав коридор из четырёх рядов, низко склонив головы, встречали и приветствовали их.

– Достоинейший из мужей Эллады – Солон, сын Эксекестида из царского рода Кодридов, – так высокопарно представил Менхофра гостя своим домашним. Тем самым он желал подчеркнуть, какие люди бывают в его доме и какие блюда надлежит им подавать.

За огромным обеденным столом восседали только двое – фиванский жрец и афинский купец. Что может быть удивительней? Стол на двоих, что может быть сокровенней. Вначале пирующим были поданы изысканные египетские блюда, о которых Солон даже не слышал, не то чтобы когда-то вкушал. Жрец ел мало, а к некоторым блюдам и вовсе не прикасался. Гость также был умерен в еде. После египетских блюд на стол, к его удивлению, подали эллинские блюда, приготовленные не хуже, нежели готовят эллинские повара. Гостю наливали великолепные вина, правда, сам Менхофра к вину не прикоснулся. После того, как хозяин и гость утолили голод и жажду, между ними началась возвышенная беседа, ставшая продолжением ранее начатой в храме, и существенным дополнением ко всему увиденному в нём.

– Скажи, Солон, ты, доволен познанным тобою в нашем святилище? Оправдались ли твои ожидания в отношении Амона? – спросил победоносным голосом хозяин дворца.

– Благодарю тебя, Менхофра, за честь, которую ты оказал мне в храме и дома, – преспокойно ответил Солон. – Я был полон ожиданиями, но всё, что увидел, многократно превзошло их. Могуч и богат Амон, как в сущности, умны и преданы его слуги. Тут, как говорится, не прибавить и не убавить, что есть, то есть. И такое положение вещей надлежит уважить.

– Рассеялись ли твои сомнения, порождённые нашей предыдущей беседой? – с толикой незаметной тревоги спросил жрец.

– Сомнения, любезный служитель Амона, дела сложные и противоречивые. Одни разрешаются, но тут же порождаются другие, – глубокомысленно ответил Солон.

– То есть? – удивился жрец.

Солон поднял голову и посмотрел на него полузакрытыми глазами и спокойно продолжил:

– Нет, я не сомневаюсь в могуществе Амона, силе его власти и масштабах влияния. Но меня берут сомнения другого рода. Когда я стоял там, в кромешной тьме, перед его образом, я сомневался в том, правильно ли поступаете вы – жрецы, скрывая так глубоко Бога, лишая блаженства и возвышенного трепета тысячи и тысячи людей. Кому нужен незримый Бог?

– Они и так трепещут и блаженствуют! – резко возразил жрец. – Не следует простым людям видеть Бога. Неизвестность больше страшит и укрепляет веру. К тому же сам Амон возжелал такого состояния. Ему, единственному, дано право решать подобный вопрос. Таковы предначертания небес.

– Но это, согласись, не одно и то же. Трепетать, не видя, не сознавая, не понимая, и трепетать, прикасаясь к нему! Живаясь в него! Трепет трепету рознь. К тому же, надо помнить, что всё-таки Амон – Бог света, солнца, жизни. А вы уподобили его Аиду – подземному и посмертному Богу. Разве такое обстоятельство допустимо? Неужели оно фиванцами приветствуется?

– Такими идеями, как у тебя, нельзя жить, нельзя ими питаться, – возмутился жрец. – Они могут привести к разрушительным последствиям. Я просто ужасаюсь, Солон. Твои суж-

дения, сродни Эхнатоновым. Ты помнишь тот пустынный зал в храме? Так вот, восемьсот лет назад, фараон по имени Аменхотеп возжелал сделать Амона более солнечным и доступным. Он возжелал поразить его суть. И когда жрецы и знать не позволили пошатнуть божественный авторитет, он восстал против древнего Бога, восстал против нас – священнослужителей. Он изобрёл нового владыку – Атона – Бога солнечного диска. Ты понимаешь, Солон, что значит восстать против такого Бога как Великий Амон? Это значит выбросить на египетскую свалку и испоганить всё наше прошлое; можно сказать, перечеркнуть всю человеческую и божественную историю Египта, покуситься на всё священное и неприкасаемое! Замахнуться на всё, что выше всего! Итак, слушай далее. Аменхотеп стал закрывать Амоновы храмы, похитил часть его сокровищ, построил новую столицу Ахетатон. Он, презренный фараон, даже переименовал своё имя Аменхотеп – угодный Амону, на имя Эхнатон – дух Атона. А если хочешь, то угодный Атону. Я не знаю, стал ли он угодным какому-либо богу, но жрецам и истинным приверженцам Амона он стал негодным. Фараон не угодил ни богам, ни людям. Тем не менее, богоотступник силой оружия угрозами и подкупом заставил многих поклоняться новому божеству, олицетворением которого был солнечный диск. Храм, который возвели по его порочной воле, был полон света, можно сказать, что в нём был лишь только свет, и больше ничего. Но этим Эхнатон никак не приблизил людей к божеству, а только породил их сомнения и разжёл небывалую рознь. Люди насмерть сражались из-за богов. Имелись огромные жертвы; была настоящая война. К сожалению, фараон так и не понял, что религия неприкосновенна, а вера – свята. Она изначально и исконна. Подрывать её устои, всё равно что обмываться кипящей водой. Никому не позволено менять тысячелетние предназначения небес.

– Плохо, и даже недопустимо, когда люди сражаются меж собою по религиозным причинам и тысячами убивают друг друга, – немного поразмыслив, сказал Солон. – Споры, дискуссии допустимы, но только не смертельная вражда. Я не думаю, что она в радость богам. К тому же вражда религиозная опаснее любой другой. Она может перерасти во вражду политическую, этническую и даже межгосударственную. Её последствия непредсказуемы.

– Это почему же? – с непониманием спросил жрец. – Люди должны сражаться за своих богов.

– Дела духовные между людьми должны решаться полюбовно, терпимо. Навязывать людям веру нецелесообразно. Неофитство – очень опасное явление. Тем более, насильственными средствами. К истинной вере человек должен прийти постепенно и самостоятельно. Такой путь, разумеется, длителен, крайне сложен. Но он необходим. Любого индивида, ищущего истинной веры, надо твёрдо убедить в значимости такой веры. Тогда она будет прочной, искренней, чистой. Было бы лучше, если бы сами боги сражались между собою за людей, за своих почитателей, поклонников, а не наоборот. И людям стало бы проще, и жертв было бы меньше. Впрочем, мне кажется, – возразил Солон, – что фараон восстал не столько против Амона, сколь против его жрецов и старых порядков, против архаичного понимания Амона.

– Но порядки, установленные с незапамятных времен, не дано менять даже фараону, – возвысил голос Менхофра. – Ибо они вечны и неизменны, как вечен и неизменен сам Амон и весь существующий мир. К тому же, знай, афинянин, жрец, как и Бог – часть мира. Заметь – лучшая часть. Могу ещё к сказанному добавить мудрецов. На худой конец купцов. Итак, религиозный порядок – святое дело и абсолютно неприкасаемое с чьей бы то ни было стороны. Все цари, фараоны, тираны, архонты, все-все правители должны об этом знать. И не просто знать, но и в жизни следовать такому непререкаемому знанию. Отсюда вывод – знание священного и следование ему есть необходимость для всех. Как можно сомневаться в простых, абсолютно очевидных истинах?

– Сомнение есть начало разумной жизни человека, – решительно возразил Солон. – Сомнение – это хлеб мудрствующего индивида. Неужели для тебя такое не является очевид-

ностью? К тому же, ты противоречишь себе, уважаемый жрец. Не далее как у изваяния твоего Бога, ты говорил о многоликости Амона, его метаморфозах.

– Но эта многоликость внутренняя, она внутри самого Амона и для Амона, но не для людей. Хвала Великому божеству это понял преемник Эхнатона – Тутанхамон. Он возвратился к старине, и всё вернулось в прежнее русло. Всё вернул на прочные священные места.

– Позволь не согласиться с тобой, слуга Амона. Я не большой знаток тонкостей вашей религии, но всё же заметил, что в вашем храме существуют как бы два храма и два бога. Тот – тёмный, скрытный и непроницаемый и светлый, доступный, радостный, начинающийся как раз с Тутанхамона. Как это понимать?

Менхофра задумался, опустил глаза. Он искал достойный ответ, но, судя по всему, не находил. Наконец, прижмурившись, он тягостно произнёс:

– Ты сверхпроницателен, афинянин, тягостно умён. От твоего глаза ничто не ускользнуло. И по чести, я должен признать, что ты во многом прав. Со времени Тутанхамона, а если быть точным, то Эхнатона, свет всё больше стал проникать в обитель Амона, подобно неведомой и незнающей преград силе. Жрецы ожесточённо противились этой злобной силе. Светлое они стремились делать тёмным, прозрачное – затуманенным, а тёмное – ещё темнее. Но даже они не смогли найти противоядия грядущему беспощадному свету. Прозрачный, золотистый свет преодолевал все наши преграды. Вот и получилось, что у нас словно бы два храма и два Амона. Но этого никто не замечает, никто кроме тебя. Ты мог бы быть непревзойдённым жрецом, поистине великим слугой Амона.

– Слуги великими не бывают. Они могут быть либо преданными, либо лживыми, безмолвными, либо говорливыми, упорными, либо ленивыми, умными либо глупыми. Разными бывают жрецы, но вот, чтобы великими, то это слишком. Что же касается меня, то отвечу честно – служить, к сожалению, а возможно и к счастью, не умею, я свободный человек. Я могу быть купцом, поэтом, стратегом, садовником, нищим, даже по несчастью рабом, но только не слугой. Жречество – дело достойное, но не для меня. Боюсь, мы с Амоном не поладили бы, и кому-то из нас двоих пришлось бы уйти. Или ему из моей души, или мне из его храма. А так, на расстоянии, мы способны понять друг друга, даже поладить. Амону лучше иметь одного жреца, как ты, нежели тысячи таких, как я. Неофит из меня, Менхофра, не получится.

– Душа именчива, и разум неустойчив, – тихо молвил Менхофра, намекая на то, что в один момент мнения могут поменяться на другие и даже совершенно противоположные.

Но Солон не услышал слов жреца. Он страстно говорил о своём.

– Но это так сказано, между прочим, главное состоит в другом, – продолжил афинский купец. – Мне кажется, хранитель образа Амона, что всё сущее подвержено неизбежным переменам. Это, как показывает жизнь, всеобщий закон и для богов, и для храмов, и для людей. И тот, кто не понимает этого, тот обречён на страдания, а то и на погибель. Поэтому очень важно уловить время перемен и направить их по спокойному и управляемому руслу. Таким образом, удастся сохранить очертания старого и заложить новые основания. В противном случае, новое может разрушить старое, стереть его с лица земли, или они взаимно погибнут.

– Возможно, возможно, Солон, ты прав. Но мне больно осознавать это, ибо я приверженец учения строгого, вечного и неизменного. Прошлое во мне и надо мной, и я весь в нём. А ты – болен жизнетворным будущим. Мы с тобой ровесники по годам, но по духу между нами лежит пропасть в две тысячи лет. Я в глубоком, тоскливом одиночестве нахожусь там, на самом её дне и никак не могу сдвинуться с места, поползти вверх. А ты находишься на вершине, но уже облачился новыми мыслями и изготавился к новому полёту. Мне жаль тебя, но в потаённых уголках своей души, я искренне завидую тебе. Если Эллада поймёт тебя правильно, то её ожидает великое будущее, более значимое, чем египетское прошлое. Хотя никому не известно, что на самом деле лучше. Только спустя столетия люди смогут верно, и беспристрастно оце-

нить наши дела и помыслы. Время – вот подлинный измеритель истины, который нас может справедливо рассудить. А люди, каким бы они ни были, всего лишь его случайные заложники.

Жрец умолк и заметно сник. Солону показалось, что лицо египтянина, покрывшееся неизгладимой тоской, действительно постарело на тысячу лет, и ему стало искренне жаль собеседника.

– Не грусти, Менхофра, не терзай свою душу устаревшими сомнениями. Время великих перемен только наступает. Я полагаю, что и Египту его в будущем не избежать. Однако и то, чего вы добились за прошедшее время, достойно всяческого уважения и изучения. Жаль только, что вы замкнулись в себе, что многое не делаете всеобщим достоянием, ведь оно заслуживает этого. Меня, между прочим, интересуют многие ваши папирусы – они же настоящий клад знаний. Не могу ли я с ними познакомиться?

– Можешь, но не сейчас. Вопрос в том, что переписчики заняты восстановлением рукописей, и это продлится долго. К тому же, много свитков по приказу фараона переданы в храм Нейт – в Саис. Ведь там теперь столица. Фивы вновь оказались на задворках и, как мне кажется, теперь уже навсегда. Мы постепенно угасаем, а как хотелось бы процветать, благоухать.

– Напрасно тоскуешь, Менхофра, Саису, никогда не сравниться с Фивами во славе и величии. Ваш город единственный из египетских городов, которые воспевал наш великий поэт Гомер. Да и столица – что в ней хорошего? – интриги, суета, тревоги. Ты ведь жрец, а не политик. Для жреца храм выше государства, а самый лучший египетский храм здесь – в Фивах, в Карнаке.

– Не забывай, Солон, что я не только жрец. В Египте жрец больше, чем жрец. Он даже больше значит, чем иной политик. К тому же я не только священнослужитель, но и человек, обычный человек со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, впрочем, всё, что не делается – делается к лучшему, так гласит древняя мудрость.

Солон был приятно удивлен некоторыми переменами, происшедшими в его собеседнике. Ещё несколько часов назад Менхофра был уверенным в себе, в своих идеалах и воззрениях был незыблемым, подобно затемнённой изваянию Амона. А теперь, казалось, перед афинянином сидел обыкновенный человек, всего лишь облачённый в жрецескую одежду, со всеми присущими людям слабостями.

– Я хочу спросить тебя, любезный Менхофра, – после длительной паузы обратился к нему гость, – о том, что меня сильно заинтриговало.

– Это ты о чём? – несколько приободрился жрец.

– Там, в храме, на одной из колонн, начертаны слова: «Великая Атлантида». Большого прочесть я не успел. Разъясни мне, что они означают?

– От твоего зоркого глаза, любезный Солон, ничего не ускользнуло, – уважительно заметил хозяин дома. – Прочитанная надпись, – это пролог к большой рукописи, из которой можно почерпнуть сведения о древнейшем неведомом нам, ныне живущим, народе. По уровню знаний и обустройству своей жизни он, судя по всему, был намного выше нас и вас и всех ныне живущих.

– Но этого не может быть! – воскликнул потрясённый Солон.

– Не может быть, но возможно было, – спокойно ответил жрец, – об этом свидетельствует самый древний папирус. К тому же далёкие предки жреца Сонхиса, проживающего сейчас в Саисе, видели это своими глазами. Между прочим, интересующий тебя папирус находится у него. Древнюю реликвию с трудом удалось сбересть.

– Но, почему к ней такое странное отношение? – ещё больше забеспокоился афинянин.

– Потому, что этот манускрипт коренным образом меняет взгляд на нашу историю, религию и всё то, на чём мы учились и воспитывались.

– Но я никогда и ничего не слышал о таком народе.

– Об этом и сейчас знают не более пяти-шести человек. А раньше – и того меньше.

– Давно ли жил этот народ, не миф ли это?

– На счёт мифа не знаю. Ведь вся наша жизнь есть непреходящий миф; она целиком состоит из мифов. А в них, как известно, есть всё – и реальное и мнимое, и великое и низменное, и сиюминутное и непреходящее. Что касается давности времён, то это было, – жрец несколько мгновений подсчитывал в уме и затем с наслаждением произнёс, – девять тысячелетий назад, Так некоторые говорят и так полагают.

– Как назывался этот народ, как прозывали их государство? – дрожащим голосом интересовался Солон.

– Государство называли Атлантидой, а народ – атлантами, и жили они в большом море, на огромном острове, столь огромном, что он превосходил все изведанные ныне земли. И жизнь их была устроена по законам разума, совершенства и справедливости. Основую основ были законы, которые они сами сочинили и по согласию приняли. Возможно, о таких законах ты мечтаешь сейчас, афинский мудрец и купец. Но боги покарали их, ибо они слишком высоко вознеслись и вели себя недостойно. Атлантида погибла, остались только смутные воспоминания. Ну да хватит об этом. Прогуляемся лучше по саду перед сном.

Во время прогулки Солон не удержался и спросил Менхофра:

– Разве Сонхис был жрецом вашего храма?

– Да, и не только Сонхис, но и все его предки, с незапамятных времён. Многие из них были Великими жрецами. Их изваяния ты видел в храме. Правда, Сонхис был всего-навсего хранителем рукописей.

– Но почему же тогда он покинул храм Амона, от чего изменил своему Богу?

Менхофра многозначительно улыбнулся, а затем то ли с грустью, то ли с завистью медленно произнёс:

– Сонхису повезло. Фараон Нехо, взойдя на престол, приблизил его к себе. Вот и оказался он в Саисе, стал жрецом храма богини Нейт. Но изменил ли он Амону? – вот в чём вопрос. Полагаю, что нет. Можно ведь быть жрецом храма Сета, Пта, Атума, Хнума, Тота, Аполлона, но в душе оставаться преданным Амону. К тому же, и это главное, он близок к живому Амону – фараону. Ты же не хуже меня знаешь, что для египтян важнее живой, осязаемый Амон, тот, от которого можно что-то получить в награду, а не тот, храмовый – которому, наоборот, следует дарить. Для большинства египтян издревле понятия бог и фараон совпадали. Жрецы пытались возражать против такого толкования бога. Но в Египте сила оружия оказалась сильнее силы духа. Поэтому я не осуждаю Сонхиса. Возможно, и я также поступил бы, обласкай фараон меня.

Солон внимательно слушал жреца, и где-то в душе сочувствуя ему, все больше и больше проникал в тайны религиозной и государственной жизни этой великой страны. Интересного и поучительного здесь было много, и афинянин старательно усваивал всё.

Около двух часов длились прогулки по саду. Собеседники вели незатейливые разговоры, затем состоялся ужин. Солон, по просьбе жреца, остался на несколько дней погостить у него. Здесь же с ним находились и его спутники из Афин.

Жрец ежедневно на несколько часов уходил в храм, затем возвращался домой, и они вновь и вновь в фиванском саду вели возвышенные беседы. Несколько раз Солон пытался повернуть разговор к вопросу об Атлантиде, но беседы на эту тему не клеились. Менхофра уклонялся от столь сложного разговора, сказав, что в храме Нейт он узнает гораздо больше, чем здесь. В этом вопросе главный человек – жрец Сонхис. Фиванский жрец дал понять афинянину, что разговор об Атлантиде его не радует, в отличие от других тем.

В Фивах был ещё один храм Амона в Луксоре. Тоже древнее и поистине грандиозное сооружение. И в этом храме у Солона были знакомые жрецы, и с ними он вёл беседы. Но здесь об Атлантиде ничего не знали, а может не хотели знать и говорить о ней. От Менхофра афинянин услышал немало интересных древнеегипетских сведений по земледелию, астрономии,

математике. Только теперь он сполна оценил значимость храмов как центров древней культуры и хранилища знаний.

Видя огромный интерес Солона к знаниям, жрец предложил ему привезти в Фивы сына, дабы тот получил надлежащее образование, а то и принял жречество, стал священным человеком.

– Прими к сведению, афинянин, – сказал он гостю в полголоса, – жрецы – это истинные владыки Египта, разве что без царских тронов, корон и скипетров. Но власти у нас премного. Денег и влияния тоже. У нас особый дух, надёжный опыт, бесчисленные блага и божественная благодать. Что ещё нужно юноше, вступающему в большую жизнь.

Солону показалось интересным такое предложение, но всё же он ответил так:

– Мысль, созревшая в твоей голове весьма интересная. Однако сын должен сам выбрать свой путь; в жизни хороших дорог много. К тому же не всякий жрец священен.

На прощание египетский жрец подарил Солону древнюю кифару, украшенную золотыми пластинами, сказав при этом:

– Надеюсь, звуки, извлечённые из этих струн, будут достойным украшением твоих мудрых элегий.

На что растроганный поэт ответил:

– Благодарю тебя, любезный друг. Сия кифара – поистине царский подарок. Однако опасюсь, как бы внешний вид инструмента не затмил смысла моих стихов и музыки. Как бы эллины не сказали, что пою не я, а эта восхитительная кифара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.